

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории Сибирского отделения
Институт истории и археологии Уральского отделения
Институт российской истории
Санкт-Петербургский институт истории

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ ТОРГОВЛИ,
КУПЕЧЕСТВА И ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

ТОРГОВЛЯ, КУПЕЧЕСТВО И ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО В РОССИИ В XVI–XX вв.

Тезисы докладов
Пятой международной научной конференции
(Новосибирск, 27–29 сентября 2022 г.)

Санкт-Петербург — Новосибирск
2022

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории Сибирского отделения
Институт истории и археологии Уральского отделения
Институт российской истории
Санкт-Петербургский институт истории
АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ ТОРГОВЛИ,
КУПЕЧЕСТВА И ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

ТОРГОВЛЯ, КУПЕЧЕСТВО И ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО В РОССИИ В XVI–XX вв.

Тезисы докладов
Пятой международной научной конференции
(Новосибирск, 27–29 сентября 2022 г.)

Санкт-Петербург — Новосибирск
2022

УДК 339.1
ББК 65.428

Составитель
А. И. Раздорский

Тексты опубликованы в авторской редакции

Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XX вв. : тезисы докладов Пятой международной научной конференции (Новосибирск, 27–29 сентября 2022 г.) / Российская академия наук. Институт истории Сибирского отделения [и др.] ; сост. А. И. Раздорский. — Санкт-Петербург ; Новосибирск, 2022. — 311 с. — Электронное издание.

На обложке приведена репродукция картины Б. М. Кустодиева «Купец-сундучник» (1923 г.; Нижегородский государственный художественный музей)

© Раздорский А. И., составление, 2022

Содержание

<i>Е. А. Абакумова.</i> Развитие торговой деятельности мещан в российской провинции во второй половине XIX — начале XX в. (на примере Курской губернии)	11
<i>К. А. Абдрахманов.</i> «...Купец это было — слово. А слово — это был купец»? О взыскании долга с оренбургского купца А. К. Дойникова	14
<i>Е. Н. Абдрахманова.</i> Имянаречение в купеческих и других семьях Оренбурга в 1865–1910 гг.: сравнительный анализ	17
<i>О. А. Абеленцева.</i> Таможенные пошлины в структуре денежных доходов Успенского Тихвинского монастыря в 1623–1633 гг.	19
<i>С. В. Аброськин.</i> Стационарная торговля Томской губернии в конце XIX — начале XX в. (по материалам рекламных объявлений в периодических изданиях)	21
<i>А. С. Алмазов.</i> Сбор торговых и таможенных пошлин в городах Войска Запорожского в царскую казну в 1666–1668 гг.	24
<i>Е. В. Бакалдина.</i> Письма Боткиных по чаеоторговым делам в фонде Г. В. Юдина в Российском государственном архиве литературы и искусства	27
<i>В. Г. Балковая.</i> Организация прохождения таможенной службы в Российской империи	30
<i>А. В. Белов.</i> За что в России сажали предпринимателей: купцы — узники московского острога первых лет правления Екатерины II (характер преступлений и состав участников, 1764–1765 гг.)	33
<i>В. Н. Беляева.</i> Соляной промысел как основа экономического развития территории Балахны XVII в.	36
<i>Н. А. Беляева.</i> Таможенное ведомство в условиях Гражданской войны на востоке России	38
<i>Е. Д. Беспалёнок.</i> Купеческая верхушка российских провинциальных городов в 60-80-х годах XVIII в. (на материалах Смоленска и Вязьмы)	41

<i>Н. А. Богородицкая.</i> IV Всероссийский торгово-промышленный съезд 1896 г. в Нижнем Новгороде	44
<i>Н. Д. Борщик.</i> Деятельность крымских таможенных органов в 1850–1860-е годы	47
<i>А. А. Бродников.</i> Приходно-расходные книги XVII в. как источник о развитии торгово-ремесленной деятельности населения сибирского уезда	49
<i>Е. В. Бурлуцкая.</i> Реклама детских товаров в российской региональной и центральной прессе в начале XX в.	51
<i>Т. Я. Валетов.</i> Структура экспорта Российской империи в 1802–1915 гг.: отраслевой аспект	54
<i>Ван Вэй.</i> Проблемы советско-китайской торговли в 1980-е годы.....	57
<i>Л. Н. Воробцова.</i> Некоторые данные о женщинах-предпринимательницах Новониколаевска (1893–1914 гг.).....	59
<i>Н. И. Гаврилова.</i> «И тянет в Иркутск, и держит Москва»: миграционные процессы в среде иркутского купечества во второй половине XIX — начале XX в. (практики переселения в Европейскую Россию).....	61
<i>Е. В. Годовова.</i> Роль города Оренбурга в развитии российско-азиатских торговых отношений	64
<i>К. А. Голодяев.</i> Сибирское купечество и благотворительность.....	66
<i>Г. А. Гряникова.</i> Новые явления торговли Алтайского края в последнее десятилетие советской власти	69
<i>Д. В. Гущина.</i> Мотивы и стратегии купцов на службе в выборном городском управлении в России XVIII в.: к постановке вопроса.....	72
<i>В. Г. Дацьшен.</i> К проблеме истории советско-китайской чайной торговли	75
<i>А. П. Дворецкая.</i> Роль купечества в формировании религиозного облика Енисейска	77
<i>З. В. Дмитриева.</i> Торговля Кирилло-Белозерского монастыря в «смутные годы» начала XVII в.....	80
<i>Е. В. Дроботушенко.</i> Православные монастыри в торговле Забайкалья во второй половине XIX — начале XX в.	83

<i>П. Н. Дудин.</i> Памятники торгового права первой половины XX в. на страницах трудов наших соотечественников-эмигрантов как историко-культурное наследие русского Харбина (к 100-летию юбилею русского Юридического факультета г. Харбина)	86
<i>В. И. Дятлов.</i> «Базар в России — больше, чем базар?»: не замечаемая повседневность и индикатор общественных перемен	89
<i>А. А. Емельянова.</i> Благотворительная деятельность орского купечества в конце XIX — начале XX в.	92
<i>О. К. Ермакова.</i> Торговая правосубъектность иностранных специалистов в России XVIII в. (реконструкция по актовым источникам)	95
<i>А. Н. Ермолаев.</i> Трансформация Российско-Американской компании в конце XVIII в. — 1860-е гг.	97
<i>В. В. Ефимова.</i> Лука Редуев: судьба купца после банкротства	99
<i>Т. В. Жиброва.</i> Некоторые страницы из истории питейного управления на юге России (по материалам палатовского кружечного двора)	101
<i>Г. М. Запорожченко.</i> Кооперативная торговля в Сибири в начале XX в.: правовые основы, механизмы организации, значение для экономики	103
<i>В. Н. Захаров.</i> Перемены во внешней и внутренней торговле России в правление Петра I (К 350-летию со дня рождения первого российского императора)	106
<i>В. П. Зиновьев.</i> Национальный состав купечества и мещанства Северной Азии по переписи населения Российской империи 1897 г.	109
<i>С. Г. Злотникова.</i> Морально-этические и нравственные основы благотворительной деятельности купечества Енисейской губернии	112
<i>Б. И. Измайлов.</i> Из служилых татар в купеческое сословие: формирование татарского купечества Казани в XVIII в.	115
<i>В. А. Ильиных.</i> Коммерческие хлебозаготовки в 1922/23 гг. в СССР: парадоксы конъюнктуры	118
<i>О. В. Ильиных.</i> Частнопредпринимательская реклама в газете «Советская Сибирь» в условиях НЭПа (1921–1925 гг.)	121

<i>Л. В. Кальмина.</i> Забайкальское купечество в геополитических проектах Российской империи на рубеже XIX–XX вв.	124
<i>Т. Н. Кандаурова.</i> Военные города как центры развития торговли и городской инфраструктуры в первой половине XIX в.	127
<i>А. С. Керейбаева.</i> Семипалатинские купцы Плещеевы	130
<i>А. П. Килин.</i> Частнопредпринимательский уклад в торговле 1920-х годов	132
<i>А. К. Кириллов.</i> Участие русских купцов начала XX в. в работе фискальных органов: между общественной службой и личной корыстью	135
<i>Т. А. Кискидосова.</i> Хлебная торговля в городах Енисейской губернии во второй половине XIX в. (по материалам сибирских газет).....	137
<i>С. А. Козлов.</i> Российское купечество конца XVIII в.: образы и стереотипы (по материалам «Памятника претекших времен...» А. Т. Болотова)	140
<i>Н. В. Козлова.</i> Интересы казенного и частного торгового капитала в торговле России с Китаем в первой трети XVIII в.	142
<i>Е. В. Комлева.</i> Эго-тексты из личного фонда кяхтинского купца М. Ф. Немчинова в Государственном архиве Республики Бурятия: состав и перспективы изучения	145
<i>Н. А. Кореева.</i> Торговля купечества Казанской губернии на пристанях Рыбинска в первой половине XIX в.	147
<i>А. Ю. Корнилов.</i> Конкурентная борьба между купечеством и крестьянством в сфере торговли во второй половине XVIII — начале XIX в. по материалам центральных губерний.....	150
<i>Г. Г. Корноухова.</i> Торговля России с Ираном через Персидский залив в начале XX в.	153
<i>Е. С. Крацова.</i> Влияние торговли хлебом на налоговое поступление с крестьянских хозяйств в России в конце XIX — начале XX в.	156
<i>И. Е. Краноткина.</i> Торговля по рекам Каме и Вятке во второй половине XIX в. (по материалам памятных книжек Вятской губернии).....	159
<i>Ю. В. Кузьмин.</i> Торговый дом П. А. Бадмаева: экономическая деятельность и причины неудачи	162

<i>К. В. Купченко.</i> Создание властями Смоленска надзорных органов в сфере торговли во второй половине XIX — начале XX в.	165
<i>М. Д. Кулинарёва.</i> Якутские купцы и меценаты П. А. Кушнарёв и Г. В. Никифоров как символ дружбы и единения русского и якутского народов	168
<i>Ж. Е. Левина.</i> Гастрономическая торговля в Омске начала XX в. в воспоминаниях Л. Маргынова.	170
<i>С. М. Ледров.</i> Ассортимент мурашкинского овчинного товара на Нижегородской ярмарке в начале XX в.	173
<i>Е. В. Леонтьев.</i> Купцы и мещане города Красноярска из «Списка настоящих городских жителей» на 1786 г.: происхождение и занятия.....	176
<i>Д. В. Лисейцев.</i> Таможенные сборы в европейской части Московского государства в 1620–1640-е годы: общие тенденции и региональная специфика.....	179
<i>И. Н. Лобачёва.</i> Купеческие торгово-промышленные заведения в уездах Тульской губернии в первые десятилетия пореформенного периода: динамика численности, отраслевой структуры и управления	182
<i>О. А. Лукин.</i> Таможенная политика России в конце XVIII в.	185
<i>Е. И. Майзик, А. С. Вдовин.</i> «Сибиряк не из тех людей, которые принимают за библейскую истину рекламу»: торговля в Енисейской губернии глазами иностранных путешественников в конце XIX — начале XX в.....	187
<i>И. В. Маслова.</i> «Вести себя обязуюсь честно и добропорядочно»: трудовая повседневность купеческих приказчиков в Российской империи во второй половине XIX в.	190
<i>А. М. Мельник, И. А. Поляков, М. А. Смирнова.</i> Дневник М. И. Мяздрикова как источник по истории цен в Муроме в 1839–1878 гг.	193
<i>В. П. Микитюк.</i> Екатеринбургские торгово-промышленные фирмы второй половины XIX — начала XX в.....	196
<i>Т. С. Минаева.</i> Организация таможенного надзора в России и Швеции в первой четверти XVIII в.	198
<i>Ю. В. Митлина.</i> Производство и реклама какао как продукта для здоровья на российском рынке в конце XIX — начале XX в....	200
<i>О. В. Морёва.</i> Уральские купцы — книготорговцы.....	203

<i>В. В. Морозан.</i> Участие торгово-промышленных фирм в мощении петербургских улиц в XVIII — начале XX в.	206
<i>А. Р. Мустафин.</i> Торговля черным перцем в России во второй половине XVII — начале XVIII в.	209
<i>Л. К. Островский.</i> Роль предпринимателей в жизни польских городских общин Западной Сибири (1880-е годы — 1917 г.)....	211
<i>Т. В. Павлина.</i> «Об именах торгующих»: годовая ведомость по Бакинскому карантинно-таможенному правлению за 1854 г. ...	213
<i>В. А. Паришуков.</i> Недостатки в работе торговых бань Красноярска в начале XX в.	216
<i>В. Б. Перхавко.</i> Отношение русского купечества к деяниям Петра I (XVIII — начало XX в.)	219
<i>И. А. Поляков.</i> К вопросу о развитии брачных связей между правящей и торговой элитами Русского государства второй половины XVII в. (случай князя Ф. Г. Ромодановского)	221
<i>А. И. Раздорский.</i> Таможенные книги России XVI–XVIII вв.: количественный, хронологический и географический состав	224
<i>Д. А. Редин.</i> «Случай на таможне»: экономическая преступность и коррупция в петровской России	229
<i>М. И. Роднов.</i> Торговля пряниками и рынок кондитерских изделий в Уфе в 1865 г.	232
<i>В. М. Рынков.</i> Предпринимательство на востоке России во второй половине 1918–1919 гг.	235
<i>М. А. Савинов.</i> «Неподобно государскому величеству»: к изучению конфликтов торговых и служилых людей на крайнем Северо- Востоке в середине XVII в.	238
<i>М. М. Савченко.</i> Князь П. А. Вяземский о торговой и таможенной политике Российской империи во второй четверти XIX в.	240
<i>Т. В. Сазонова.</i> К вопросу о монастырских ярмарках в Белозерском крае в XVII в.	243
<i>С. А. Саломатина.</i> Орловский коммерческий банк, железные дороги и вывоз аграрной продукции из Центрального Черноземья во второй половине XIX в.	245
<i>Н. В. Середа.</i> Верующие письма как инструмент организации торговой деятельности.....	248

<i>А. С. Соколов.</i> Михаил Никифорович Бардыгин — предприниматель и общественный деятель.....	251
<i>И. Р. Соколовский.</i> Перспективы изучения истории русской торговли в Сибири XVII через призму цифровой истории: тематический аспект	253
<i>Н. В. Стрекалова.</i> Купечество провинциального города в XIX — начале XX в.: численность, состав, занятия (на материалах Тамбова)	256
<i>Е. Д. Твердюкова.</i> Посылочная торговля в СССР	259
<i>Д. В. Тимофеев.</i> Торговля под нейтральным флагом в условиях континентальной блокады 1807–1812 гг.: между политической целесообразностью и «частным прибытком»	262
<i>М. В. Тихонова.</i> Проезжие (отпускные) памяти середины XVII в. Якутской воеводской избы (по материалам Архива СПБИН РАН)	265
<i>В. В. Ткачев.</i> Роль иркутского купечества в развитии музеев и галерей как научных и художественных центров	268
<i>С. Ж. Токтамысов.</i> Государственно-предпринимательское партнерство по развитию ирригационного дела в Средней Азии в начале XX в.	271
<i>И. В. Тутаев.</i> Китайский плутовской устав: первое приближение к вопросу о подлинности документа	274
<i>Д. З. Фельдман.</i> К вопросу о деятельности евреев — поставщиков русской армии в конце XVIII в. (по архивным материалам).....	276
<i>С. В. Филатова.</i> Художественные интересы и интеллектуальные занятия в повседневной жизни провинциального купечества второй половины XIX — начала XX в. (по материалам Пензенской губернии).....	279
<i>Д. Ю. Хоменко.</i> «Ни одному российскому Кит-Китычу и во сне не снилось»: торговля на Енисейском Севере на рубеже XIX–XX вв.	282
<i>Л. Б. Цыденова.</i> Кяхтинское купечество и его роль в деятельности Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества	285
<i>Н. А. Четырина.</i> Практика наследования бизнеса по духовным завещаниям из фонда ратуши Сергиевского посада (1782–1866 гг.).....	288

<i>В. Г. Шаронова.</i> Роль российских дипломатических представительств во взаимодействии с китайскими морскими таможнями в конце XIX — начале XX в.	291
<i>В. П. Шахеров.</i> К вопросу о состоянии ярмарочной торговли Иркутской губернии в конце XIX в.	294
<i>М. В. Шиловский.</i> Политические позиции предпринимателей Сибири в конце 1917 — декабре 1919 г.	297
<i>Г. Н. Шумкин.</i> Трансформация рынка металлов горнозаводской промышленности Урала на рубеже XIX–XX вв.	299
Сведения об авторах	302

Е. А. Абакумова

**Развитие торговой деятельности мещан
в российской провинции во второй половине XIX — начале XX в.
(на примере Курской губернии)**

В провинциальных городах заметную роль в деятельности мещан играла торговля. Это занятие по праву принадлежало им, так как торгующие мещане являлись типичными представителями своей прослойки в целом на всей территории Российской империи. Так, известный историк русского права М. Ф. Владимирский-Буданов писал: «права и обязанности мещан и мещанского сословия определяется их сословной исключительностью: это... исключительное право на торговлю и ремесла».

Понятие «торгующие мещане» появляется в законодательных актах в 1824 г. Согласно законодательству мещанам разрешалось вести розничную торговлю, если у них имелось специальное свидетельство. Мещанин, получивший такой документ, мог иметь в городе, где записан, лавку в гостином дворе или в другом заведении. Помимо этого содержать гостиницы, кофейные дома, трактиры. Также мещанам разрешалось в своем небольшом домашнем заведении иметь наемных посторонних людей, однако не более 8 работников. Если количество работников было больше (но вообще оно не должно было превышать 16 человек), то мещанин должен был купить гильдейское свидетельство. Но при этом он все равно не приобретал личных прав купца и оставался в своем податном состоянии.

Во второй половине XIX в. происходят дальнейшие изменения, которые носят принципиальный характер. Неэффективность установленной еще в 1824 г. сословной патентной системы становится очевидной для правительства и уже в 1827 г. отменяются свидетельства торгующих мещан, а также само разделение мещан на торгующих и посадских.

В 1847 г. была создана специальная комиссия, которая занималась пересмотром норм торгово-промышленного обложе-

ния. Работа комиссии растянулась на достаточно долгий период, но в 1863 г. появляются уже первые результаты новой реформы.

Итак, вводилась новая пятичленная система градации торгово-промышленной деятельности, в которую входили:

- 1) торговля купеческая;
- 2) торг приказчий;
- 3) торг развозной и разносной;
- 4) торг ярмарочный или базарный;
- 5) содержание торговых и промышленных заведений.

Во второй половине XIX — начале XX в. именно торговля получила широкое развитие в городах Курской губернии. В пореформенный период ведущими торговыми центрами стали губернский Курск, уездные Белгород, Старый Оскол, Рыльск и Суджа.

Розничная торговля была одним из главных видов деятельности мещан. Аграрный характер экономики Курской губернии пореформенного периода обусловил рост торгового оборота. В силу этого самыми массовыми агентами по продажам в губернии и в области мелкорозничной торговли были представители мещанского сословия.

Исследователь В. В. Захарова отмечала, что мещане Курской губернии занимались торговлей, причем не только в самих городах, но и за их пределами: скупали у крестьян сельскохозяйственную продукцию, перепродавали им мелкие галантерейные товары.

Постоянная торговля заняла ведущее место в городском товарообороте и, прежде всего, в местах проведения ярмарок и базаров. Открывались магазины, лавки, трактиры, харчевни, закусовые и т. д.

Города становились торговыми центрами, куда стекались жители окрестностей и торговцы с различной продукцией. Предметами мещанской торговли являлись: хлеба всякого рода, пенька, конопляное семя и масло, продукция пчеловодства, лен, овчины, кожи и скот. К примеру, конопляное семя имело такой же торговый сбыт, как и масло, с той только разницей, что оно в незначительном количестве шло в южный край и к Петербургскому порту; ссыпка его находилась во всех городах, торговых селениях, во многих постоянных дворах и во всех маслобойнях.

Активное участие в торге конопляными семенами принимали чумаки, извозчики и сверх того множество торговцев, приезжающих в Курскую губернию из Орловской и Черниговской губерний.

Еще одним видом продукции, которую реализовывали мещане, был фруктовый товар. Свежие плоды из Курской губернии отправлялись в Москву, в Петербург и лежащие по пути другие города. Так, к примеру, сухая вишня пользовалась спросом в Воронеже, а сухая дикая груша покупалась московскими, елецкими и воронежскими торговцами в объеме от 10 тыс. до 20 тыс. пудов. Особо следует отметить донской и крымский виноград, который выставлялся на рынках преимущественно рыльскими мещанами и крымскими татарами. Мещане привозили виноград с Дона и из Крыма, стоимость которого составляла от 4 до 6 коп. серебром.

Следует отметить и тот факт, что мещане занимались еще перекупкой, перепродажей продуктов, которые привозили в город крестьяне.

В заключении отметим, что основным видом деятельности мещан была торговля. Однако, несмотря на абсолютный рост числа торговых заведений, большое количество их закрывалось, не выдержав конкуренции. Многие мещане, занятые торговлей, особенно в небольших уездных и заштатных городках, часто влачили жалкое существование. Мещане — мелкие торговцы всегда были обременены всевозможными сборами, пошлинами, взносами.

К. А. Абдрахманов

**«...Купец это было — слово. А слово — это был купец»?
О взыскании долга с оренбургского купца А. К. Дойникова**

В 1875 г. в канцелярии оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского рассматривались материалы судебной тяжбы, участниками которой был ряд городских коммерсантов. Данное разбирательство было инициировано «по жалобам оренбургского купца Дойникова на членов оренбургского городского общественного банка, уездного суда и конкурсного управления по случаю принятых мер к взысканию с него долгов и объявления его несостоятельным должником». В свою очередь, по ходатайству представителей кредитно-финансового учреждения против их оппонента было возбуждено «...особое дело с полицейским дознанием о сокрытии Дойниковым части своих товаров».

Протестуя против решения о признании его должником и методов взыскания с него долга, купец Арефий Кириллович Дойников написал письмо императору Александру II, в котором излагал подробности дела, поставившего его в такое положение. «Ведя на хороших основаниях свою торговлю около 30 лет и собравши от нее прибыли, я принял на себя в 1869 году постройку во внутренней киргизской орде казенных ярмарочных зданий, и при этом подрядил по условию уржумского и малмыжского купцов поставить мне на срок нужное количество леса. Между тем подрядчики эти не только на срок, но даже и после оного не поставили мне и половины нужного количества леса, так что я боясь и сам невыполнения принятого на себя в казне обязательства, употребил все какие только можно средства для довершения той постройки, и хотя выполнил оную как следует, но зато понес огромный ущерб в своем состоянии. Вслед за сим, как на довершение первого несчастья, случилось еще и второе — это пожар 1870 года, который истребил значительную часть моего имущества. При таких именно обстоятель-

ствах я начал уже кредитоваться и между прочим в городском общественном банке». Если Арефий Дойников, пытаюсь снять вину с себя самого, не клеветал на поставщиков строевого леса, то получается, что иногородние предприниматели просто обманули своего коллегу.

Объявленный должником Дойников обвинял правление кредитного заведения в том, что последние изначально запланировали нажитья на его несчастьях. В продолжении письма к императору купец писал: «Члены банка явно уже выказали в отношении меня зловредную цель, и конечно успели в том, потому что сильно пошатнули бывшее ко мне на стороне доверие, иначе если бы члены банка хоть сколько-нибудь благоприветствовали мне и не затаивали умысла, то при нежелании дать мне отсрочку, они бы прямо отказали в принятии от меня отсрочного векселя и не продержали бы его в течении 20 дней». Кроме общественного банка купец 2-й гильдии Дойников задолжал и своим коллегам, среди которых были купцы Мошковы — 1 тысячу руб., и купцы Мохнины — 700 рублей.

Также Дойников в послании российскому монарху утверждал, что против него целенаправленно интриговали другие оренбургские купцы — Волоцков, Попов (купец 1-й гильдии Иван Тимофеевич Попов являлся директором городского общественного банка) и Гусев (был товарищем директора банка). «Причиною прекращения моей торговли и остановки платежей были интриги Волоцкого, Попова и Гусева» — указывал на обидчиков Арефий Дойников.

В деловом мире Оренбуржья присутствовала сословная солидарность, а следовательно, практиковались различные виды обоюдной поддержки между коммерсантами. Поэтому нет ничего удивительного в том, что члены правления банка изначально способствовали выдаче терпящему финансовое бедствие Дойникову денежного займа. Оренбургский купец 1-й гильдии Иван Тимофеевич Попов в письме чиновнику по особым поручениям при генерал-губернаторе Шмотину дал такое описание сложившейся ситуации: «...такая личность как Дойников, которому настолько сделано от членов банка снисхождения, он за доброе дело их же называет злейшими врагами. Тогда как мы много за него хлопотали перед обществом через городского голову, но

мы не могли исполняя закон по долгу присяги и совести оставить без взыскания значительной ссуды, взятой им под честным именем купца из городского общественного капитала, принадлежащего сиротам и частным лицам, которые поздно или рано потребуют от банка возврата. Дойников же само собой разумеется решился таковые не платить». В приведенном тексте источника видно, насколько велика в указанный период была сила купеческого слова. Практически любой представитель купечества имел возможность, используя профессиональный авторитет в торговой среде, проводить операции на довольно крупные суммы кредитных средств, обходясь без оформления большого количества гарантийных документов или представления залога в виде движимого и недвижимого имущества для их получения. Если обвинения Ивана Попова в адрес Дойникова были обоснованы, то поведение последнего совсем не соответствовало представлениям о купеческой чести. В мемуарах российского политического деятеля В. В. Шульгина, описывающих российскую действительность 1925 г., упоминалось об уважительном отношении коммерсантов к данным обещаниям в дореволюционный период: «Если уж сказал, — кончено. Больше тебе ничего не надо. Почему? Потому что купец это было — слово. А слово — это был купец».

Рассмотрев собранные доказательства вины или невиновности купца Дойникова, чиновники от следствия так не смогли определить потерпевшую сторону, и дело было направлено на рассмотрение генерал-губернатора. От его решения теперь зависела дальнейшая судьба следствия: продолжить ли сбор доказательств вины или невиновности Дойникова или оставить в силе первоначальное решение судебной палаты о признании предпринимателя несостоятельным должником и помещении его под арест.

Е. Н. Абдрахманова

Имянаречение в купеческих и других семьях Оренбурга в 1865–1910 гг.: сравнительный анализ *

Имянаречение представляет собой феномен, тесно связанный с социокультурными традициями различных групп населения. Каждая эпоха, ключевые исторические события накладывают отпечаток на выбор имени, частоту его употребления, на появление новых нестандартных имен.

Свое исследование мы строили на анализе записей, сделанных в метрических книгах Вознесенской, Покровской, Троицкой и Петропавловской церквей г. Оренбурга в 1865–1910 гг. В указанный период данные церкви являлись самыми крупными и содержали записи о представителях разных сословий, проживающих в Оренбурге.

Анализ имен, которые были зафиксированы в указанных метрических книгах показал существенные различия в наиболее употребительных именах, встречающихся в разных сословиях. На выбор имени, в первую очередь, влияла религия. При рождении ребенка учитывались ближайшие именины святого, в честь которого, как правило, и называли ребенка.

Отличия при выборе имени прослеживаются также между городскими и сельскими сословиями. Купцы и мещане, относясь к городским сословиям, стремились выбирать для своих детей аристократические имена (Константин, Николай, Анна). Для крестьян, даже проживающих в городе, были характерны простые имена: Стефан, Федор, Агафья, Пелагея и т. д. В дворянских семьях родители довольно часто стремились назвать ребенка в честь монархов. Практически каждый второй мальчик

* Исследование выполнено в рамках проекта, осуществляемого при поддержке Российского научного фонда, № 22-28-00763 «Дети и детство. Повседневная жизнь ребенка в условиях провинциального городского социума (на материалах Оренбурга пореформенной эпохи)».

носил имя Александр, Петр, Павел, а девочки были Александрями и Елизаветами (Елисаветами). Именно в дворянской среде встречалось и наибольшее число редких имен: Юрий, Наталья.

На выбор имени могла повлиять и интенсивность перемещений субъектов по территории империи. Так, частые поездки по империи были характерны для представителей купечества. Купцы вели торговлю, как в других губерниях, так и за пределами своей страны. Из таких деловых поездок купцы нередко привозили что-то новое, в том числе и новые имена (Юлия, Олимпиада). В таком же ритме жизни жили люди, находившиеся на военной службе. Довольно частая смена жительства, а значит и социокультурной среды объясняла наличие довольно редких имен у представителей военного ремесла (Марк, Тимофей).

Нередко детей называли в честь родственников (бабушек, дедушек и т. д.). Были случаи, когда ребенка называли одинаковыми именами с отцом или с матерью. Такие «родовые» имена создавали общий культурный код семьи, способствовали ее сплочению, демонстрировали уважение к старшим родственникам.

С течением времени имена теряли свою актуальность, им на смену появлялись новые. Например, в 1865 г. в записях метрических книг Оренбурга мы встречаем имена Пелагея, Пераскева, Агафья, Стефан, а к 1900 г. детей стали чаще называть именами Зинаида, Виктор, Сергей, Роман, Илья и т. д.

Таким образом, в Оренбурге в 1865–1910 гг. специфику имянаречения в семьях определял разнообразный состав проживающего здесь населения. Имена в купеческих семьях представляли собой любопытный культурный феномен. На выбор имен для детей влияли религия, сословная принадлежность, род занятий родителей, родственные связи. Имена претерпевали изменения с течением времени.

О. А. Абеленцева

**Таможенные пошлины в структуре денежных доходов
Успенского Тихвинского монастыря в 1623–1633 гг.**

Успенский Тихвинский монастырь был основан по приказу царя Ивана Грозного на Пречистенском Тихвинском посаде Обонежской пятины Новгородского уезда. На погосте находился построенный в 1507–1515 гг. Успенский собор, в котором хранился чудотворный образ Богоматери Одигитрии Тихвинской. До основания монастыря вокруг храма располагался торгово-ремесленный посад, который перенесли на переданную монастырю церковную землю и отдали в ведение монастырских властей с целью обеспечить обитель силами и средствами для поддержания в боеспособном состоянии оборонительных сооружений, возведенных вокруг монастыря. На Тихвинском посаде в XVII в. стояло 100 дворов торговых людей, имелись лавки, а один раз в год в первое воскресенье Великого поста проводилась ярмарка. Установить точное время появления таможи на Тихвинском посаде не представляется возможным. пожалование о сборе таможенных пошлин в пользу монастыря было предоставлено царем Лжедмитрием I в августе 1605 г. Согласно жалованным грамотам царей Лжедмитрия I, Василия Шуйского и Михаила Федоровича монастырь также имел право собирать и другие торговые пошлины — замытную, померную, позем, полавочное, пятно, явку, роговую, привязную. В таможене на посаде для сбора пошлин имелся список с новгородской уставной таможенной грамоты от 17 марта 1571 г., выданной царем Иваном Грозным опричной торговой стороне Великого Новгорода. Монастырский архив за 1560 — первую половину 1623 г. был почти полностью уничтожен пожаром, произошедшим в обители 29 июня. За последующие годы в Архиве СПбИИ РАН (ф. 132) имеются источники, характеризующие деятельность таможи на Тихвинском посаде — таможенные книги (1623–1703 гг.) и выписи из таможенных книг других го-

родов и местностей, принятые в тихвинской таможене (начиная с 1655 г.). Сведения о полученных пошлинах фиксировались в монастырских приходных денежных книгах, куда записывались суммы и имена принесших их в казну выборных таможенных голов. Основной приход по этой статье фиксируется в книгах в феврале — апреле и ноябре — декабре месяцах, то есть в период проведения ярмарки и во время Рождественского поста, когда были окончены сельскохозяйственные работы и устанавливался санный путь. Отдельно велись книги для записей о сделках с лошадьми, записей товаров тихвинских посадских людей, новгородцев, гостей из московских и «понизовских» городов и «заонежские» книги, куда записывали сведения о ладожанах, олончанах и других заонежцах. Содержание тихвинских таможенных книг требует особого исследования для уточнения хронологии их составления и анализа. В описи хозяйственных книг Успенского Тихвинского монастыря (ф. 132, оп. 2) за 1623–1633 гг. их числится 33 единицы хранения, но некоторые являются фрагментами. Смена таможенных голов происходила каждый год. Их выбирали из торговых людей Тихвинского посада. Как в записях монастырских приходных денежных книг, так и в самих таможенных книгах указывали имена двух таможенных голов, а об остальных писали «с товарищи». Также таможенные головы и целовальники упоминаются в судных делах, вершенных на Тихвинском посаде, который был подсуден монастырским властям, так как одной из обязанностей этих выборных лиц было участие в судебных заседаниях вместе с приказными монастырскими слугами. Судебные заседания, как правило, проходили в той же таможенной избе, которая была деловым и административным центром Тихвинского посада. В ходе подсчета денежного прихода монастыря за 1623–1633 гг. нами был проведен полный обсчет монастырских денежных приходных книг, установлены суммы прихода из разных источников. Исследование показало, что таможенные пошлины, полученные в пользу монастыря составили 2584,54 руб. и стали вторым по сумме источником дохода в рублях (16,8 %). В редких случаях пошлины могли уплачиваться в ефимках с согласия монастырских властей, если последним требовалось серебро для изготовления окладов икон и церковной утвари.

С. В. Аброськин

**Стационарная торговля Томской губернии
в конце XIX — начале XX в.
(по материалам рекламных объявлений
в периодических изданиях)**

Реклама является одним из важных источников по социально-экономическим процессам, протекавшим в российском обществе конца XIX — начала XX в. Она становилась каналом прямого общения предпринимателя с потенциальным потребителем. На основе анализа рекламных объявлений в периодических изданиях Томской губернии появляется возможность рассмотреть развития стационарной торговли в регионе, выявить системные изменения в томском обществе конца XIX — начала XX в., охарактеризовать практические интересы населения, раскрыть мир коммерции и отношение к нему общественного мнения. На современном этапе история возникновения и развития коммерческой рекламы приобретает важное научное значение и становится объектом исследований, поскольку знание истоков рекламного дела закладывает основу для использования лучших идей прошлого в настоящее время.

Целью данной работы является выявление значения рекламных объявлений в периодических изданиях для характеристики стационарной торговли в Томской губернии конца XIX — начала XX в.

В разное время проблематикой экономического развития Томской губернии рассматриваемого периода занимались такие исследователи как В. П. Бойко, А. В. Быков, А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров, Н. М. Дмитриенко, А. Г. Киселев и др. А. В. Быков останавливался на процессах создания и совершенствования торговых заведений, а также предприятий по переработке продукции, их расположение, количество, оптимизация в Западной Сибири. А. В. Старцев и Ю. М. Гончаров обобщили

сведения о сибирском купечестве в торговой, промышленной и кредитной сфере Сибири. А. Г. Киселев рассматривал торговую фирму как социально-экономическое и культурное явление в период модернизации в Западной Сибири.

Констатируя серьезную историографическую проработку проблем экономического развития Томской губернии конца XIX — начала XX в., отметим, что рекламные объявления в периодических изданиях как источник изучения стационарной торговли специально в литературе не рассматривалась.

Источниковую основу статьи составляют шесть частных массовых периодических изданий Томской губернии, выходивших с 1881 по 1914 г. («Сибирская газета», «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни», «Томский справочный листок», «Томский листок», «Сибирская жизнь», «Жизнь Алтая»). Работа опирается на теорию модернизации, понимаемой как процесс перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному, основными признаками которого являются утверждение городского образа жизни и рыночной экономики, неотъемлемой частью которых становится реклама.

Стационарная торговля является одним из показателей эффективного развития экономики и отдельных ее отраслей. Так, на основе рассмотрения товарооборота, экспорта и импорта, количества оптово-розничных заведений региона и других элементов, связанных с реализацией продукции на местном рынке товаров и услуг, возможно выявить основные показатели развития сельского хозяйства и промышленности, а также уровень обеспеченности населения. В рассматриваемый период в Томской губернии наблюдался промышленный подъем и становление торговой индустрии, которые привели к развитию сети стационарных торговых заведений.

Социально-экономические процессы в Томской губернии конца XIX — начала XX в. приводили к появлению многих торговых и промышленных заведений, увеличению конкуренции, что в значительной степени способствовало пересмотру основных методов и приемов ведения предпринимательской деятельности в регионе. Предприниматели нуждались в эффективных каналах продвижения товара на местном рынке. Решить данный

вопрос стало возможным с появлением периодических изданий, в которых помещались рекламные объявления.

В данной связи наметился процесс перехода ведущей роли как от сельских, так и от городских ярмарок к оптовой и розничной стационарной торговле. Строились универсальные магазины, лавки, складские помещения и другие торговые заведения. Рост товарно-денежных отношений, развитие дорожно-транспортной инфраструктуры и банковской системы обеспечили необходимые условия для организации бесперебойной круглогодичной торговли в губернских и уездных городах, узловых транспортных пунктах, крупных торгово-промышленных селах региона.

С начала XX в. в периодических изданиях Томской губернии происходило увеличение количества рекламных объявлений. Данный факт свидетельствует о том, что с этого времени рекламодатели начали рассматривать периодику как одно из основных средств распространения рекламы на массовую аудиторию потенциальных потребителей товаров и услуг.

Постоянная востребованность предпринимателей в рекламе привела к выработке шаблонов и изобразительных средств, используемых в публикациях. Рекламные объявления отличались определенной структурой (наименование товара или услуги, цена, фамилия владельца, название и адрес торгового заведения) и дизайном (шрифт, рамки, изображение товара). На основе рекламы становится возможным рассмотреть торговые заведения и разделить их по отраслям реализуемой продукции.

Таким образом, рекламные публикации на страницах периодических изданий Томской губернии конца XIX — начала XX в. выступали в роли эффективного канала прямого общения предпринимателя с потенциальным покупателем. Объявления являются историческим источником, в котором сохранились основные сведения о развитии стационарной торговли в регионе, на их основе становится возможным провести сегментацию торговых заведений по видам реализуемой продукции на местном рынке.

**Сбор торговых и таможенных пошлин
в городах Войска Запорожского в царскую казну в 1666–1668 гг.**

С самого перехода Войска Запорожского «под высокую государеву руку» в 1654 г. одним из важнейших вопросов русско-украинских отношений стало взимание налогов в царскую казну. Гетманы, начиная с Богдана Хмельницкого, стремились сохранить сбор налогов с украинского населения в своих руках, поэтому не шли на уступки Москве. Только в октябре 1665 г. гетман Иван Брюховецкий в ходе визита в столицу после трехнедельных переговоров был вынужден подписать новые договорные статьи, предполагавшие взимание налогов в царскую казну. Чтобы смягчить гетману и старшине потерю доходов и части автономии Войска Запорожского, в Москве им обещали, что собранные средства останутся в «Малороссийских городах» и пойдут на содержание русских гарнизонов в местных городах. В ноябре того же года руководство Малороссийского приказа согласовало с представителями украинских городов ставки налогов, которые предполагалось взимать с посполитых, то есть мещан (горожан) и селян (крестьян).

Ставки таможенных пошлин, установленные документом, были следующими: транзитная торговая пошлина («кто мимо едет с товаром») — с 1 воза по 10 денег, с весового товара («весчее») — 4 деньги с 1 пуда, пошлина с иногородних купцов — с 1 воза по 10 денег, с иноземных купцов — 8 денег с 1 руб. проданного товара, мостовая пошлина — 1 деньга с воза. Одновременно в пользу местных магистратов взимались 4 деньги с воза транзитной пошлины и 4 деньги с пуда с весового товара. Если сравнить эти пошлины с теми, которые взимались в Русском государстве, то в целом местная система была более сложной и запутанной. Притом, указанные системы сбора таможенных пошлин сложно сравнивать в силу того, что различались единицы налогообложения, а также принципы взимания пошлин. Как представляется, отличия в ставках и единицах налогообложения были связаны с тем, что авторы реформы, стремясь избежать

сопротивления украинских мещан, взяли за основу пошлины, взимающиеся в Войске Запорожском до 1665 г.

В общей сложности таможенные пошлины в царскую казну взимались на Левобережной Украине менее двух лет — с 1666 г. до февраля 1668 г., когда во время восстания украинских казаков во главе с гетманом И. М. Брюховецким перестали собираться, а после его окончания в 1669 г. Москва согласилась вернуть сбор налогов в руки и казну гетманов. В Киеве сбор пошлин с торговцев начался 1 мая 1666 г. Киевский воевода П. В. Шереметев поручил сбор торговых пошлин с коломыйцев (выходцев из г. Коломыи в Речи Посполитой, которые торговали в городе солью), пушкарю Якову Суслову, который в период с 1 мая по 1 сентября 1666 г. собрал с них 130 руб. Примечательно, что Сулов одновременно являлся головой открывшегося в декабре 1665 г. в Киеве «кружечного двора».

1 сентября 1666 г. в сборе таможенных пошлин названному пушкарю стал помогать киевский купец греческого происхождения Ян Томара, собиравший их в скарб, то есть в казну Войска Запорожского до 1666 г. Вместе они в качестве «верных» таможенных голов уже собирали таможенные пошлины с купцов, приезжавших на ярмарки, но не только в Киеве, а и во всех городах Левобережной Украины. В общей сложности им удалось собрать за период с 1 сентября до 9 декабря 1666 г. 276 руб. 20 алтын так называемых «ярмарковых» пошлин.

Естественно, что в каждом городе были свои таможенные целовальники, собиравшие пошлины. Как удалось установить, в июне 1667 г. в Полтаве было три таможенных целовальника. Насколько можно судить, все трое были из числа местных украинских жителей, но только про одного из них в источнике прямо указано, что он был мещанином.

Уже с сентября 1666 г. киевские, нежинские и переяславские мещане добивались отмены взимания «повседневных» таможенных пошлин (то есть взимающихся с городской торговли в неярмарочные дни) в царскую казну, однако им удалось добиться только временной приостановки их сбора. В 1667 г., не раньше мая, сбор таможенных пошлин в Киеве, Переяславле и Нежине возобновился. В 1667 г. Нежине откуп на сбор «весчего», «померного» (пошлина с продажи хлеба) и пошлины с продажи

лошадей получил пятидесятник нежинских стрельцов Артемий Спицын. В начале февраля 1668 г. нежинские мещане в Москве попытались добиться не только отмены взимания «повседневных» пошлин, но и «ярмарковых».

Приходо-расходные книги нежинского гарнизона позволяют оценить долю, которую составляли таможенные пошлины в доходах воеводских администраций украинских городов. В общей сложности с 1 сентября 1667 г. по начало февраля 1668 г. в Нежине и окрестностях было собрано «повседневных» и «ярмарковых» пошлин на сумму 143 руб. 21 алтын 6 денег, что составило всего 8,8 % от всех денежных сборов в названный период.

После восстания украинских казаков под руководством И. М. Брюховецкого в 1668 г. взимание налогов с населения Левобережной Украины в царскую казну прекратилось. Однако было одно исключение: в пользу киевского гарнизона продолжали поступать половина сбора с перевоза судами через Днепр, а также мостовая пошлина.

Е. В. Бакалдина

Письма Боткиных по чаоторговым делам в фонде Г. В. Юдина в Российском государственном архиве литературы и искусства

В Российском государственном архиве литературы (РГАЛИ) и искусства хранится фонд Геннадия Васильевича Юдина (1840–1912), 2-й гильдии купца, известного библиофила, персону которого не раз привлекала внимание исследователей. Однако блок материалов, находящийся в фонде Юдина и состоящий из 354 дел (ф. 1571, ед. хр. 2114–2467), связанных с семьей Боткиных, до последнего времени был практически неизвестен кругу исследователей.

Эти дела охватывают 1822–1868 гг. (большинство 1820–1840-е гг.) и касаются сугубо торговой деятельности Боткиных. Особенность этих документов от других торговых бумаг Боткиных, хранящихся в Центральном государственном архиве города Москвы (ф. 2347) и в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (ф. 122), в том, что они посвящены совместной для всех ветвей Боткиных деятельности.

В первой половине XIX в. сразу три ветви, происходящих от Конона Афанасьевича Боткина, занимались чаоторговлей. Первым из братьев Боткиных в 1791 г. в Москву из Торопца переехал Дмитрий Кононович Боткин (1869–1827), за ним его младшие братья Петр (1781–1853) и Гаврила (1788–1828). Долгое время семья вела торговую деятельность совместно, однако с 1840-х годов пути родственников разошлись. Внуки Дмитрия Кононовича Дмитрий и Николай Николаевичи Боткины через некоторое время образовали свою фирму — торговый дом «Д. и Н. братья Боткины». Гаврила Кононович Боткин, хотя поддерживал торговые отношения со старшими братьями, также торговал от собственного имени. Сын Гаврилы Кононовича Михаил Гаврилович Боткин продолжил дело отца и торговал чаем. Таким образом, одновременно существовало три разных фирмы Боткиных: «Д. и Н. братья Боткины», фирма М. Г. Боткина и

фирма П. К. Боткина, названная впоследствии «Петра Боткина сыновья».

Благодаря письмам из РГАЛИ известно, что в первой половине XIX в. семейным делом занимались и другие родственники и свойственники, например, в Кяхту отправлялись Иван и Дмитрий Протопоповы, пасынки Д. К. Боткина, Семен Дмитриевич Боткин, муж Елизаветы Дмитриевны Боткиной — Николай Иванович Сиднев и их сын Николай Николаевич Сиднев. По мере роста собственной семьи, а у П. К. Боткина было 25 детей от двух браков, из которых девять сыновей и пять дочерей дожили до взрослого возраста, он привлекал детей к семейным делам. Петр Кононович заключал браки детей исходя из семейных интересов: например, дочь Варвара в первом браке была замужем за И. П. Исаевым, служившим в конторе Российско-американской компании, также ведущей торговлю через Кяхту, а дочь Екатерина была выдана за И. В. Щукина, купца, у которого Боткины покупали ткани для обмена на чай.

По письмам видно, что Николай Дмитриевич и Петр Кононович Боткины с 1840-х годов торговали каждый под своим именем, но дела вели параллельно. У них продолжали оставаться одни и те же посредники и перевозчики, многие из которых были упомянутые родственники — братья Протопоповы, Сидневы.

Подавляющее число документов из коллекции В. Г. Юдина связано с кяхтинскими закупками, однако есть сведения из Харькова, Санкт-Петербурга, Чухломы, различных ярмарок — Курской Коренной, Ростовской, Рыбинской, Нижегородской.

Самый большой блок писем адресован главам фирмы Дмитрию Кононовичу (затем его сыну Николаю Дмитриевичу) и Петру Кононовичу Боткиным из Кяхты. В них есть детали жизни кяхтинских купцов и их взаимоотношений с таможенной, тексты подписанных кяхтинским купечеством документов, петиция об упадке кяхтинской торговли, многочисленные сведения о других купцах — либо просто информативные, либо затрагивающие интересы Боткиных. Встречаются жалобы на изменения законодательства: использования новых правил о переводе пошлины по кяхтинским векселям в 1840 г., без выкупа которых невозможно отправить далее чай.

Часть писем связаны с перевозкой товаров, причем в обе стороны: из России везли шкурки кошек, лис, медведей, выдр, кожи, из Китая — чай. Благодаря информации в этих письмах, можно изучить время, затрачиваемое на перевозку чая, условия перевозки, возникающие проблемы, фамилии поставщиков товаров, перевозчиков.

Таким образом, архивные дела из коллекции Г. В. Юдина, хранящиеся в РГАЛИ, проливают свет на торговую деятельность семьи Боткиных первой половины XIX в. (перевозку грузов, участие в различных ярмарках, жизнь в Кяхте), затрагивая, в том числе, участие старшей ветви семьи, о которой пока малоизвестно.

В. Г. Балковая

Организация прохождения таможенной службы в Российской империи

Важной составляющей категории «таможенное дело» является таможенная служба, так как именно служители таможенного ведомства и его властные организационные структуры практически реализуют таможенное обложение, осуществляют различные виды государственного контроля.

Организационное становление таможенной службы как особого направления государственно-властной деятельности произошло в Московском государстве, именно в тот период были созданы регулярные государственные учреждения, реализующие ее функции (таможенные избы), а также сформирована первая организационная модель ее реализации (верная служба).

Создание Российской империи ознаменовало ее превращение в одну из мировых держав, способствовало усилению внешнеэкономических связей и развитию международной торговли. Это привело к изменениям в организации таможенного дела и способствовало дальнейшему развитию таможенной службы Российского государства, постепенно превратившейся в самостоятельное направление государственной статской службы.

В конце правления Петра I впервые было принято первое штатное расписание для Санкт-Петербургской портовой таможни, что свидетельствовало о появлении таможенной службы по вольному найму и становлении механизма оплаты труда. С 1725 г. служители портовых таможен впервые стали получать фиксированное жалованье и их работа приобрела профессиональный характер.

Необходимо отметить, что уже в то время часть должностей в таможенной системе была аттестована по Табели о рангах и считалась статской. Вследствие этого важной тенденцией развития таможенной службы Российской империи можно считать расширение круга аттестованных должностей и постепенное

вытеснение службы по вольному найму статской государственной службой. Процесс этот оказался длительным и продолжался в течение всего времени существования Российской империи.

Любая государственная служба стремится к своей внешней идентификации. Вследствие этого в 1827 г. была введена форма для начальствующего состава таможен, в 1849 г. обмундированием были обеспечены рядовые служители (в частности, досмотрщики). В 1855 г. было принято решение обеспечить специальным обмундированием служителей вспомогательных подразделений таможенной системы — пожарных и инвалидных команд.

С целью сделать более привлекательной службу в отдаленных районах Российской империи в XIX в. были установлены дополнительные материальные надбавки для различных категорий служителей (столовые деньги, премии, прогонные деньги для проезда к месту службы, квартирные деньги).

Важным способом стимулирования добросовестности несения службы являлась возможность получения чиновниками таможенного ведомства целевых ведомственных ссуд на льготных условиях.

Вместе со многими положительными чертами службы в таможнях, ее недостатком в течение длительного времени было отсутствие пенсионного обеспечения, существовавшего уже в других ведомствах. Человек, уволенный со службы в связи с достижением возраста, получением служебного увечья или ухудшением состояния здоровья, сразу оказывался за чертой бедности. Формально это должно было стимулировать старательность при исполнении служебных обязанностей, однако на практике вызывало тревогу относительно будущего. Это вело к тому, что одна часть служителей не сильно выкладывалась на службе, опасаясь увечий, а другая стремилась создать для себя «подушку экономической безопасности», склоняясь на коррупционные предложения.

Система пенсионного обеспечения в таможенном ведомстве формировалась постепенно. В 1839 г. были введены пенсии по инвалидности, если увечье было получено в процессе осуществления должностных обязанностей. В 1862 г. появились выслужные пенсии за длительную беспорочную службу.

Таким образом, за время существования Российской империи в организации таможенной службы произошли важные качественные изменения, превратившие таможенное дело в важное направление государственного управления. Как управляющий состав, так и рядовые служители получили особый статус, должностные права и обязанности. Примечательно, что в Российской империи средством обеспечения служебной дисциплины выступали не только должностные взыскания, но и различные средства материального стимулирования.

Все вышеперечисленные государственные мероприятия, осуществленные в Российской империи, сделали службу в таможенном ведомстве привлекательной для значительной части населения. Изучение этого исторического опыта в определенной мере может быть полезным и для современности.

А. В. Белов

**За что в России сажали предпринимателей:
купцы — узники московского острога
первых лет правления Екатерины II
(характер преступлений и состав участников, 1764–1765 гг.)**

В ходе реформ Екатерины II в последней четверти XVIII в. на местах возникла разветвленная система органов местного управления, которые в свою очередь в процессе функционирования сформировали большой массив делопроизводственных материалов. По сути только с этого момента в России и возник достаточно большой пласт посменных источников, освещающих жизнь отдельных регионов страны (да и всего государства в целом). Тем большее значение имеют отдельные обстоятельные комплексы документов, которые возникли в преддверии реформ Екатерины II. Их возникновение было следствием отдельных конкретных поручений, спущенных сверху местным администраторам.

В коллекции «Госархива» Российского государственно архива древних актов сохранилось одно из таких дел. Его происхождение связано с функционированием канцелярии генерал-губернатора второго столичного города («главнокомандующий в Москве») Петра Семеновича Салтыкова, занимавшего эту должность в интервале между 1763 и 1771 гг.

Начиная со своего вступления на престол, Екатерина Великая, ратовавшая за налаживание в стране судебной системы и отлаживание ее работы, стремилась покончить с печально знаменитой «волокитой» в вопросах делопроизводства.

Стремясь к исполнению этой задачи в первой половине апреля 1765 г. фельдмаршал П. С. Салтыков, только что ставший главнокомандующим Москвы, распорядился составить список лиц, находящихся под арестом. На основании данного списка власти предполагали выпустить на волю ряд пребывавших в московских застенках лиц. Речь шла о возмещении причиненного

ими ущерба за счет казны. В реестр Салтыкова попали люди, посаженные под арест за невыполнение в первую очередь долговых обязательств. В том случае, если кто-то из них был выпущен из-под ареста для отработки долга (таких упомянуто два человека), в список вносилась соответствующая пометка.

Основной причиной, по которой купцы оказались в списке, выступали вексельные долговые статьи. Однако реестр Салтыкова на деле оказался шире этой группы лиц. В нем содержались сведения, которые фиксировали широкий круг проступков и нарушений, связанных в целом с денежными вопросами. Сюда относились: воровство или недополучение казенных сумм, обманы при поставках, невыполненные подряды, доимочные деньги и т. д. Присутствовали в перечне и банальные мелкие кражи.

Согласно списку Салтыкова, в Москве весной 1765 г. при разных ведомствах находилось под замком всех сословий 303 человека. Из них на купцов приходилось 176 чел. (62 %). Некоторые проходили одновременно по двум статьям. Основная масса всех заключенных состояла из лиц, которые сидели за «неплатежи... вексельных денег» и за «протестование векселей».

В перечне также присутствовали предприниматели, которые были привлечены к ответственности как порученцы за должников. Имелись в списке и женщины, отвечавшие, по видимому, как за собственные коммерческие промахи, так и за дела свои мужей.

В отличие от партикулярных должников, перечень лиц отвечавших перед казной, был во много раз меньше и насчитывал всего 16 человек. Но по своему содержанию вина этих лиц часто выходила за рамки сугубо вексельных обязательств. Два из них вообще проходили как люди, долговые обязательства которых не закреплялись никаким официальным документом («по словесным прозбам»).

Впрочем, крупнейшим нарушителем в данном списке (как и во всем перечне московских купцов-должников) был «суконной фабрики содержатель Иван Третьяков», который получил «из... коллегии на размножение суконной и красильной фабрики» 22 379 руб. 66 ½ коп. и своевременно их не вернул.

Второе место по величине казенного долга (5500 руб.) занимал московской купец Тимофей Икорников, вина которого

носила куда более криминальный характер. Этот предприниматель сформировал целую преступную группу. По его указанию житель «раскольничьей слободы Добрики» Иван Татаринцов назвал себя «подложным» (то есть несуществующим) новгородским купцом Андреем Чижовым и пользуясь его именем получил вексель от казны на те самые 5500 руб. Затем Икорников с деньгами скрылся. За соучастие были задержаны житель раскольнической слободы Климовой крестьянин Андрей Соболев, московский купец Иван Кузнецов, а также отец организатора преступления Тимофей Икорников, которого заподозрили в укрывательстве сына.

Из 173 купцов 64 не имели обозначения принадлежности к общине какого-то города или места. Можно предположить, что те из них, у кого в списке приводилась гильдия (58 человек), принадлежали, скорее всего, к московскому купечеству. 109 человек, названных по городской принадлежности, в подавляющем большинстве (73 чел., или 67 %) были обозначены как московские купцы. Впрочем, и доля иногородних среди сидящих в московских застенках также была весьма высокой — 33 %.

В. Н. Беляева

Соляной промысел как основа экономического развития территории Балахны XVII в.

Первое упоминание о Балахне в исторических источниках относится к 1536 г., однако косвенные свидетельства относят возникновение здесь населенного пункта к более раннему времени. При этом возникновение Балахны вероятнее всего связано с обнаружением там соляных подземных озер. Жизнь балахнинского посада в основном была связана с соледобычей. Среди владельцев балахнинских соляных труб и варниц можно увидеть монархов, представителей высшей знати, крупнейшие монастыри и посадских людей.

Период до начала XVII в. остается практически не изученным из-за отсутствия источниковой базы. Период XVII в. обеспечен источниками в достаточной степени, чтобы выявить основных производителей соли, поставить вопрос об объемах производства и специфике самого процесса соледобычи. Каждая сколько-нибудь значимая с точки зрения экономики города семья была связана с соляным промыслом. Среди владельцев наибольших объемов рассолов в балахнинских рассолоподъемных трубах выделяются Добрынины, Обанины, Городчаниновы, Свяжениновы, Соколовы, Милютинины.

К началу XVII в. на территории Балахны источники фиксируют 29 труб, во второй половине века их число увеличилось до 33 труб. Этот период можно считать периодом расцвета соляной промышленности в Балахне.

Затухание интенсивности строительства новых рассолоподъемных труб свидетельствует о спаде в местном соляном промысле, что было вызвано, в том числе, факторами развития единого всероссийского рынка. На уровне середины XVII в. было выгоднее доставлять соль из Соли Камской, Перми и других мест, так как продукт, добываемый там, был более качественным (соль, получаемая при выварке балахонского рассола, гор-

чила) и ее себестоимость была ниже (рассолы были слабо концентрированные, а процесс добычи весьма трудозатратным). Добыча соли в Балахне осуществлялась из подземных источников, залегавших на глубине от 25 до 70 сажен.

Процесс введения в действие трубы был весьма длительным. Первоначально заключались договоренности между строителями и заказчиками. Вероятно, требовалось достаточно много времени для поиска группы лиц, готовых вложить значительные средства в строительство новой трубы. Строительство окупалось не всегда и могло стать причиной разорения неудачливого солепромышленника. Ни в одном из известных исследований балахонского солеваренного промысла не указывается, сколько времени было необходимо затратить на сами работы.

Соляной промысел стал своеобразным стартом для расширения экономической деятельности. Например, Соколовы сконцентрировали свое внимание на соляных промыслах на Ленве, конкурируя со Строгановыми, Милютины завели одну из первых шелковых фабрик в Москве, а позднее и Санкт-Петербурге и т. д.

В XVIII в. продолжал работать казенный солеваренный завод, однако он был убыточным. В начале 60-х годов XIX в. предводитель нижегородского дворянства, декабрист И. А. Анненков предпринял попытку не просто реанимировать, но механизировать, усовершенствовать солеварение. Попытка оказалась неудачной.

Н. А. Беляева

Таможенное ведомство в условиях Гражданской войны на востоке России

Любая война порождает кризис таможенной системы — прекращают действие международные договоры; изменяется направление товаропотоков, номенклатура товаров; в связи с призывом в действующую армию обостряются кадровые проблемы таможенной службы; изменяются процедуры таможенного оформления, наконец, перестают функционировать отдельные звенья таможенной системы, оказавшиеся в зоне боевых действий. Эти выводы сделаны исследователями на опыте функционирования таможенной службы в период Первой мировой войны. И все эти черты в равной степени характерны и для таможенной системы периода Гражданской войны.

Политическая нестабильность на востоке страны оказала непосредственное влияние на существование таможенной системы. Все правительства, существовавшие здесь даже непродолжительное время, были заинтересованы в пополнении бюджета. Они сохраняли систему таможенных участков во главе с инспекторами, создавали специальные органы управления таможенным делом на территории, подпадающей под юрисдикцию того или иного временного правительства. Такими органами можно назвать Управление таможенными сборами при Деловом кабинете Д. Л. Хорвата, Департамент таможенных сборов правительства А. В. Колчака, Управление таможенных сборов Дальневосточной республики.

Однако постоянные военные действия, прозрачность границы, нарастание общего хаоса и произвола не могли не сказаться на состоянии таможенной системы. Уже в 1918 г. владивостокский, хабаровский и читинский таможенные инспекторы в своих отчетах отмечали тяжелое, практически катастрофическое положение таможенных учреждений по границе с Китаем: конфликты с местным населением, активно промышленным кон-

трабандой в условиях неохраняемой границы; убийства чиновников и досмотрщиков; разграбление казенного имущества, в том числе и складов с конфискованными товарами — все это на фоне практически непрекращающихся военных действий.

Гражданская война на востоке страны осложнилась интервенцией. Иностраные военные командования, как впрочем и российские генералы, игнорировали таможенное законодательство. И лишь благодаря дипломатическому такту таможенных чиновников удалось выработать устраивавший всех компромиссный механизм взаимодействия таможенного ведомства с командованиями экспедиционных войск. Согласно ему, предназначенные для обеспечения воинских частей товары и грузы ввозились по выдаваемым командованием специальным удостоверениям и выпускались из таможни без немедленной оплаты пошлиной. Предполагалось, что оплата будет произведена после окончания войны и установления нормальных дипломатических отношений. На этот случай в таможенных учреждениях велся тщательный учет неуплаченных сумм пошлин.

Однако все страны (за исключением Японии) вывели свои войска с Дальнего Востока к осени 1920 г. так и не погасив долг перед таможенным ведомством. Только по данным Владивостокской таможни, предоставленным в Особую канцелярию по кредитной части, сумма задолженности американского экспедиционного корпуса и Красного Креста превышала 20 млн руб. золотом; японского — 11,8 млн руб., французского — более 275 тыс. руб., британского — около 75 тыс. руб. золотом. Простой подсчет дает нам огромную сумму неоплаченных пошлин — более 32 млн золотых рублей.

Единственным таможенным учреждением, сохранявшим свое место в экономической жизни региона на протяжении Гражданской войны, оставалась Владивостокская таможня. Каждое правительство, власть которого распространялась на юг Приморской области, интегрировало ее в систему собственных финансовых институтов. На посту управляющего таможней бесценно оставался занявший эту должность еще в 1907 г. И. К. Ковалевский.

Роль Владивостокской таможни возросла еще в годы Первой мировой войны. Произошло это благодаря превращению

Владивостокского порта в главный ввозной порт России, через который шел поток военно-стратегических грузов. Уже с 1915 г. порт испытывал проблемы с вывозом грузов в центральную часть страны. К сентябрю 1918 г. во Владивостоке скопилось около 35,5 млн пудов грузов — военных, казенных и частных. За контроль над ними развернулась настоящая борьба, в которой важную роль играла таможня. Она превратилась в главный источник формирования бюджета сменявших друг друга правительств. Только в 1921 г. сумма собранных таможней пошлин превысила более 1,36 млн золотых рублей. Это почти треть от суммы сборов всех таможенных учреждений ДВР.

Однако Владивостокская таможня была, пожалуй, единственным таможенным учреждением, сохранившим весь объем операций. В условиях политической нестабильности и военных действий начался процесс деградации таможенной системы. Он проявлялся в прекращении функционирования многих ее звеньев, кадровых деформациях, утрате авторитета таможенной службы как важного государственного института, разрушении выработанного многолетней практикой межведомственного взаимодействия в борьбе с контрабандой на границе.

Е. Д. Беспалёнок

**Купеческая верхушка российских провинциальных городов
в 60-80-х годах XVIII в. (на материалах Смоленска и Вязьмы)**

Развитие купечества в разных российских провинциальных городах в XVIII в. имело как общие, так и особенные черты. В этом исследовании рассматривается гильдейское купечество двух провинциальных городов — Смоленска и Вязьмы. Это города одного региона, но купечество их развивалось разными путями.

Источниковой базой исследования стали главным образом статистические материалы 1764 и 1780 гг., хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов.

Анализ данных, содержащихся в ответах на вопросы Комиссии о коммерции 1764 г., и статистических материалах 1780 г. фонда Внутреннего управления позволяет проследить изменения в количестве купцов 1-й и 2-й гильдий, их занятиях, капиталах, а также преемственность капиталов. Изменения, произошедшие к 1780 г., фактически показывают первые результаты проведения гильдейской реформы 1775 г.

Количество купечества по магистратским ведомостям 1764 г. составляло в Смоленске 1895, в Вязьме — 1189 душ мужского пола. При этом обращает на себя внимание соотношение купцов 1-й и 2-й гильдий в обоих городах. В Смоленске было только 11 купцов 1-й гильдии и 700 купцов 2-й гильдии, а в Вязьме было отмечено 70 купцов 1-й гильдии и 303 купца 2-й гильдии. Таким образом, соотношение количества купцов 1-й и 2-й гильдии в Смоленске составляло приблизительно 1 к 63,6, а в Вязьме — 1 к 4,3.

Сравнение размеров капиталов купцов 1-й гильдии в Смоленске и Вязьме в 1764 г. проясняет разницу в количестве этих предпринимателей в обоих городах. 70 вяземских первогильдейских купцов представляли 40 самостоятельных хозяйств — от 1 до 4 душ мужского пола в каждом. Из этих хозяйств 10

объявили капиталы от 200 до 800 руб., 7 — по 1000 руб., 4 — по 2000 руб., 5 — от 3000 до 5000 руб., 7 — от 6000 до 9000 руб., 4 — 10 000 руб. Неизвестны капиталы четырех богатых купцов, находившихся за пределами Вязьмы.

Тогда же в Смоленске 11 купцов 1-й гильдии представляли 6 самостоятельных хозяйств — от 1 до 3 душ мужского пола. Из этих хозяйств 4 объявили капиталы по 20 000 руб., одно — 40 000 руб. и еще одно — 50 000 руб. При этом среди купцов 2-й гильдии было 43 человека, которые торговали к Рижскому порту на суммы от 1000 до 10 000 руб., а также 10 человек, торговавших через польскую границу сухим путем на суммы от 200 до 5000 руб. Таким образом, очевидно, что магистраты рассматриваемых городов по-разному подходили к включению купцов в гильдии. Смоляне на первое место ставили размер капиталов, хотя строгое требование соблюдать такой подход появится только в 1775 г.

По данным за 1780 г., в Смоленске насчитывалось всего лишь 5 купцов 1-й гильдии и 49 купцов 2-й гильдии. Тогда же в Вязьме было 6 купцов 1-й гильдии и 41 купец 2-й гильдии. Очевидно, что разница в соотношении численности купцов этих двух гильдий в обоих городах небольшая. При этом заметно общее снижение количества купцов первых двух гильдий, что было результатом нового подхода правительства к допуску купцов в гильдии, в основе которого были размеры капиталов.

По данным за 1764 г., все 11 смоленских купцов 1-й гильдии производили торги «к Рижскому порту водяным путем... пенечным и хлебным товаром». Тем же занимались и 32 купца 2-й гильдии. Еще 10 купцов 2-й гильдии торговали «за польскую границу через Шелеговскую пограничную таможенную... мяжками товарами, то есть зайчыми, волчьими мехами, тако ж и железом».

Тогда же вяземские купцы 1-й гильдии торговали «к Рижскому порту з Белской пристани водяною коммуникациею на стругах с покупными российского продукта товарами: пенькою и льном, семем льненым, железом, маслом конопляным и всякого звания хлебом и всяких разных сортов товаров». Однако чаще вязьмичи производили торги через Санкт-Петербургский порт. В то же время те вяземские купцы, которые будучи при-

численными к 1-й гильдии имели капиталы всего в 200–300 руб., торговый промысел имели «покупкою в городе Вязме на площади и в других городех и уездех рогатого скота на убой для продажи разных чинов людем, також пеньки, льна, меду, воску, яловичьих кож, конин и разного урожая хлеба и протчего мелочного товару» или «лавочной, продавая из лавки разной мелочной всякой товар».

По данным за 1780 г., верхушка смоленского и вяземского купечества сохраняла в основном направления и виды предпринимательской деятельности. При этом купцы 1-й гильдии в обоих городах проявляли больше интереса к мануфактурному производству. Заметно также и стремление купеческой верхушки к переходу во дворянство.

Уменьшение численности первогильдейского купечества было связано с разными факторами. Во-первых, это гильдейская реформа, после которой магистраты ряда городов были вынуждены пересмотреть подход к включению купцов в 1-ю гильдию, во-вторых, это многочисленные проблемы, особенно военные постои, разорявшие богатых купцов и заставлявшие их переходить во 2-ю гильдию или искать решения проблем, заводя мануфактуры и переходя во дворянство.

Н. А. Богородицкая

IV Всероссийский торгово-промышленный съезд 1896 г. в Нижнем Новгороде

Потребности социально-экономического развития России заставляли царское правительство проводить протекционистскую политику в отношении отечественной промышленности и торговли. Важную роль в выработке протекционистских мероприятий правительства сыграли всероссийские промышленные выставки и торгово-промышленные съезды, которые с наибольшей полнотой давали правительству представление не только о состоянии отдельных отраслей народного хозяйства, но и о чаяниях торгово-промышленной буржуазии в целом и являлись важнейшими вехами в процессе формирования класса буржуазии, консолидации ее в области экономических интересов.

Царское правительство начало практиковать проведение Всероссийских торгово-промышленных съездов с 1870 г., которые специально приурочивались ко времени и месту проведения Всероссийских выставок. Первый съезд был проведен в 1870 г. во время Всероссийской промышленной выставки в Санкт-Петербурге, второй и третий — в 1882 г. в Москве также во время выставки.

Положение о IV Всероссийском торгово-промышленном съезде 1896 г. в Нижнем Новгороде было утверждено 8 февраля 1896 г. Министр финансов С. Ю. Витте так сформулировал цель съезда: «практическое уяснение нужд русской промышленности и торговли и пожеланий торгово-промышленного сословия». К особенностям IV Всероссийского торгово-промышленного съезда относились: 1) этот съезд по представительству его участников и количеству прочитанных докладов (152) был самым крупным и 2) этот съезд созывался не по инициативе торговцев и промышленников, как это было прежде, а по решению Министерства финансов. Председателем съезда назначался член Со-

вета министра финансов Д. Ф. Кобеко. «Положение о Всероссийском торгово-промышленном съезде 1896 г.» определяло состав его участников и круг вопросов, подлежащих обсуждению. Из 715 человек, приглашенных на съезд, 396 (66,7 %) были представителями торгово-промышленной буржуазии: владельцы фабрик и заводов, купцы, пароходовладельцы, члены биржевых и ярмарочных комитетов и т. д. Участниками съезда стали также представители правительственных, учебных, научных и технических учреждений, потребительских обществ и коопераций, члены-эксперты XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки. Участие в торгово-промышленном съезде принял и сам министр финансов С. Ю. Витте.

Съезд начал свою работу 4 августа 1896 г. Заседания проводились в зале кремлевского дворца нижегородского губернатора. В соответствии с правительственной программой работа съезда подразделялась на шесть отделов: 1) промышленность фабрично-заводская и ремесленная; 2) промышленность кустарная; 3) торговля (вообще); 4) торговля с Азией; 5) судостроение и судоходство; 6) техническое образование.

Съезд отразил острые противоречия промышленников и землевладельцев на почве их экономических интересов. «Агрии» обвиняли правительство в том, что оно слишком много покровительствует фабрично-заводской промышленности и слишком мало уделяет внимания «коренному русскому промыслу» — сельскому хозяйству. С другой стороны, промышленники жаловались, что выгоды, предоставленные таможенным тарифом 1891 г., значительно уменьшены за последние годы рядом международных соглашений, заключенных в интересах русской сельскохозяйственной промышленности. Разногласия промышленников и землевладельцев вылились в дискуссию о ввозных пошлинах на земледельческие орудия и машины. Промышленники были сторонниками крайнего протекционизма. Один из них С. Т. Морозов с трибуны заявил: «нам самим пора научиться строить эти машины на собственных русских заводах. Заводы такие надо создавать». А для этого Морозов призвал съезд обратиться к министру финансов с ходатайством о предоставлении российским промышленникам долгосрочных кредитов для строительства новых и расширения старых производств. «Агрия

рии» же были склонны к фритредерству (беспошлинной торговли), так как были покупателями дорогостоящих зарубежных сельскохозяйственных машин и орудий. Большинство участников второго отдела приняли резолюцию «аграриев», где указывалось о снижении существующих пошлин на сельскохозяйственные машины и орудия. Вместе с тем предлагалось ходатайствовать перед правительством об открытии широкого кредита, который бы «способствовал повсеместному распространению и использованию сельскохозяйственных машин». Большинство участников съезда высказалось за усиление протекционистской политики и лишь самая незначительная часть, представляющая интересы торговой буржуазии городов Одессы и Владивостока, выступила с ходатайством о снижении ввозных пошлин на импортную продукцию.

Правительство после 1896 г. продолжает придерживаться протекционистского курса в своей экономической политике, но не меняет в корне таможенный тариф 1891 г., несмотря на пожелания российской буржуазии «улучшить таможенную политику». IV Всероссийский торгово-промышленный съезд не только высветил проблемы экономического развития страны, но и стал определенной вехой в направлении осознания буржуазией своих классовых интересов. Это выразилось в их требовании создать самостоятельное Министерство торговли и промышленности (вплоть до 1905 г. в России промышленность и торговля находились в ведении двух министерств: финансов и внутренних дел), а также в открытом проявлении недовольства чрезмерным диктатом правительства. Особое значение придавалось проблеме представительства интересов торговли и промышленности (постоянно действующая общероссийская организация «Съезды представителей промышленности и торговли» была образована в 1906 г.).

Н. Д. Борщик

**Деятельность крымских таможенных органов
в 1850–1860-е годы**

Изучение различных аспектов деятельности российских таможен принадлежит к числу важных задач, стоящих перед современным обществом и государством: поиск новых экономических рычагов логично приводит к восстановлению функций таможенных органов как регулятора внешнеэкономических связей, стабилизации финансовой системы и пр.

Основная цель настоящей статьи — изучение деятельности таможенных органов, существовавших в Крыму в 1850–1860-е годы, в том числе анализ их кадрового состава, материально-технического и финансового обеспечения. Непосредственными источниками стали документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Государственном архиве Республики Крым (ГАРК). Привлечены документы краеведческих отделов и отделов редкой книги крупнейших крымских библиотек: научной библиотеки им. А. Х. Стевена «Таврика», научной библиотеки им. И. Франко, научной библиотеки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Таможенные органы Республики Крым свою историю ведут с конца XVIII столетия. В 1783 г. официально Крым стал частью Российской империи, а 1784 г. стал годом открытия первых российских таможенных учреждений на Крымском полуострове — Феодосийской портовой таможни и Гёзлёвской (Козловской) портовой таможни (позже Евпаторийской).

К середине XIX в. в Крыму действовали Перекопская, Ялтинская и Керченская таможни, Алуштинский и Ак-Мечетский таможенные переходные пункты.

Поражение России в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. внесло свои коррективы в деятельность таможен региона, иностранная торговля практически прекратилась.

Указ от 27 ноября 1859 г. «О некоторых переменах в таможенном управлении» был принят с целью «способствования развитию торгового движения и устройства таможенной части в черноморских и азовских портах». Указ предусматривал восстановление должностей начальников Феодосийского и Таганрогского таможенных округов. Одновременно были созданы учреждения для реализации таможенных полномочий — управления таможенных округов, которым были подчинены местные органы таможенной администрации: таможни, таможенные заставы и таможенные переходные пункты.

Восстановление деятельности таможенных учреждений в Крыму происходило достаточно сложно, в том числе из-за разрушенной инфраструктуры. Например, административные здания таможенных учреждений в Евпатории, Керчи, Севастополе в ходе войны были полностью уничтожены.

В середине 1860-х годов началась реформа таможенных учреждений Российской империи. По указу от 30 ноября 1865 г. Феодосийская, Евпаторийская и Керченская таможни были отнесены к таможням 2-го класса, а Севастопольская и Геническая — к таможням 3-го класса. По положению 1869 г. Севастопольская таможня была причислена к таможням 2-го класса.

На таможенные учреждения Крымского полуострова помимо их основных функций возлагались и другие важнейшие государственные задачи. Кроме сбора таможенных платежей, контроля над ввозом-вывозом товаров и ведения статистики осуществлялся и контроль за движением населения через границу, и защита внешних рубежей страны. Естественно, что исключительная важность государственных обязанностей, возлагавшихся на служащих российских таможен, подразумевала и определенные требования к ним. Тем не менее, нехватка квалифицированных кадров в таможенных органах ощущалась достаточно остро. Власти пытались решить эту проблему комплексно: от приглашения иностранных специалистов и увеличения жалованья до возложения этих государственных функций на органы местного самоуправления.

Анализ персональных данных, содержащихся в формулярных списках служащих крымских таможен, может стать основой для перспективных исследований биографического, генеалогического, социально-экономического характера.

А. А. Бродников

Приходно-расходные книги XVII в. как источник о развитии торгово-ремесленной деятельности населения сибирского уезда

Приходно-расходные книги (сметно-пометные списки) сибирских уездных центров содержат сведения о торгово-ремесленной деятельности различных категорий населения. Являясь документом строгой отчетности, эти документальные источники дают информацию о текущих потребностях уездного центра, связанных с выполнением различного рода государевых дел. Имеющиеся в книгах записи свидетельствуют о том, когда, у кого, с какой целью и на какую сумму приобретались всевозможные товары и материалы, а также готовые изделия, которые были необходимы для хранения различных казенных запасов, для изготовления и экипировки судов, для обеспечения государственной деятельности.

Содержание приходно-расходных книг позволяет делать выводы о том, какие социальные группы населения уезда и уездного центра и с какой активностью занимались торгово-ремесленной деятельностью в год составления книги или предшествовавший ему. В книгах зафиксирована стоимость товаров, закупаемых воеводской канцелярией (съезжей избой) «на государев обиход», количество этих товаров или изделий, что, в свою очередь, позволяет делать выводы об организационно-хозяйственных делах воеводской канцелярии и о некоторых проблемах, с которыми сталкивался уездный управленческий аппарат в своей текущей деятельности.

Кроме расходной части об использовании имеющихся в уездной казне денежных средств, рассматриваемые книги содержат и приходную часть, в которой имеются сведения о различных статьях поступления денег в уездный бюджет. Это не только присылаемые из вышестоящих разрядных центров суммы для выплаты служилым людям денежной части государева жалованья. Это также средства от сбора таможенных печатных

пошлин, собираемых «со всяких людей», отправляющихся по торговым делам или на всевозможные промыслы из уездного центра. Это доходы от поступления в казну имущества погибших на службе служилых людей, оставшихся бездетными. Зафиксированы в книгах собранные средства (оброчные деньги) «со всяких проезжих и гулящих людей», в том числе с привлеченных для выполнения по найму различных казенных работ. Содержатся в подобных книгах сведения о собранном оброке с собственников различного недвижимого имущества — мельниц, амбаров, лавок и т. п.

К концу XVII столетия отмечается тенденция к разделению подобных книг «по специализации» (по статьям дохода). Появляются книги денежного посадского годового оброка, книги таможенного денежного пошлинного сбора и другие.

Не менее интересный материал дают приходно-расходные книги соляных запасов. В частности, в расходной части таких книг по Енисейску зафиксировано распределение соли по различным отдаленным острожкам. Пометная же (приходная) часть содержит сведения о поступлении соли от различных поставщиков — физических и юридических лиц.

Содержащие столь ценную информацию о хозяйственной деятельности населения сибирских уездов, приходно-расходные книги достаточно редко встречаются в столбцах Сибирского приказа и тем большую ценность представляет содержащаяся в них информация.

Е. В. Бурлуцкая

Реклама детских товаров в российской региональной и центральной прессе в начале XX в. *

«Реклама — двигатель торговли!» Данный афоризм отлично характеризует рекламу как способ проинформировать покупателя о существовании конкретного продукта, а также рассказать о продукте через указание на его приоритетные достоинства.

Развитие средств массовой информации во второй половине XIX — начале XX в. превратило их в наиболее популярную площадку для рекламных объявлений. В условиях протяженных российских территорий с редкими оазисами культуры, при отсутствии хороших путей сообщения именно газеты и журналы становились источником сведений о достижениях современной индустрии. Проблема расширения аудитории потребителей печатной рекламы заключалась лишь в ограниченном числе грамотного населения.

Детские товары стали объектом рекламы относительно поздно. Это обстоятельство определялось тем, что выделение детей как особой группы, обладающей специфическими потребностями, произошло, по сути, лишь в XIX в. К этому же времени относится и массовое производство разнообразных детских товаров. Реклама детских товаров была рассчитана, в первую очередь, на матерей, соответственно, была тесно связана с уровнем женской грамотности.

Для анализа была взята издававшаяся в Оренбурге газета «Оренбургский листок» за 1904 и 1903 гг. (104 номера), петербургский журнал для семейного чтения «Нива» (1904 г., 26 но-

* Исследование выполнено в рамках грантового проекта Российского научного фонда № 22-28-00763 «Дети и детство. Повседневная жизнь ребенка в условиях провинциального городского социума (на материалах Оренбурга пореформенной эпохи)».

меров), а также издававшийся в Москве детский журнал «Путеводный огонек» (1904 г., 24 номера), пользующиеся в Оренбурге, судя по подписке, значительным спросом. В качестве детских товаров рассматривалась не только продукция, в названии или аннотации которой подчеркивалось, что она «детская» или «предназначена для детей», но также и та, которая рекламировалась с использованием изображений детей. В сферу внимания автора не были включены рекламируемые детские книги, журналы или учебные пособия, а также детские образовательные и воспитательные учреждения.

Анализ рекламных объявлений, касающихся товаров для детей, позволил прийти к следующим заключениям. В столичных журналах публиковалось гораздо больше рекламы детских товаров, нежели в региональной прессе. Так, в 104 исследованных номерах «Оренбургского листка» было обнаружено всего 10 уникальных рекламных объявлений, касающихся детских товаров, в 24 номерах «Путеводного огонька» — 11 объявлений и в 26 номерах «Нивы» — 14. Это могло быть как следствием разного отношения к детям и детству в столице и в провинции, так и разного уровня развития массового производства детских товаров. Реклама одного и того же товара кочевала из номера в номер (иногда с небольшими изменениями), что являлось свидетельством ограниченного ассортимента детских товаров и практического отсутствия конкуренции в данной сфере производства.

И в центральной, и в региональной прессе преимущественно рекламировались товары детской гигиены (мыло, присыпка, зубная паста и пр.) и укрепляющие средства (соматоза, гематоген Гертеля, гематоген д-ра Гоммеля, пилюли Пинк д-ра Вильямса, фосфатин Фальера и пр.). Встречалась также реклама детского питания (геркулес, какао Ван-Гутена, Нестле, молочная мука пр. Мартинсен и пр.). Таким образом, основное внимание родителей обращалось на гигиенический уход за детьми и заботу об их здоровье.

Причем существенная доля этих товаров могла использоваться как детьми, так и взрослыми, либо реклама детских товаров включалась в более общую рекламу парфюмерии, БАДов, продуктов и т. д. Акцентирование внимания на том, что продукт «охотно принимается даже детьми», «переносится отлично ...

желудком младенца» и т. д. должно было показать его высокое качество и безопасность. Реклама подчеркивала питательность продуктов (какао), отсутствие у него неприятного вкуса (соматоза).

В рекламе, размещенной в центральных журналах, не просто перечислялись предлагаемые к приобретению товары, но и подчеркивалась их уникальность — например, детские товары парфюмерной фабрики «А. Ралле и К^о» получили Гран-при на Парижской выставке 1900 г., а резиновые изделия Товарищества российско-американской резиновой мануфактуры были отмечены медалями московской, Санкт-Петербургской и Нижегородской выставок.

Реклама представляла собой преимущественно текстовые объявления. Изображения детей встречались в ней редко (как исключение — чайное печенье Т-ва Эйнем, шоколад Т-ва А. И. Абрикосова, какао Ван-Гутена и некоторые др.).

Реклама детской одежды, обуви, игрушек, гимнастических снарядов и сладких подарков для детей встречалась исключительно в центральной прессе. Это означало, что провинциальные предприниматели пока не воспринимали детей как особую массовую аудиторию потребителей своих товаров.

В целом, реклама детских товаров представляет собой довольно информативный источник по истории детской повседневности.

Т. Я. Валетов

Структура экспорта Российской империи в 1802–1915 гг.: отраслевой аспект

На заседаниях предыдущей Торговой конференции (2017 г.) автором были показаны динамические ряды структуры экспорта, выстроенные на основе базового источника внешнеторговой статистики Российской империи — ежегодника («Обзоров») внешней торговли, который издавался со сведениями за 1802–1915 гг., и каждый выпуск которого может быть (и был) приведен к единой общей структуре за столетие, что потребовало специальных пересчетов данных, потому что списки товаров и их распределение по структурным группам на протяжении десятилетий претерпевали нередкие изменения.

Однако серьезной проблемой источника является то, что структура экспорта, принятая в нем, хотя и изменялась, в основном тяготела к единой разбивке на три главные категории, примерно звучащие как «Жизненные припасы» (продовольствие, табак, иногда там же оказывались лекарства), «Сырые и полуобработанные материалы для промышленности и земледелия» (различное сырье и полуфабрикаты) и «Готовые изделия» (широкий спектр товаров промышленного производства, в частности, машины и оборудование, и конечного потребления, в том числе ткани). Между тем, такое распределение плохо подходит для того, чтобы охарактеризовать особенности и динамику национального экономического развития с помощью экспортной статистики. Особенно интересным представляется вопрос о соотношении промышленного или сельскохозяйственного экспорта в общем вывозе (а также и в отдельные страны), а с этой точки зрения, строго говоря, неправильно разводить по разным группам такие, например, продукты земледелия, как пшеница и лен. Но в торговой статистике пшеницу всегда относили к «жизненным припасам», а лен — к «сырым материалам». Рыба и икра в дореволюционной торговой статистике всегда отправ-

ляется в одну группу, а рыбий клей — в другую, противоположную, но почему? С другой стороны, для другого примера, в большой группе «сырых материалов» были неизменно объединены и сырой лен, и топленое сало, и металлы (в том числе листовой прокат и рельсы), и нефтепродукты, и пиломатериалы, а ведь это все продукция разных отраслей экономики, и было бы интересно посмотреть, как меняется их соотношение в общем вывозе.

Более того, ориентировка статистики на вопрос способа употребления продукта вместо его отрасли происхождения может вносить искажения в интерпретацию и понимание данных. Возьмем те же зерновые, экспорт которых был так важен для Российской империи. Весь их вывоз неизменно относился источником в «жизненные припасы», то есть, вроде бы, в состав продовольственных товаров для людей. Однако очевидно, что значительная часть зерна, в том числе экспортируемого, шла на корм скоту или птице. Наверное, именно так расходовалась большая часть овса, хотя большой расход на фураж характерен и для других хлебов. Получается, что состав группы включает и корм для скота, но тогда было бы логично сюда же включать жмых, сено и т. п. Но так не делалось, поэтому смысл группировки размывается. Другой пример — вывоз растительного масла: оно может быть использовано в пищевых целях, но может иметь и промышленное назначение (скажем, в лакокрасочном производстве). Создатели ежегодников принимали только одно назначение (в случае масла — второе) и не разбирались в деталях, да в них и невозможно разобраться по самой природе таковой статистики. Но ведь это приводит к некорректным выводам.

Вместе с тем материал статистических ежегодников, разбитый не только на огромные группы, но и на отдельные более гомогенные товарные категории, позволяет провести новый пересчет структуры экспорта в новые структурные категории и построить более осмысленную динамику. В докладе будет рассмотрена такая динамика по ряду крупнейших категорий, которыми мы полагаем: 1) продукцию сельского хозяйства (сырую и в первичной обработке); 2) продукцию добывающих отраслей экономики (также сырую и в первичной обработке);

3) продукцию промышленного и ремесленного производства; а также 4) реэкспортируемые продукты. В каждой из трех крупнейших групп интересно посмотреть на динамику их собственной внутренней структуры, причем динамика промышленного вывоза показывает глубокие изменения в отраслевой принадлежности главных экспортных товаров, приходящиеся на 1860–1870-е годы.

Проблемы советско-китайской торговли в 1980-е годы

В основе русско-китайских отношений на протяжении всей их истории лежали торгово-экономические интересы. Особое значение они приобрели в позднесоветский период, когда началось восстановление отношений между двумя странами, разорванных в годы «Культурной революции» в КНР. Анализ законодательных актов, материалов периодической печати обеих стран и других источников позволяет охарактеризовать развитие советско-китайской торговли в 1980-е годы.

После пика падения советско-китайской торговли, произошедшего в 1981 г., с 1982 г. начался рост ее объемов. В 1986 г. начался процесс децентрализация торгово-экономических связей между СССР и КНР: право на торгово-экономическое сотрудничество с Китаем через «Дальинторг» дополнительно получили Сахалинская область, Бурятская АССР, Иркутская область и Красноярский край. Тогда же право приграничной торговли с Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР получили Кемеровская область и Алтайский край, но через Всесоюзное внешнеторговое объединение «Востокгосинторг». В 1989 г. постановлением № 191 от 28 февраля было создано Министерство внешних экономических связей СССР, согласно которому финансовая ответственность за сотрудничество с Китаем была переложена из центра на места. В апреле 1989 г. вступило в силу постановление Совета Министров СССР № 203, по которому право осуществления экспортно-импортных операций было предоставлено предприятиям, организациям и кооперативам.

Каждый российский регион имел свою специфику экспорта товаров. В структуре вывоза на внешние рынки из сибирских регионов в подавляющем большинстве были товары, востребованные в Китае. Импорт из Китая также соответствовал потребностям восточных регионов страны, где имелся дефицит товаров народного потребления и продуктов питания.

Становление и развитие внешней торговли регионов осуществлялось во многом посредством торгово-экономических выставок-ярмарок. Центром советско-китайской ярмарочной торговли была столица провинции Хэйлунцзян — город Харбин. Первая Харбинская ярмарка экспортных товаров, куда приехали предприниматели и торговцы из других стран, была организована еще в июле 1981 г. В июле 1986 г. между СССР и КНР были подписаны соглашения о сотрудничестве и о проведении выставок в 1986–1990 гг.

Кроме Харбина ярмарки-выставки товаров во второй половине 1980-х годов проходили в разных городах России и Китая. Осенью 1986 г. в Чите была организована первая торгово-промышленная выставка товаров из Автономного района Внутренняя Монголия. В октябре 1987 г. свою выставку-ярмарку товаров, предлагавшихся советским потребителям, провела в Иркутске провинция Цзилинь. В 1988 г. выставка-ярмарка товаров из Хэйлунцзяна прошла в Благовещенске. Вскоре центром ярмарочной торговли стал Новосибирск. Летом 1988 г. выставка-ярмарка советских товаров прошла в Хэйхэ, а в Благовещенске — китайских товаров. Осенью того же года прошла 1-я ярмарка экспортно-импортных товаров в г. Маньчжурия.

Таким образом, в 1980-е годы советско-китайская торговля набирала все большие обороты. Локомотивом развития торгово-экономических отношений между СССР и КНР в этот период стала приграничная и межрегиональная торговля.

Л. Н. Воробцова

Некоторые данные о женщинах-предпринимательницах Новониколаевска (1893–1914 гг.)

Новониколаевск изначально создавался как город совсем иной формации чем старые сибирские города и контингент предпринимателей в нем также сильно отличался от других городов не только Сибири, но и Европейской России. Количество представителей крупного и среднего предпринимательства в Новониколаевске в начале XX в. превысило, по самым скромным подсчетам, 3 тыс. чел., из них только торговлей занималось не менее полутора тысяч.

О женском предпринимательстве известно немного. Большинство сибирских предпринимателей были мужчинами, но будет неправильно замалчивать вклад в развитие российской и, в частности, сибирской промышленности, торговли и транспорта женщин-предпринимательниц, которые нередко не только не уступали, а часто превосходили по своим деловым качествам и инициативности мужчин. Кроме того, некоторые из них активно занимались общественной деятельностью и благотворительностью, входили в состав попечительских комитетов учебных заведений и приютов.

В работе проанализированы материалы о деятельности 85 женщин из 1020 всех выявленных нами предпринимателей Новониколаевска, что составляло примерно 8,3 %. Данные о происхождении установлены пока у 42 чел., то есть почти у половины: здесь выходцы из Сибири составляли две трети от общего числа — 28 чел., а выходцы из Европейской России — 14 чел., из них представители купечества — 10 чел. (24 %), мещане — 20 чел. (48 %), выходцы из крестьян — 6 чел. (14 %), дворяне — 6 чел. (14 %).

Для сравнения, из общего числа установленных нами новониколаевских предпринимателей купцы составляли 14–15 %, мещане — примерно 40 %, удельный вес выходцев из крестьян

— 30 %, остальные небольшие группы — дворяне и иностранцы. При этом большинство составляли местные уроженцы и если купечество на 90 % было представлено сибиряками, то крестьяне на 74 % являлись выходцами из Европейской России.

Образовательный уровень новониколаевских женщин-предпринимательниц был недостаточно высок, в основном это было начальное образование, а некоторые были неграмотны, что не мешало им весьма успешно осуществлять свою деятельность.

Основной сферой предпринимательства для подавляющего большинства женщин была торговля. Мукомольное и винокуренное производство, хлебная торговля и виноторговля, непосредственно связанные с ними, занимали одно из ведущих мест в деятельности этой категории предпринимателей. Так из 85 чел. женщин-предпринимательниц Новониколаевска учредителями и вкладчиками крупных предприятий — торговых домов и товариществ (полных и на вере) — было 29 женщин (34 %). 9 чел. (10,5 %) практически единолично создали отдельные предприятия (винокуренное производство, типографии, маслобойки), 20 чел. (23,5 %) содержали различные склады, торговые бани, меблированные комнаты и 27 чел. (32 %) занимались исключительно лавочной и магазинной торговлей.

Н. И. Гаврилова

**«И тянет в Иркутск, и держит Москва»:
миграционные процессы в среде иркутского купечества
во второй половине XIX — начале XX в.
(практики переселения в Европейскую Россию)**

В рамках исследования истории сибирского, в частности, иркутского, купечества второй половины XIX — начала XX в. недостаточно изученными остаются вопросы, связанные с анализом миграции определенной доли регионального купечества в Европейскую Россию, форм его самоорганизации и адаптации в условиях принимающего общества. Изучение данного комплекса проблем, связанных с преодолением региональной замкнутости исследований предпринимательских слоев Сибири, позволяет более полно представить процессы социальной мобильности сибирского купечества, трансформации купеческого капитала во второй половине XIX — начале XX в., избежать фрагментарности знаний о жизненном цикле отдельных представителей купеческих фамилий и/или рода в целом.

Ценные наблюдения по отдельным вопросам проблемы представлены в работах Г. Х. Рабиновича, Г. Н. Ульяновой, Е. В. Комлевой, Ю. М. Гончарова, В. А. Скубневского, А. В. Старцева, В. П. Шахерова.

В 50–60-е годы XIX в. Иркутск покидают представители крупнейших родов потомственного купечества города, входивших в элиту торгово-промышленных слоев Сибири конца XVIII — первой половины XIX в.: Баснины, Медведниковы, Трапезниковы, Сибиряковы. Переезжают в Москву Лаврентьевы, Катышевцевы. В конце XIX — начале XX в. из Иркутска выезжают некоторые представители иркутского купечества, формирование капиталов которых приходилось на вторую половину XIX в. (А. Ф. Второв, С. С. Кальмеер, А. В. Воллернер, Громы, М. В. Пихтин). Основной точкой притяжения бывших

иркутян стала Москва, в отдельных случаях — Петербург, Самара, Полтава, черноморское побережье юга России.

Как отмечалось в литературе (Г. Х. Рабинович, Ю. М. Гончаров, В. А. Скубневский), одной из распространенных стратегий хозяйственно-экономической деятельности выходцев из иркутского купечества в условиях принимающей стороны являлся отход от активного предпринимательства и переход к рантье-ризму. Зачастую данный процесс сопровождался сменой сферы деятельности, переходом к исполнительскому труду в рамках той или иной профессии (Ф. К. Трапезников, И. Л. Медведников (младший)). В то же время ряд выходцев из иркутского купечества, оставаясь в сфере активного предпринимательства, сумели развить в Москве свое дело (Второвы, А. К. Трапезников, Громовы).

Анализ форм самоорганизации выходцев из иркутского купечества в условиях принимающего общества, прежде всего, Москвы и Петербурга, позволяет отметить, что функции обеспечения и поддержания солидарности, территориальной идентичности выполняли организованные в столицах выходцами из Сибири культурно-просветительские и благотворительные общества. В Москве своеобразной точкой притяжения выходцев из Иркутска выступало Общество вспомоществования учащимся сибирякам и сибирячкам (1884 г.), в Петербурге — Общество вспомоществования сибирякам, учащимся в заведениях Петербурга (1884 г.), Переселенческое общество (1890 г.), Братство св. Иннокентия Иркутского в Петербурге (1896 г.). Так, среди учредителей последнего значились выходцы из иркутского купечества И. М. Сибиряков, О. М. Вяземская, Ю. И. Базанова, О. Ф. Мыльников. Иной формой групповой консолидации выходцев из Сибири и, в частности, из Иркутска, выступали дружеские круги, члены которых были объединены общностью территориального происхождения.

Имеющиеся данные свидетельствуют, в целом, о сохранении в качестве значимой ценности у большей части иркутских купцов, осевших в Москве и Петербурге, достаточно тесной соотнесенности с иркутским обществом, осознании важности сохранения своего участия в делах города, пожертвований в пользу Иркутска (Трапезниковы, Медведниковы, Ю. И. Базанова).

С другой стороны, благотворительность выходцев из иркутского купечества в новых территориальных границах проживания (Москва, Петербург, Ялта и др.) можно рассматривать в качестве одной из адаптационных стратегий в принимающем обществе.

Е. В. Годовова

Роль города Оренбурга в развитии российско-азиатских торговых отношений

Основанием города Оренбурга в 1743 г. ознаменовалось утверждение России на юго-восточной ее окраине, расширение географических и административно-политических границ государства за счет громадных пространств Заволжья, Приуралья и Казахстана. Город-крепость на реке Яике стал точкой опоры в дальнейшей колонизации края, важнейшим военно-стратегическим, дипломатическим и торгово-экономическим пунктом.

Пограничное расположение созданного в XVIII в. на стыке Европы и Азии Оренбургского края способствовало развитию торговых отношений. Особое внимание этому уделяли как государственная, так и местная власти. В Привилегии, дарованной императрицей Анной Иоанновной Оренбургу в 1734 г. говорилось о присвоении городу имени и о возможности людям разных национальностей, конфессий, сословий и профессий «приходить, селиться, жить, торговать и всяким ремеслом промышленять».

Для привлечения в Оренбургский край купцов в течение первых трех лет после строительства города (1735–1738 гг.) с них не брали торговые пошлины, но был введен особый таможенный тариф. Проект таможенного тарифа был разработан оренбургским губернатором И. И. Неплюевым в 1746 г. В своих «Записках» по этому поводу он отмечал, что обратил внимание на желание торговать здесь как русских, так и азиатских купцов.

В 1752 г. был утвержден Оренбургский таможенный тариф, но размер и условия выплат таможенных пошлин во второй половине XVIII в. неоднократно менялись. В 1778 г. Екатерина II подписала указ о введении нового Оренбургского тарифа, который должен был обеспечить поступление на российский рынок скота из Казахстана и промышленных изделий из Средней Азии.

В связи с переносом города Оренбурга на новое место в 1743 г. он становится вместо Орска центром меновой торговли края. Однако из-за удаленности нового центра губернии не все торговцы, например, казахи Средней Орды, ташкентцы, кошгарцы и жители Малой Бухарии, могли туда добраться. Поэтому Неплюев основал на левом берегу р. Уя Троицкую крепость. Она была главной крепостью Уйской линии. Удобство ее местоположения заключалось в том, что она находилась на старой караванной дороге в Сибирь. Троицк стал вторым ярмарочным пунктом губернии.

Одним из препятствий во внешней торговле России со Средней Азией, помимо грабежей караванов казахами и хивинцами, служило отсутствие точных топографических карт и проводников. Казахские проводники, пользуясь этим, заводили караваны в безлюдные, безводные и песчаные места, где их и грабили. Вследствие этого в 1742 г. последовало запрещение русским купцам отправлять торговые караваны в Среднюю Азию и ездить с товарами в киргизские орды.

Ключевую роль в развитии торговых отношений играл Оренбург, о чем в 1773 г. писал академик П. С. Паллас: «Вообще сказать можно, что основание оного (Оренбурга. — *Е. Г.*) совершенно соответствует важному азиатскому торгу, посредством которого стараются сей город сделать главным пристанищем, и что надлежало бы оный населить зажиточными купцами и заведенными фабриками таких товаров, которые больше покупают азиатские народы, привести в цветущее состояние; ибо Оренбург, бесспорно, должен стать важнейшим провинциальным городом в Российском государстве».

Основными торговыми центрами Оренбурга стали гостиный и меновой дворы. Гостиный двор находился недалеко от центра тогдашнего города и предназначался для внутренней торговли русских купцов и городского населения, а местом торговли с азиатскими купцами был меновой двор.

В целом российско-азиатские торговые отношения, установленные на границе Европы и Азии, способствовали развитию экономических отношений.

К. А. Голодяев

Сибирское купечество и благотворительность

Олигархи — слово не из той жизни. В Новониколаевске было достаточно предпринимателей. Для предприимчивых людей были возможности из крестьянского сословия попасть в купеческое или просто стать уважаемыми в городе людьми. И многим это удавалось за 10–15 лет.

Некоторые купцы приезжали к нам на новые земли уже со сложившимся капиталом: Жернаковы из Кольвани, Суриков из Барнаула, Шамовский из Томска, Туркины из Царицына. Десятки горожан получили гильдейские купеческие свидетельства уже в Новониколаевске. Но в конце XIX в. для успешного ведения собственного дела уже вовсе не нужно было значиться в купеческом сословии. Большая половина предпринимателей была обыкновенными мещанами, четверо дворянами, а шестеро и вовсе крестьянами.

Так, Дмитрий Барабанов перешел в купеческое сословие из кузнецов, был избран гласным городской думы. Зиновий Федоров из простых железнодорожных кондукторов стал успешным предпринимателем. Николай Литвинов, приехав в поселок простым фельдшером, стал печатным магнатом. И так далее и так далее. Их имена хорошо известны и сегодня.

На выборах в первое городское самоуправление в 1904 г. был установлен имущественный ценз в 100 руб. Таких набралось около 830 чел., что составляло менее 25 % домохозяев города. Не бедный был город. В списке лидирует купец Федор Маштаков — 20 770 руб. (не считая имущества брата и прочего), купец Иван Суриков — 17 200 руб., купец Евграф Жернаков — 6230 руб., кожевник Захар Крюков — 4000 руб., аптекарь Петр Ковнацкий — 4000 руб., пивовары Ворсины — 3745 руб., есть в списке и кривошековские крестьянине Иван Карелин и Матвей Чередов — 1890 и 1000 руб.

По сути, малый и средний бизнес построил город. Его (города) чаяния не были безразличны горожанам. Развивая Новониколаевск, они развивали свое дело. Взять самого успешного главу города Владимира Ипполитовича Жернакова. Как он бился за то, чтобы Алтайская железная дорога примкнула к Транссибу именно у нас в Новониколаевске, а не в Омске или Тайге. Здоровье подорвал, но за время его руководства бюджет города вырос в три с лишним раза. Город стал равным другим, старым городам России, а где-то и превосходил их.

В начале XX в. изменилась позиция государства по отношению к благотворительности. П. А. Столыпин, проводя аграрную реформу, резко увеличил ассигнования на благотворительные цели, частная благотворительность стала лишь дополнять государственную. Власти поощряли филантропию, не облагали ее налогами. Существовали различные благотворительные общества, которые являлись основным звеном в оказании помощи неимущим.

В Новониколаевске, в частности, через государственные программы происходили организация переселенческого пункта, врачебно-питательных пунктов, строительство собора Александра Невского, двенадцати каменных школьных зданий с возможностью введения всеобщего начального образования.

На собственные средства частных лиц начали работу учреждения образования: школа и читальня Г. М. Будагова, железнодорожная школа, школа П. А. Смирновой.

Местные власти совместно с инженером Н. М. Тихомировым на добровольных началах организуют пожарный обоз, потом добровольное пожарное общество, общественную программу озеленения города. Предприниматели организовывали театральные и артистические гастроли Анастасии Вяльцевой, Веры Комиссаржевской, Миланской оперы и так далее.

В то время благотворительность была неотъемлемой чертой дела (бизнеса). Помогали кто чем мог. Первый глава Иван Суриков практически за бесценок сдавал свои дома под школы, аптекари Ковнацкие были театральными меценатами, супруги Востоковы развивали детские приюты, хлеботорговец Аарон Каган пожертвовал 1000 руб. на постройку дома на ферме приюта «Ясли», Маштаковы жертвовали свое имущество на благо

«вдов и сирот воинов». Всем городом жертвовали на дом инвалидов, на часовню (архитектор Андрей Крячков бесплатно сделал ее проект), Барабанов жертвовал железо на крышу, Вишняков на кирпич. Продолжать можно долго.

В годы Первой мировой войны благотворительность вообще достигла выдающихся масштабов. Для солдат, прибывающих в госпитали города, был создан специальный Новониколаевский отдел помощи больным и раненым воинам, при лазаретах устроили именные койки благодетеля (стоимость именной койки составляла 1000 руб.). Население города активно жертвовало на фронт предметы первой необходимости: от теплых носков и валенок до костылей.

Даже после установления советской власти хлебопромышленник Каган, уже уехав в Харбин, отправил в Новониколаевск «продовольственный эшелон» из 30 вагонов в помощь голодающим, в том числе 10 вагонов муки от своего нового предприятия «Сунгарийские мельницы». Существует легенда, что на этих вагонах даже было написано «жителям Ново-Николаевска от А. Кагана». Но к сибирякам хлеб так и не попал, эшелон транзитом проследовал в Уфу.

Ныне времена другие, но хочется надеяться, что и мы вернемся к тем более чем вековым нравственным ценностям.

Г. А. Гряникова

**Новые явления торговли Алтайского края
в последнее десятилетие советской власти ***

Социально-экономические и политические преобразования в 1980-е годы отразились на потребительских практиках и отношениях между продавцом и покупателем. Реформирование в экономической сфере заключалось в повороте государственной политики к развитию торгового обслуживания, укреплению материально-технической базы торговых предприятий Алтайского края.

Новыми явлениями торговли в регионе стали укрупнение магазинов и создание торговых центров. Например, 31 декабря 1981 г. сдан в эксплуатацию торговый центр в квартале 1092 Барнаула, включающий продовольственный магазин, комбинат бытового обслуживания, столовую, почту. В мае 1989 г. в с. Урывки Тюменцевского района открылся торговый центр, объединяющий два магазина продовольственных и промышленных товаров. В 1990 г. торговлю обувью, кожгалантереей, косметикой, парфюмерией, тканями и бытовой техникой стал осуществлять акционерный магазин «Белла».

К концу 1980-х годов развитие получила городская комиссия торговля. Первый коммерческий магазин «Люкс» осуществлял продажу исключительно импортной продукции: кроссовки «Puma», обувь фирмы «Miami Sporting Club», радио и видеоаппаратура. Единственный частный коммерческий магазин в Барнауле «Ирина» предоставлял населению такие комиссионные товары как французская туалетная вода, кроссовки «Wrangler», джинсы «Levi's», турецкая мужская и женская одежда. В комиссионных отделах универмага «Красный» реализо-

* Работа выполнена по проекту РФФИ № 19-49-220005 «Торговля и товарное снабжение населения Алтайского края в 1960-е — 1990-е гг.: от плановой к рыночной экономике».

вывались немецкий чайный сервиз, металлическая индийская посуда, футболки из Таиланда и Франции. Низкими ценами отличался коммерческий отдел универмага «Черемушки», где в продаже имелась одежда итальянского, югославского, французского производства, спортивные костюмы фирмы «Adidas». Эстетичным оформлением интерьера и широким выбором товаров отличались коммерческий магазин «Елена» и его филиал в кафе «Лакомка».

Новым методом реализации продукции в 1991 г. стало проведение постоянно действующих выставок-продаж, на которых товар продавался по установленной цене или по обмену на интересующую поставщика продукцию. Информационно-коммерческий отдел производил поиск партнера по продаже или обмену товара, брокерская контора реализовывала товар через торги на Алтайской товарной бирже. За участие в выставке следовало оплатить взнос в процентах от стоимости заявленных товаров за рекламу, выставку образцов, деятельность информационно-коммерческого центра и брокерской конторы. Товар реализовывался по «живым» образцам, рекламным проспектам, фотографиям, макетам при доставке образцов за счет производителя. Одним из первых примеров описанного метода в Барнауле стала выставка-продажа от краевой ассоциации кооперативов «Алтай».

Помимо обозначенных нововведений, происходил количественный рост предприятий торговли. С 1980 по 1988 г. обеспеченность торговой площадью населения в расчете на 1000 чел. в среднем по Алтайскому краю возросла на 17,7 %. Среди городов наибольший рост наблюдался в Новоалтайске, наименьший — в Змеиногорске. В сельской местности наибольший рост отмечен в Курьинском районе, наименьший — в Кытмановском. В 1988 г. среди городов наибольшей обеспеченностью обладал Змеиногорск, наименьшей — Барнаул. В сельской местности наибольшая обеспеченность наблюдалась в Солонешенском районе, наименьшая — в Усть-Калманском.

В 1991 г. по числу предприятий розничной торговли (6033 магазина и 1324 палатки) Алтайский край занимал 2-е место в Западно-Сибирском районе, несколько уступая Тюменской области (7427), с учетом выделения из состава края Республики

Алтай с 789 торговыми предприятиями. Среди субъектов Российской Федерации Алтайский край по данному показателю опережали только Москва, Московская, Нижегородская, Ростовская и Свердловская области, Республики Татарстан и Башкортостан, Краснодарский край.

Таким образом, в последнее десятилетие советской власти происходили качественное преобразование розничной торговой сети посредством укрупнения магазинов и их специализации, внедрения новых методов обслуживания. Развитие товарно-денежных отношений при государственной поддержке индивидуальной и кооперативной форм деятельности привели к стремительному увеличению числа мелких организаций торговли.

Д. В. Гущина

**Мотивы и стратегии купцов на службе
в выборном городском управлении в России XVIII в.:
к постановке вопроса**

Реформы городского управления первой половины XVIII в. внесли заметные изменения в жизнь тяглого посадского населения: уже начиная с городской реформы 1699 г. посадские жители впервые получили свой сословный суд и строго централизованную систему управления. На протяжении указанного периода органы городского управления претерпели ряд изменений и были представлены в разные периоды времени земскими избами, городскими магистратами и ратушами. Однако принципы сословного суда и централизованного управления наиболее полно воплотились в городских магистратах. Членами городского магистрата, который «яко начальство градское, будет правление иметь, суд и доброй порядок содержать», как подчеркивает законодатель в регламенте Главного магистрата, становились по выбору посадской общины сами посадские жители, причем государственная власть видела в этой роли исключительно посадских тяглецов «из гостиной сотни и из гостиных детей и из граждан первостатейных», то есть из наиболее состоятельного купечества. Но каковы были цели самих купцов? Стремилась ли они служить в магистратах или, наоборот, предпочитали этого избегать? Ведь служба в этих учреждениях городского управления была сопряжена с серьезной материальной ответственностью и была бессрочной, а значит отрывала купца от торга на неопределенный, и, как правило, весьма продолжительный срок. При этом избранный и назначенный служитель магистрата должен был приложить некоторые усилия для того, чтобы быть уволенным от службы, и усилия эти далеко не всегда приводили к успеху. С другой стороны, магистратская служба давала определенную власть над посадскими жителями, а в некоторых случаях и возможности для злоупотреблений.

Исследования, в той или иной степени касающиеся этой темы, свидетельствуют о том, что купцы могли проявлять самую разную степень заинтересованности в службе в органах городского управления. Так, в фундаментальном труде «Посадская община в России XVIII ст.» А. А. Кизеветтер приводит многочисленные примеры ожесточенной борьбы, когда пожиточные купцы готовы были бороться за назначение их магистратскими служителями всеми средствами, включая незаконные, как это произошло в 1723 г. в Брянске или в 1750-х годах в Пензе. Примеры острого интереса представителей богатой купеческой верхушки к магистратской службе приводит и Л. С. Рафиенко в статье «Социальный состав сибирских магистратов в 40–80-х гг. XVIII в.». В частности, автор отмечает, что в Иркутске в указанный период магистратские должности занимали представители наиболее состоятельных купеческих семей. Однако Л. С. Рафиенко приводит и другой пример участия купеческой верхушки в формировании составов магистратов, когда представители наиболее пожиточного купечества не претендовали на магистратские должности, предпочитая утверждать на них своих сторонников. Примеры подобного поведения приводит и А. А. Кизеветтер, обращаясь к материалам выборов в Ярославле, Козьмодемьянске и других городах. Однако существовала и существенная прослойка купечества, которая, напротив, всеми силами стремилась уклониться от службы в должностях выборного городского управления. Так, например, некоторые из выборных Московского магистрата в 1723 и 1744 гг. уклонялись от службы в течение длительного времени и приступили к своим обязанностям лишь под существенным давлением центральной власти. При этом некоторые из уклонявшихся от службы купцов были весьма обеспеченными. Примеры отчаянного нежелания купцов служить в органах городского управления обнаруживаются и в Твери, и в Соликамске, и в других городах.

Столь же вариативна и степень преемственности в органах городского управления: в некоторых посадах отчетливо прослеживается как служба одних и тех же лиц в магистратах и ратушах, так и семейная преемственность между членами этих учреждений, как это было в Брянске. Подобную же картину отмечает Л. С. Рафиенко, основываясь на сибирском материале.

В других посадах, напротив, преемственность отсутствует практически полностью. Такую картину можно наблюдать, например, в Московском посаде, как это показано в статье Д. В. Гушиной «“Из граждан первостатейных, добрых, пожиточных и умных людей”»: механизмы выдвижения и утверждения выборных в должностях Московского магистрата в 1720 и 1740 гг.».

На данный момент материалы, на которых можно наблюдать это разнообразие сценариев формирования выборных органов городского управления, фрагментарны. Для понимания того, чем обусловлен такой широкий спектр вариаций, необходимо определить состав органов городского управления на более систематической основе, охватив широкий круг городов разного административного значения. Подобный анализ покажет, насколько пожиточные купцы служили в органах городского управления, как менялся их состав и какие цели они преследовали, стремясь быть избранными в органы городского управления, или, наоборот, всеми силами уклоняясь от службы.

В. Г. Дацышен

К проблеме истории советско-китайской чайной торговли

Доклад посвящен проблемам истории советско-китайской чайной торговли, которой в российской исторической науке традиционно уделяется большое внимание, однако подавляющее большинство исследований посвящено проблемам кяхтинской торговли, вопросы же чайной торговли с Китаем в советскую эпоху остаются неизученными.

Традиционная русско-китайская чайная торговля вступила в полосу кризиса еще в начале XX в., была почти разрушена в годы Гражданской войны в России. В Советской России чай был признан товаром первой необходимости, а главным поставщиком чая в первые послереволюционные годы был Китай. Новая советская власть продолжила старую политику поддержки чайной торговли через сухопутную границу с Китаем налоговыми льготами. В первой половине 1920-х годов были восстановлены объемы ввоза чая из Китая через европейскую границу СССР и до конца 1920-х годов чай оставался главным товаром из числа ввозимых из Китая в Советский Союз.

В конце 1920-х годов в СССР началась модернизация промышленности. Советскому правительству нужна была валюта для закупки на западе новых технологий и оборудования. С этого времени началось резкое падение сибирской чайной торговли. Ситуацию осложнял и рост напряженности на дальневосточных границах. Советское правительство разработало комплекс мер по снижению зависимости страны от китайского чая. В 1930 г. в связи с разрывом советско-китайских отношений и перенесением части заказов СССР из Китая в Японию значительно увеличился советский заказ в Японии на японский зеленый чай. В 1930-х годах в СССР были уничтожены остатки рыночной экономики и советское правительство получало чай из Китая централизованно, через взаиморасчеты. Чай был принят в качест-

ве главной статьи погашения кредитов и процентов по ним китайской стороны.

В 1950-х годах, в период советско-китайского сотрудничества и тесной дружбы, советские руководители также проявляли интерес к китайскому чаю. В это время Китайская Народная Республика осуществляла централизованные поставки чая в СССР в счет погашения кредитов и в обмен на поставки советских товаров. Разрыв отношений между СССР и КНР в 1960-х годах нанес, в том числе, удар и по советско-китайской чайной торговле. В 1970-х годах китайский чай исчез из торговой сети Советского Союза, а вернулся лишь с нормализацией отношений между двумя странами, но уже не в качестве товара первой необходимости.

Таким образом, после окончания Гражданской войны в России начала формироваться новая система чайной торговли. В 1920-х годах советско-китайская чайная торговля была быстро восстановлена и заняла лидирующие позиции в товарообмене между двумя странами. В 1930-х годах в силу внутренних и внешнеполитических проблем и противоречий начался процесс ограничения закупок чая в Китае. Тем не менее, в 1930–1950-х годах СССР получал чай из Китая в счет погашения кредитов за советские поставки. Лишь разрыв советско-китайских отношений в 1960-х годах привел к исчезновению китайского чая в Советском Союзе.

А. П. Дворецкая

Роль купечества в формировании религиозного облика Енисейска *

Храмы выполняют в обществе как культовые, так и социальные функции. Важен и литургический настрой, связанный с ходом церковной службы, местночтимыми святынями, местами захоронения прихожан внутри храмовой территории. Мир сакральных образов встраивается и в повседневную культуру и наполняет профанное пространство иконами, крестными ходами и службами вне храма, религиозными праздничными и повседневными действиями — празднованием Рождества и Пасхи, свадебными церемониями и венчаниями.

Традиционно в дореволюционной России храмы являлись точками, в которых фокусировались мировоззренческие и эстетические представления людей. Храмы строились в центре населенных пунктов — общем для всех пространстве и оставались знаковыми доминантами, центрами композиционно-плановой структуры, своеобразными эталонами оценки всей местности. Строились всем миром, значительные пожертвования вносили меценаты из купеческого сословия. В своих предпочтениях они останавливались на доступных в их распоряжении образцах.

Енисейские церкви являлись уникальным комплексом храмового зодчества, формировавшимся не одно столетие на лучших образцах церковного зодчества. Здания храмов объединяли в себе три социальных модуса: материальность, символичность и функциональность. Они воспринимались в социуме как места общественного согласия и покаяния, были некими точками опо-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01668 «Комплексное исследование сакрального пространства старожилов Енисейского Севера: механизм сохранения и развития (на основе междисциплинарного исследования памятников истории и архитектуры)» (рук. А.П. Дворецкая), <https://rscf.ru/project/22-28-01668/>.

ры для горожан в минуты бедствий. Восприятие храма как коллективного наследия вело к тому, что не только отдельные представители купеческих династий, но и целые поколения купцов вкладывали год за годом свои сбережения на сооружение церковных построек и декоративное украшение.

Продуманные пропорции, богатый декор и живописные силуэты храмов были не мыслимы без добровольных частных пожертвований на церковное строительство. Эта тенденция — возведение монументальных храмов, повторяющих архитектуру Москвы и Санкт-Петербурга, — нашла отражение во многих городах Урала и Сибири (уральское и сибирское барокко). Пожертвования делались на само строительство. Среди строителей Богоявленского собора купец С. Трескин (верхний Никольский придел); Спасского собора — енисейский купец И. Волков (Ильинский придел), архангельский купец Д. Лобанов (надвратная церковь Захарии и Елисаветы, ограда), енисейский купец П. Трескин (двухэтажные каменные палатки), иркутский купец А. Свешников (внутреннее убранство храма), енисейский купец А. Баландин (расширение здания пристройкой галерей с двумя приделами); Христорожественской церкви — енисейские купцы М. Веретнов, И. и А. Скорняковы, П. Щукин (вклад по 1000 руб. каждый), купец 1-й гильдии А. Данилов (каменная часовня); Воскресенской церкви — Л. Тропин; Троицкой церкви — П. Ларионов (главный придел); Успенской церкви — отец и сын Кобычевы.

Инициаторами строительства Преображенской церкви выступили енисейские купцы П. и А. Самойловы и торговые люди, съезжавшиеся на Енисейскую ярмарку. В его образе также нашло выражение влияние европеизированного столичного барокко. На протяжении всего существования Преображенская церковь являлась неотъемлемой частью комплекса гостиного двора, игравшего исключительную роль в жизни Енисейска. В дальнейшем благолепие этого красивейшего енисейского храма поддерживалось участием С. Кузьминых, И. Кытманова, А. Баландина и В. Матонина.

Старинные храмовые предметы указывали на торговые связи купцов с Москвой, Петербургом, Великим Устюгом, Тобольском, Иркутском, Калугой, Костромой, Ярославлем, Вяткой,

Арзамасом, Екатеринбургом, Сольвычегодском, Ростовом Великим. Из зарубежных предметов культа следует отметить Грецию, Иерусалим, Амстердам и Аугсбург.

Среди вкладчиков (более 100 руб.) необходимо отметить енисейских купцов Д. Щукина, Л. Дьякову, Н. Дементьева, И. Дудкинського, А. и Е. Грязновых, А. Попова, М. Бородкина, А. Туписова, А. Баландина, А. и И. Кытмановых, В. Козьминых, В. Марамыгина, А. Матонина, В. Барышевцева и П. Фунтосова.

Представители купеческого сословия нередко руководили и повседневной жизнью общин, являясь избранными прихожанами церковными старостами. Среди них Ф. Барков, П. Фунтосов, А. Матонин, С. Кузьминых, А. Елтышев, П. Ларионов. На средства П. Фунтосова, А. Матонина (а в дальнейшем его семьи), Е. Кобычева, Н. Дементьева, А. Елтышева в подражание лучшим духовым традициям содержались церковные хоры, привозились колокола, писались иконы, устраивались иконостасы. Проценты с вкладов шли на содержание церквей и священнослужителей.

Таким образом, во многом благодаря эстетическим представлениям крупных вкладчиков — купцов — сформировался облик енисейских церквей. Их масштабность и значительность показывают, что представители сословия, имея перед собой великолепные образцы не только общерусского, но и мирового уровня, оказали непосредственное влияние на развитие сакрального пространства Енисейска.

3. В. Дмитриева

Торговля Кирилло-Белозерского монастыря в «смутные годы» начала XVII в.

События Смуты оказали разрушительное воздействие на экономику и демографию России. В настоящем сообщении на материалах расходных денежных книг Кирилло-Белозерского монастыря показано, как монастырские власти в сложную ситуацию «смутного времени» обеспечивали необходимыми товарами и продуктами монастырских насельников. В начале XVII в. монастырь содержал более 800 человек, включая монахов, слуг, работников и нищих. Исследование проведено по трем хронологическим срезам: июнь 1581 — апрель 1582 гг., 1610/1611 г., 1613/1614 г.

1580-е годы — период относительной экономической стабильности Белозерья, находившегося на периферии военных столкновений. Активное проникновение в регион «тушинских» отрядов началось с 1610 г.

«Потребное» и «запасы» для монастыря приобретались в течение всего года. Рыба была одним из главных продуктов питания. В начале 1580-х годов свежую, соленую «бочечную» и «поледенную» рыбу (судаки, лещи, лососи, шуки, юраны, стерляди, нельмы, сиги) привозили из Белозерска (Белоозера) и белозерских сел (Вашки, Кивуй, Кема, Мегра, Великоселье), покупали на Воже и Кубенском озерах. Белозерск, помимо рыбы, был главным центром приобретения самых разнообразных товаров (кожи, овчины, сукна, скатерти, сало говяжье на свечи, гвозди, зола в бочках, лодки, железо, деготь, лен «наугородский», масло коровье). Важными центрами приобретения товаров были также Вологда и Москва. В Вологде покупали жилы говяжьих, рукавицы, солод, овчины, рукавицы, мед; в Москве — темьян, золото сусальное, белую глину «к медному делу», холсты, бумагу, мед, шанданы, бочки дубовые, шафран, колокола, конопляное семя, гречневую крупу. По расходной книге 1581–1582 гг., география

купленных товаров, помимо вышеупомянутых, включала такие города и села как Каргополь, Кинешма, Нижний Новгород, Ростов, Тверь, Ярославль, Рукина Слободка, Сяма.

В 1610/11 г., как и в 1580-е годы, соленую и свежую рыбу покупали в Белозерье. Значительно расширился ассортимент товаров и продуктов, приобретенных в Вологде: иконы, иконные доски, краски для написания икон (киноварь, охра, белила), воск, ладан, бумага, шелковые нити «разных цветов», мел, иглы «литовские», снасти, попоны, гвозди, войлоки, порох пищальный, сера горячая, кожи, овчины, рукавицы, горох, семя конопляное, вино церковное, мед, капуста, гречневая крупа, просо и проч. (перечень более 40 наименований). В Москве также покупали краски для написания икон (киноварь, сурик, «синила», «лазорь», празелень). Из Белозерска, как и ранее, в основном привозили сукна, холсты, епанчи, сермяги, овчины, пеньку, гвозди, лен, а также икру «мневую», заонежский и белозерский моль. Значительный объем «потребного» продолжал поступать из Ярославля (ладан, «фимьян», клей «карлук», воск, доски липовые, осетры, мед, крупа гречневая, бочки «белужины», икра черная, горох и проч. (более 20 наименований). Заметными центрами торговых операций становятся кирилловские села: в с. Санниково покупали лыки, сани, ужища липовые, «вязник посошный и чашешный», сено, овчины, масло красное; в Рукиной Слободке — сено, яровую солому, мякину; в Кеме — сукна, холсты, овчины, телятины; в Колкаче и в Сизме — сено. В июле 1611 г. в Архангельске были куплены пищали, самопалы, стволы пищальные. Общий объем затраченных денежных средств составил 4506 руб. 14 алтын 1,5 деньги, что в 1,4 раза больше затрат казначея в 1581–1582 гг.

1612 г. оказался трагическим для Белозерского края: летом «литовские люди» захватили Белозерск; 20 августа подошли к Кирилло-Белозерскому монастырю, сожгли хлебные запасы за стенами монастыря, угнали стадо лошадей; 22 сентября разгромили Вологду; в начале декабря вновь подошли к Кириллову и безуспешно предприняли штурм крепости. Покупательную способность Кириллова после очередного прихода «литвы» отражает расходная книга 1613/14 г. По ее данным, казна израсходовала более 3635 руб., что только на 19 % меньше относительно

благополучного 1610/11 г. Несмотря на разорение края и затраты монастыря на оборону крепости кирилловские власти продолжали закупку товаров и продуктов для насельников. Рыбу покупали в белозерских селах и в Каргополе. Вологда, Белозерск, Москва, Углич, Санниково остаются центрами приобретения «потребного» для монастыря. Большая партия товаров, купленных в Ярославле, была зафиксирована в апреле 1614 г. — более 30 наименований. Помимо обычно покупаемых здесь осетров, икры, вязиги, меда, крашенин, старец Парфений купил 2000 листов сусального золота и 500 листов серебра, порох «самопальный» (более 4-х пудов) и 12 пищалей «немецких». В Архангельске закупили порох (более 54 пудов), вино церковное и 100 стоп бумаги.

Как видим, кирилловские власти смогли обеспечить насельников всем необходимым для выживания в годы Смуты, защитить монастырь от разорения, а также заботились об украшении храмов, проводили обновление окладов почитаемых икон.

Е. В. Дроботушенко

Православные монастыри в торговле Забайкалья во второй половине XIX — начале XX в.

Православные монастыри традиционно играли немаловажную роль в истории отечественной торговли. Однако в разных регионах в разное время эта роль различалась. Территорией, где торговая деятельность обителей православной церкви в досоветское время осуществлялась в незначительных объемах, являлось Забайкалье.

История торговли забайкальских православных монастырей на сегодня изучена слабо. Отчасти она рассматривалась исследователями при характеристике хозяйственно-экономической деятельности обителей, однако затрагивались только отдельные, частные вопросы. В то же время православные обители Забайкалья торговлей занимались и в некоторых случаях доходы от нее в общих финансовых поступлениях монастырей бывали значительны.

Всего в регионе во второй половине XIX — начале XX в. разновремененно было шесть православных монастырей (в соответствии с хронологией появления): Селенгинский Свято-Троицкий (мужской), Посольский Спасо-Преображенский (мужской; с 1900 г. — женский), Чикойский Иоанно-Предтеченский (мужской), Читинский Богородицкий (женский; с 1915 г. — Покровский), Мысовской Успенский (женский) и Староселенгинский Спасо-Преображенский (мужской). Последние два были основаны в конце первого — середине второго десятилетий XX в. и не успели «твердо встать на ноги». Если они и занимались торговлей, то в совсем небольших объемах. Источники данных об этом не содержат.

Таким образом, в забайкальской торговле в рассматриваемое время проявили себя четыре православные обители. Два первых по времени основания монастыря региона, Посольский

Спасо-Преображенский и Селенгинский Свято-Троицкий, в силу расположения вблизи озера Байкал и полученных от государства «рыбных ловель», значительный доход имели от продажи омуля. Иные статьи торговли составляла сельскохозяйственная продукция (монастыри имели земельные угодья, где выращивали хлеб, также занимались огородничеством) и свечи. Показательны некоторые цифры. Так, в 1915 г. доход от продажи омуля составил около 40 % от всех доходов Селенгинского монастыря.

Чикойская обитель не имела рыбных ловель, земли под пашни было немного. Это предопределило то, что торговля была в незначительных объемах. На продажу шли овощи, молочная продукция.

Читинский монастырь продавал свечи, кресты, иконы, просфоры для жителей областного центра и приезжих.

Большим подспорьем для пополнения монастырской казны была продажа свечей. При этом можно говорить о доходах с продажи, когда своего свечного производства не было и доходах после открытия свечных заводов. Доходы были значительными для обителей и в первом случае. В отдельные годы второй половины XIX в., к примеру, Селенгинский монастырь получал от продажи свечей более 240 руб., при том, что от государства согласно штатам было положено по разным данным 300–350 руб. или около 700 руб.

В конце XIX — начале XX в. два монастыря — Читинский Богородицкий и Посольский Спасо-Преображенский — открыли свои свечные заводы и занялись производством свечей, которые продавали в Забайкальской епархии. Доходы от продаж были значительными. Для Читинской обители они, по сути, были основными.

Помимо свечей монастыри торговали нательными крестами, иконами, просфорами, однако доходы от их продажи ни в коей мере нельзя сравнивать с таковыми от продажи свечей.

Продажу производимой сельскохозяйственной продукции, как минимум в начале второй половины XIX в., забайкальские монастыри осуществляли на Преображенской ярмарке «при реке Селенге». Это была вторая по значимости ярмарка в Забайкалье после Верхнеудинской. Она проходила с 1 августа по 20

сентября ежегодно. Оборот в отдельные годы составлял более 850 000 руб. Основным товаром являлся омуль, что предопределялось близостью озера Байкал. Известно, что монахи Посольского монастыря привозили на ярмарку помимо товаров переносную часовню. Обитель также располагала своей торговой лавкой в с. Посольское.

Таким образом, можно констатировать, что православные монастыри Забайкалья во второй половине XIX — начале XX в. участвовали в торговых операциях. Объемы их торговли значительными назвать нельзя. В то же время, в отдельные годы они составляли значительную часть общих доходов обителей.

Монастыри, располагавшиеся вблизи озера Байкал, имея собственные «рыбные ловли» активно торговали омулем. С конца XIX — начала XX в., после начала собственного производства свечей, у двух обителей значительно выросли доходы от их продажи.

Торговля забайкальских православных монастырей на сегодня изучена относительно слабо. Для ее более полной характеристики требуется серьезная работа с источниками, прежде всего, архивными документами.

П. Н. Дудин

**Памятники торгового права первой половины XX в.
на страницах трудов наших соотечественников-эмигрантов
как историко-культурное наследие русского Харбина
(к 100-летию юбилею русского Юридического факультета
г. Харбина) ***

Созданный в 1920 г. в виде экономико-правовых курсов и преобразованный в 1922 г. в полноценное учебное заведение, Юридический факультет г. Харбина до 1937 г. являлся уникальным учреждением. Уникальным прежде всего потому, что он сохранил в себе русскую академическую традицию, так не нужную молодому Советскому государству: ликвидировавшему в течение полутора десятков лет после установления своей власти и юридическое образование, и юридическую науку, заменив гражданское и административное право правом хозяйственным.

Напротив, собравшийся в Харбине цвет имперской юриспруденции развивал не только имеющиеся у него блестящие знания, но и открывал миру новые грани права Восточной Азии. Интерес к Китаю тогда, равно как и сейчас, был чрезвычайно велик, велик он был и к китайскому законодательству.

Сразу оговоримся, что в отличие от тогдашней Японии, в Китае торговое право не оформилось в отдельную отрасль, продолжая оставаться частью гражданского права. Однако это не мешало его активному исследованию, в первую очередь со стороны наших соотечественников. И по сей день их труды в этой сфере составляют золотой фонд мировой юридической синологии.

Условно имеющийся в нашем распоряжении обширный материал можно разделить на несколько групп. Первую из них со-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01087 «Русский мир Внутренней Азии в XXI веке: политика памяти и символическое наследие политического присутствия», <https://rscf.ru/project/22-28-01087/>.

ставляют труды состоявших на русской дипломатической или коммерческой службе людей наподобие Б. Гурьева, которые писали о сохранении за нашей страной торговых прав и привилегий, предоставленных пекинским правительством еще договором 1881 г.

Вторую группу материала составляют переводы текстов законов, сделанные при помощи китайских ученых. Одним из самых активных сподвижников сотрудников Юрфака Харбина был Ван Цэн-Жунь: из-под его пера вышли переводы закона об организации Министерства торговли и промышленности Китайской Республики, закона о торговых знаках и другие подобные работы.

Третью группу трудов составляют сочинения самих ученых, представленные как в виде комментариев действующего законодательства, так и в сугубо научном (исследовательском, обзорном или аналитическом) формате. Яркими представителями этой группы ученых стали выпускник Санкт-Петербургского университета и член правительства адмирала А. В. Колчака Георгий Константинович Гинс, предметно работавший с торговым правом и выпустивший ряд сочинений, ставших своего рода исследовательскими эталонами в данной сфере, и выпускник самого Юридического факультета г. Харбина Николай Иосифович Прищепенко, рассматривавший торговое право сквозь призму нового гражданского кодифицированного законодательства. Последний после вторжения японцев в 1931 г. на северо-восток Китая эмигрировал в США и занимал важные должности в структуре ООН.

Наконец, четвертая группа материала включает в себя работы в сферах, которые сегодня мы относим к коммерческому/предпринимательскому праву: особенности акционерного законодательства за авторством другого известного в Российской империи юриста М. Э. Гильчера; нюансы коммерческой рекламы в интерпретации востоковеда И. Г. Баранова; законодательство о средствах массовой информации в изложении А. фон Ландезена; торговые обычаи применения печатей в китайском коммерческом обиходе сквозь примеры А. Н. Курбатова и т. п. К этой же группе материалов можно отнести и не касающиеся напрямую отраслевого законодательства, но содержащие об-

ширный спектр примеров правовых обычаев, работы А. Е. Герасимова о меняльных лавках, Г. Г. Авенариуса — о землячествах и цеховых объединениях, и, наконец, объемный труд И. А. Панина «Китайский купец» о китайской торговле как знаковом социальном явлении этого народа.

К сожалению, сегодня и указанные здесь люди, и их научное наследие остаются неизвестными не только широкой научной общественности, но даже и узким специалистам — историкам и юристам, в связи с чем пришло время восстановить историческую память и справедливость и определить место этих выдающихся исследователей в пантеоне мировой востоковедной науки.

В. И. Дятлов

**«Базар в России — больше, чем базар?»:
не замечаемая повседневность
и индикатор общественных перемен ***

Парафраз известной цитаты в заголовке подчеркивает необходимость привести определение инварианта базара и кратко охарактеризовать его некоторые хрестоматийные типы («точный базар», «рынок европейского бурга»). Выделить основные характеристики базара российского в эпоху радикальных трансформаций страны в конце XIX — начале XXI в.

Базар — место и институт регулярного торгова в городе, где местное население удовлетворяет существенную часть своих потребностей продуктами, произведенными местным населением и населением ближайшей округи или каким либо образом, приобретенными для сбыта на рынке (М. Вебер).

«Восточные базары» — важный элемент традиционного аграрного общества, но общества с огромной, многовековой городской традицией, развитой торговлей, ремеслами и финансами. Базар здесь — сложный социальный организм с большим количеством постоянных и хорошо организованных акторов, разветвленной сетью их взаимоотношений и связей, с эффективной системой внутреннего регулирования, контроля и санкций, с особыми взаимоотношениями с властью. В динамично модернизирующихся обществах Европы рынок (базар) был системообразующей характеристикой города (бурга), живущего по магдебургскому праву или его аналогам.

«Восточные базары», европейские рынки и базары российские интересующего нас периода — феномены совершенно раз-

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00282 «Частный сектор» региональных столиц Сибири и Дальнего Востока: структура и практики повседневности «негородских» сообществ».

ных типов общества. Неизбежны поэтому и разные функции и характеристики.

Сущностная характеристика российского базара — всеобщность и незамечаемость. Феномен чрезвычайно слабо изучен по сравнению с ярмарками, историей купечества и другими смежными сюжетами. В немногочисленных публикациях базар обычно рассматривается как второстепенный сюжет в контексте других проблем и тем. Почти нет описания, а тем более глубокого анализа жизни базаров, их организации, места в городском сообществе. Почти нет базара в беллетристике. На фоне тотальной распространенности (базар — а то и несколько — был обязательным и важным атрибутом любого крупного или мелкого российского города) и жизненно важной функции снабжения населения ключевыми потребительскими товарами, это выглядит не просто капризом историографической моды.

И если по отношению к советской эпохе это не вызывает особого удивления, учитывая недоброжелательное отношение власти, то отсутствие интереса к базарам дореволюционным поражает и вызывает вопросы. Возможно, базары были настолько привычной и органичной частью городской повседневности, что их просто переставали замечать. Ведь ярмарки были не только важнейшим звеном системы торговли и снабжения, но и крупным событием, праздником, ярким пятном в серой рутине повседневности. Магазин — это привозные и не повседневные товары, красивые интерьеры, приказчики. Поход в магазин — хоть маленькое, но событие, не только покупка, но и развлечение. А на базар ходят почти каждый день, привычно покупают муку, рыбу, мясо, дрова...

В обычных условиях базар был частью системы снабжения и товарообмена наряду с ярмарками, магазинной торговлей, развитой системой опта, ретейла, финансирования и логистики. Их стандартная функция — площадка для нерегулярного стихийного обмена, осуществляемого непрофессионалами. Торговля поддержанными товарами с рук. Это «блошинные рынки», «толкучки», «барахолки». Но основная функция — обеспечение связи города и его деревенской периферии, снабжение горожан товарами повседневного массового спроса, производимых в деревне. Типичный набор базаров губернского города: мучной, мясной,

рыбный, дровяной, сенной, конный. При них формировалась и соответствующая инфраструктура: дешевый общепит, питейные заведения, заезжие дома, лавки с потребительскими товарами для деревенских продавцов, предметами повседневного обихода для горожан.

В циклически повторяющихся чрезвычайных ситуациях (обычно это политические и военные катаклизмы) базар становится ключевым механизмом снабжения, местом и центром социальной самоорганизации, полем личных инициатив для выживания. Предпосылки для такой ситуации: крах всей системы снабжения и торговли стабильного времени, тяжелый кризис финансовой системы, крах кредитной системы. Снижение уровня доверия — иногда практически до нуля. Распад традиционных хозяйственных связей. На смену приходит массовый стихийный обмен, торговля с рук массой непрофессиональных торговцев. Базары становятся и терминалами для стихийно формирующихся новых форм товарных потоков («мешочники», «челноки»), способом выживания для большинства акторов и механизмом формирования нового слоя профессиональных предпринимателей. Теперь это центры социальной активности и узлы информационных потоков.

В стабильные советские годы базары приобретают важную дополнительную функцию: они становятся частью симбиоза с государственной системой торговли и снабжения, терминалами трансрегиональной частной торговли овощами, цветами и фруктами, терминалами цеховой системы, площадкой фарцово́й торговли.

Историю России конца XIX — начала XXI в. можно представить как череду стабильного и чрезвычайного состояний. И это спазматическое развитие предельно отчетливо отражается в «мерцающей» смене функций базаров и их роли в жизни общества.

А. А. Емельянова

Благотворительная деятельность орского купечества в конце XIX — начале XX в.

Развитие Российской империи и ее губерний тесно связано с деятельностью купеческого сословия. Кроме непосредственного влияния на экономику страны, под инициативой купцов складывался облик городов, развивалась наука и искусство, создавались учреждения общественного призрения.

Расцвет отечественной благотворительности, произошедший в конце XIX — начале XX в., имеет ряд историко-культурных предпосылок. В пореформенный период наблюдались изменения в политике Российской империи по отношению к малоимущим подданным. С высочайших указов открывались в городах приюты для сирот, подкидышей и тяжелобольных людей, оставшихся без средств к существованию. Кроме того, в связи с ускоренным проникновением в умы членов высшего российского общества европейских гуманистических идей, наблюдалась тенденция к развитию целой системы благотворительности, основанной частными лицами.

В мотивах благотворительной деятельности у купцов доминировали духовно-нравственные ценности. Как, например, отмечает в своих трудах Е. В. Бурлуцкая (Банникова), в среде оренбургского купечества преобладали представители православного вероисповедания. Кроме того, автор отмечает, что купечество, несмотря на упадок значимости церкви в жизни общества пореформенного периода, оставалось, пожалуй, самым религиозным сословием Российской империи. Согласно догматам православия, богатство подразумевало под собой ответственность, исходя из которой благотворительность рассматривалась как особая миссия. Считается, что богатому невозможно войти в Царствие Небесное, не подавая милостыни.

Стоит отметить, что успешность предпринимательской деятельности в некоторой степени зависела от репутации самого

коммерсанта. Купцы стремились всячески упрочить свое положение в обществе и показать себя в выгодном свете, что и определило благотворительность и меценатство как путь к достижению этой цели.

Не стало исключением и орское купечество. Можно утверждать, что практически все образовательные учреждения, приюты и пункты медицинской помощи для обездоленной части населения, создавались и обеспечивались местными предпринимателями.

Одним из самых деятельных представителей купеческого сословия в городе Орске был Доримедонт Гордеевич Швецов. Купец-лесопромышленник 2-й гильдии довольно быстро приобрел статус почетного гражданина города. В 1872 г. Доримедонта Гордеевича избирают гласным городской думы, а спустя пару лет назначают городским головой. Помимо предпринимательства Швецов спонсировал работу ученой архивной комиссии, а в 1895 г. по его инициативе создали уездный комитет Попечительства о народной трезвости и Попечительное общество о доме трудолюбия, председателем которых он и стал. 22 февраля 1897 г. был открыт Орский дом трудолюбия. Организация обучала различным ремеслам всех желающих, оставшихся по какой-либо причине без работы. Большую часть учащихся составили вдовы с малолетними детьми, беспризорники и инвалиды. В доме трудолюбия на заказ изготавливались одежда, обувь и корзины. Несмотря на бедствующее положение курсантов, вырученные с продаж деньги тратились не только на личные нужды самих изготовителей, но и на организацию благотворительных обедов для нищих. С 1884 по 1905 г. Доримедонт Гордеевич возглавлял городской сиротский суд. Основная деятельность этого суда была направлена на охрану личности и имущества малолетних сирот и вдов. Суд назначал и устранял опекунов, а также следил за учрежденными опеками.

Благотворительность в сфере образования связана с именами купцов 2-й гильдии Ильи Евгеньевича Смирнова и Антона Николаевича Вишневого. В 1913 г. купец-золото-промышленник Вишневецкий пожертвовал Орскому реальному училищу 2000 руб., которые были использованы для ремонта и покупки оборудования в кабинет физики. Несколько позже за

добродетельность Антона Николаевича городская дума утвердила его в звании почетного попечителя Орского частного реального училища, а педагоги образовательного учреждения выразили свою благодарность. В 1916 г. купец Смирнов учредил именную стипендию в память о своем погибшем сыне для учащихся того же реального училища. Денежные средства выплачивались всем малоимущим и нескольким обучающимся за особые успехи в учебе.

Непростой для истории России период конца XIX — начала XX в. многие исследователи по праву называют «золотым веком» меценатства. Благодаря видным деятелям купеческого сословия в городе Орске регулировалось социальное неравенство, особенно остро выраженное в кризисные годы из-за ужесточившихся природных условий, а также русско-японской и Первой мировой войн. Несмотря на активную благотворительную деятельность купечества множество богаделен, приютов и других организаций общественного призрения были упразднены советской властью, а сами купцы-благодетели репрессированы.

О. К. Ермакова

**Торговая правосубъектность
иностранных специалистов в России XVIII в.
(реконструкция по актовым источникам)**

При изучении социально-правового статуса иноземцев, приезжавших на русскую службу по контрактам, а также иностранных колонистов (тоже вступавших в договорные отношения с государством), на первый план обычно выходят вопросы, посвященные основной деятельности иностранцев — их работе в интересах казны, и в целом — условиям пребывания в России, качеству жизни, социальному престижу. При этом малоисследованными оказываются аспекты, связанные со статусом иноземцев как участников торговых операций. Между тем, контракты с иностранцами нередко содержат статьи, отсылающие к такого рода сюжетам и указывающие на особую правосубъектность зарубежных специалистов в сфере мелкой торговли и оказания услуг частным лицам.

Наемные специалисты присягали на верность службы российскому государю, но оставались иностранными подданными и имели право вернуться на родину. Не интегрируясь в социальную категорию купечества, не записываясь в ремесленные цехи, иноземцы-контрактеры все же могли получить исключительное право заниматься торговлей наряду с выполнением государственного заказа. То же касалось возможности предоставления услуг (в том числе консультационных) частным лицам. Например, один из пунктов договора с Доменико Трезини гласил, что архитектору позволено «иным особным персонам полаты строить, и им советом и насмотрением помогать». Монетному мастеру Ф. Х. Бекеру разрешалось торговать «поволно всякими каменьями и иною работою в золоте и серебре», как ему дозволено было в Вене. Парижскому ювелиру и галантерейщику И. Ломбарду давалось право «работать на всяких людей и вести торг во всей империи его величества».

Думается, что право «работать на себя» и продавать собственные изделия и услуги даровалось иноземцам по аналогии с западноевропейской практикой. По-видимому, это делалось в ответ на требования самих контрактеров. Однако открытым остается вопрос, насколько в действительности условия соответствовали представлениям иностранцев, и в какой мере специалистам удавалось пользоваться обозначенными правами. Показателен пример бергмейстера Иоганна Готфрида Гейденрейха. Накануне увольнения со службы в начале 1730-х годов иностранец обратился в Берг-коллегию с рядом претензий о невыполнении российской стороной заключенного с ним договора. Среди прочего иноземец указывал, что за все время службы (с 1722 г.) он ни разу не получил положенных по контракту «акциденций». Гейденрейх подчеркивал, что в Германии «бергмейстерские акциденции» намного выше жалования. Берг-коллегия же отвечала, что источником подобных доходов могло быть выполнение иноземцем какой-либо работы помимо основной службы или же консультирование на частных заводах. Почему же иностранец, оговорив вышеописанное условие в контракте, не воспользовался предоставленным ему правом? Причина в отсутствии реальной возможности или в разности понимания данной статьи двумя сторонами договора?

В докладе торговая правосубъектность наемных специалистов будет рассмотрена в сравнении с соответствующим статусом иностранных колонистов. Переселенцы чаще и активнее действовали в качестве субъектов изучаемых правоотношений. Особенно тщательно вопросы продажи товаров регламентировались в контрактах с колонистами-фабрикантами. Общее положение данной категории иммигрантов перекликалось с нормами, действовавшими в отношении иностранных специалистов и мастеров, работавших по договорам на определенный срок. В то же время фабриканты-колонисты отчасти сближались по статусу с российскими подданными. Сравнительный анализ на основе актового материала (контрактов с иностранцами) поможет приблизиться к ответам на вопросы о коммерческих правах и обязанностях «не торговых» иноземцев в России XVIII в.

А. Н. Ермолаев

Трансформация Российско-Американской компании в конце XVIII в. — 1860-е гг.

Российско-Американская компания (РАК) — одно из самых известных акционерных обществ Российской империи. Многие исследователи считают ее пионером среди всех подобных учреждений нашей страны. Действительно, именно в этой компании впервые четко оформился принцип ограниченной отнесенности капитала, который является базовым для акционерных организаций. Именно РАК стояла у истоков свободного обращения акций (купли, продажи, обмена, залога, передаче по наследству и т. д.) и формирования рынка ценных бумаг. Именно в этой компании оформился принцип участия акционеров в управлении капиталами и всей организации.

За время своего существования РАК прошла длительный путь трансформации. В конце XVIII в., когда она была создана, компания представляла собой исключительно коммерческую организацию, нацеленную на получение прибыли. Во главе РАК стояла купеческая семья Шелиховых. Длительное время владельцами большей части капитала РАК и директорами этой организации были представители семейства Шелиховых и приближенные к ним лица.

В течение своего существования РАК обрела государственные функции и превратилась в проводника правительственного курса в северной части Тихого океана, в Русской Америке и на Дальнем Востоке. Трансформация компании проходила по нескольким направлениям. На протяжении десятилетий изменился состав акционеров. Постепенно значительная часть акций перешла в руки дворян и высших чиновников Российской империи. Даже императорская фамилия приобрела небольшой пакет акций РАК. Одновременно произошла смена руководящего состава компании. К середине XIX в. в числе директоров РАК преобладали представители высшей бюрократии — адмиралы военно-

морского флота (Ф. П. Врангель, В. С. Завойко, М. Д. Тебенков, А. К. Этолин) и генералы российской армии (В. Ф. Клюпфель, В. Г. Политковский). В системе управления РАК также произошли изменения. В 1813 г. был образован Особый совет РАК, который имел право решать дела, «требующие тайны по политическим мотивам». Кроме того, существенно усилился контроль за деятельностью РАК со стороны государства. В 1821 г. правительство продлило привилегии РАК еще на 20 лет, а также приняло участие в переработке устава этой организации. В 1840-е годы, когда срок действия привилегий закончился, уже не сама РАК, а правительство разработало новый устав, зафиксировав в нем фактическое слияние РАК с системой государственного управления. Так, например, по уставу 1844 г. все директора РАК считались находящимися на государственной службе с присвоением им соответствующих классов чинов.

Важнейшей проблемой является вопрос о том, кто же является главным инициатором и проводником процесса трансформации РАК. На первый взгляд кажется, что это правительство России проводило политику усиления государственного контроля и добилось инкорпорации РАК в систему государственного управления. Но на самом деле этот процесс был взаимовыгодным и обоюдно направленным. Первые директора РАК, представлявшие купеческое сословие (особенно М. М. Булдаков), всячески старались получить покровительство государства, подчеркивая особый статус компании и ее государственные функции. В результате этой политики РАК приобрела черты государственной структуры с коммерческой основой. Однако процесс «огосударствления» компании так и не завершился. А в 1860-х годах этот процесс наоборот пошел вспять. Компания вновь стала приобретать черты чисто коммерческой организации, но продажа Аляски США прекратила существование самой РАК.

В. В. Ефимова

Лука Редуев: судьба купца после банкротства

Олонецкий купец 3-й гильдии Лука Михайлович Редуев в 1820-х годах являлся достаточно крупным лесопромышленником. Однако в 1828 г. его имущество наряду с имуществом еще 12 купцов в ходе ревизии, проведенной сенатором Д. О. Барановым, было подвергнуто аресту за излишние и самовольные порубки леса из казенных дач Олонецкой губернии. Указами Сената в марте 1834 г. и 1842 г. на Редуева было наложено взыскание в пользу казны в общей сумме 43 495 руб.

Однако ввиду несостоятельности у 44-летнего Редуева, имевшего на тот момент 7 несовершеннолетних детей, в 1834 г. были описаны деревянный двухэтажный дом и флигель со службами в Олонце, которые были отданы в опеку. Как видно из последующих отчетов Олонецкого сиротского суда, поступавших в Олонецкую палату гражданских и уголовных дел до 1844 г., главной его задачей было следить за сохранностью имущества Редуева и своевременно перечислять доходы от него в счет казенной недоимки. Неоднократно проходившие торги в Петрозаводске и Петербурге с целью продажи этого имущества заканчивались неудачно. В 1841 г. Редуев понизил свой статус, перейдя в олонецкие мещане, но проживал по-прежнему в Петербурге.

Казна в поисках другой собственности Редуева для обеспечения казенной недоимки начала в 1835 г. с ним многолетнюю тяжбу, которая, как можно проследить по местным архивным документам, клонила не в ее пользу. По состоянию на 1846 г. Редуеву удалось отстоять деревянный двухэтажный дом, земли и сенные покосы в д. Рыпушкалицах Олонецкого уезда. В 1847 г. на нем все еще числилась казенная недоимка в размере 4866 руб. серебром, но так как все его имущество было оценено в 1074 руб. серебром, в 1848 г. в Санкт-Петербургском коммерческом суде было возбуждено дело о его несостоятельности.

Пока там производилось дело, в 1849 г. Редуев умер. Однако отчеты в палату из сиротского суда о его имуществе, доходы от которого по-прежнему шли на покрытие казенного взыскания, продолжали поступать вплоть до апреля 1856 г.

Можно сказать, что детям Луки Редуева «повезло»: согласно п. VII Манифеста от 27 марта 1856 г. слагались «все денежные взыскания за порубки лесов, похищения и другие нарушения уставов о лесах или сплаве лесов». На основании этого началась переписка о списании с Редуева казенной недоимки, которая на тот момент составляла 3519 руб. В июле 1856 г. опекун имения мещанин Лергоев сдал его старшему сыну Редуева Василию. Но лишь журнальным решением палаты от 22 сентября 1861 г. дело об опеке над имуществом Луки Редуева было признано оконченным и сдано в архив.

Таким образом, возбужденное сенатором Барановым дело о лесных порубках в Олонецкой губернии обернулось для купца 3-й гильдии Луки Редуева разорением и переходом из купеческого сословия в мещанство. Казна к 1856 г. сумела взыскать с него большую часть начисленного взыскания. Его имущество находилось под арестом 28 лет, под опекой 22 года. В итоге его недвижимое имущество перешло к сыну.

Т. В. Жиброва

**Некоторые страницы из истории
питейного управления на юге России
(по материалам палатовского кружечного двора)**

История питейного управления на местах — это не только взгляд на процессы формирования внутреннего рынка, но и на историю быта и повседневности изучаемого хронологического периода. В Государственном архиве Воронежской области в фонде Палатовской приказной избы отложился небольшой пласт материалов, связанный с обустройством и комплектованием кружечного двора, проведением процедуры выбора таможенного и кабацкого головы и целовальников, ведения отчетности и др.

Городок-крепость Палатов (Полатов) был основан в 1671 г. (ныне село Палатово Красногвардейского района Белгородской области) «за прежнем новосыпанным валом под Полатовым лесом на речке Сенной Острогожского полка» казаками полковника Герасима Карабута в период строительства Изюмской черты и должен был выполнять оборонительную функцию. Как и другие города «на Поле», он был населен в основном служилыми людьми, во главе местной администрации находился воевода, осуществлявший контроль не только за военной, но и экономической жизнью крепости.

Большая часть рассмотренных документов относится к концу XVII столетия и не очень хорошо сохранилась. В нашем распоряжении находятся сказки палатовских служилых людей о выборе целовальников и голов, память попам соборной Преображенской церкви о проведении процедуры крестного целования, отрывки из памятей палатовскому воеводе о передаче денег на кружечный двор и другие материалы.

Отметим, что, как и было принято на юге России, верный голова палатовской таможенной избы одновременно выполнял обязанности головы кружечного двора. В административном

аппарате таможенного и кабацкого управления обязательным было наличие выборных целовальников и грамотного подьячего, на плечи которого ложилось ответственное дело ведения отчетной документации.

Обычной практикой для того времени было то, что таможенные и кабацкие служители исполняли свои обязанности как государственную повинность и не получали за свой тяжелый труд жалования.

Именно поэтому обращает на себя внимание тот факт, что голова палатовского кружечного двора Василий Калинин по распоряжению того же воеводы согласно изученным документам все-таки получил землю в пользование, то есть оказывался материально заинтересован в том, чтобы ревностно исполнять свои новые обязанности.

Откуп в конце XVII столетия по-прежнему был одной из форм организации таможенного и питейного управления, но в Палатове первоначально не практиковался. Мы не видим документов о том, что право собирать с палатовских «уездных и грацких людей» таможенные и кабацкие доходы кто-то бы пожелал взять на себя.

Так как кружечный двор строился здесь впервые, многие вопросы необходимо было решать незамедлительно. Мы видим в материалах архива расписки и отписки о приеме денег на кружечном дворе для «заводу» питейных припасов и обустройства, а также о ведении таможенных и кабацких сборных книг, которые спустя какое-то время должны были отправляться в Москву для сверки.

Безусловно, изученные материалы не могут показать общую картину экономической и общественной жизни в регионе, однако в совокупности с другими документами южных уездов России они представляют собой интересный исторический источник по изучению истории торговли, таможни и купеческого дела.

Г. М. Запорожченко

**Кооперативная торговля в Сибири в начале XX в. :
правовые основы, механизмы организации,
значение для экономики**

Развитие кооперативных форм самоорганизации населения в Сибири в начале XX в. определялось общими для Российской империи социально-экономическими и политическими процессами, промышленной модернизацией, урбанизацией, прогрессированием культурной сферы. Деятельность потребительных обществ детерминировалась Нормальным уставом 1897 г., который отбирал главное — «автономность и независимость в средствах», однако давал возможность в целом придерживаться рочдельских принципов кооператоров мира (верный вес, верная мера, доброкачественность товара, среднерыночные цены, продажа за наличные, правильное распределение прибыли).

В теории кооперативная организация была совершеннее частнокапиталистической фирмы. Потребительное общество имело определенный круг покупателей-пайщиков, потребности которых были более или менее известны и однородны. Уровень издержек в кооперативной торговле был ниже, чем в частной. Торговые расходы первичных кооперативов в системе Московского союза потребительных обществ, куда входили сибирские кооперативы, составили в 1912 г. 11,5 % с оборота, а в частнокапиталистической торговле колебались по отдельным видам товаров от 2,8 до 68 %.

Однако это не лишало риска предпринимательскую деятельность кооператива, зависящую от величины капитала и умения организовать дело. Конкретно-историческое исследование всех стадий процесса организации кооперативной торговли (сбора капиталов, аренды и строительства помещений, найма штата, определения ассортимента, произведения закупок товара, расчета наценок и розничных цен, системы учета и отчетности) позволяет характеризовать ее развитие.

Так, основными чертами сибирских городских кооперативов являлось: невысокие паевые взносы и размеры дивидендов, незначительность собственных капиталов, распределение прибыли не по числу паев, а преимущественно пропорционально активному участию в операциях кооператива, проведение политики низких цен, борьба с торговлей в кредит наряду с организацией кредита для групп малообеспеченных пайщиков. Данные о кооперативных ценах за 1914–1917 гг. показывают, что они были ниже базарных с разницей до 80 %. Открытие потребительских лавок сразу же вызывало понижение цен в частной торговле, но и после этого разница в ценах на товары массового спроса составляла от 2 до 20 коп. В целом, в сибирской городской кооперации цены были в большинстве случаев на уровне или ниже среднерыночных. Принцип низких цен дополнялся скидкой на цену товаров, продаваемых в кредит муниципальным учреждениям. В целях борьбы со спекулятивным подъемом цен кооперативы сознательно ограничивались умеренной прибылью, выступая регулятором цен на местном рынке.

В наибольшей степени экономическое и общественное значение кооперативной торговли проявилось в годы Первой мировой войны. В условиях продовольственного кризиса, дороговизны и бестоварья кооперативы торговали по умеренным ценам, сдерживая рост спекуляции в частной торговле, и лишь в случаях острой нехватки товаров ограничивали продажу посторонним. В Тобольске, Чите, Красноярске, Новониколаевске, Омске и других городах до трети и более населения снабжалось из кооперативных лавок. К 1917 г. в мелких городских поселениях и сельской местности кооперативы становились монопольными хозяевами местного рынка.

Новой чертой в деятельности кооперативов в годы войны являлось активное регулирующее вмешательство в хозяйственную жизнь города и губернии в сотрудничестве с муниципальным самоуправлением. Сотрудничество кооперативов и городов началось с середины 1915 г., когда стала ясна перспектива новой зимней военной кампании. Деятельность городских дум, в сферу компетенции которых входила борьба с дороговизной, была невозможна без использования торгового аппарата и опыта кооперации, которая в свою очередь нуждалась в доступе к финансо-

вым и товарным рынкам, транспортной системе. Например, общество потребителей «Кооператор» снабжало жителей Иркутска товарами из пяти торговых отделений, принимало участие в городской сахарной и мучной операции. В январе 1917 г. кооператив получил от городской управы для реализации муку и сахар на сумму 51 033 руб., что составило 59 % его товарных поступлений за месяц. В периоды «сахарных», «мучных» и т. п. кризисов эти продукты можно было приобрести только в кооперативных магазинах.

Торговая деятельность потребительской кооперации — движения частных некоммерческих организаций, рассчитанных не на извлечение прибыли, а на самообеспечение и взаимопомощь — к 1917 г. характеризовалась огромными товарооборотами (в России — 1 млрд руб., в Сибири — 20 млн руб. в год) и играла важную роль в поддержании жизненного уровня населения и стабильности в воюющей стране.

В. Н. Захаров

**Перемены во внешней и внутренней торговле России
в правление Петра I
(К 350-летию со дня рождения
первого российского императора)**

Преобразования Петра I глубоко затронули многие сферы жизни российского общества и государства начала XVIII в.: социальное и политическое устройство, армию и флот, церковь, культуру и быт. Что касается экономики, то серьезные изменения произошли в области промышленности, и это иногда называют «протоиндустриализацией» петровской эпохи.

В рамках научной программы нашей конференции интерес представляют изменения, которые произошли в сфере торговли, внутренней и внешней. Разумеется, многие перемены, произошедшие в сфере социальной, финансовой, налоговой, административной повлияли на положение купечества и всех, кто торговлей занимался. Но данное небольшое сообщение посвящено переменам, произошедшим прежде всего в сфере собственно торговли, то есть товарооборота, ситуации на внутреннем и внешнем рынках, направлений перемещения товаров, торговой инфраструктуры.

Существующие исследования в области внутренней торговли (а их весьма немного) свидетельствуют, что в этой сфере каких-либо существенных перемен не произошло. Иногда в литературе имеют место суждения, что в правление Петра I условия для торговой деятельности ухудшились в связи с усилением налогового и иного гнета, которому подверглось купечество. Произошло разорение многих купеческих фамилий, пресеклись династии, что с этой точки зрения свидетельствует об упадке торговли. Но имеющиеся данные говорят о том, что торговля в России продолжалась при Петре I в целом в том же объеме, что и до него. Например, товарооборот Макарьевской ярмарки, крупнейшей на внутреннем рынке страны, не сократился. Дос-

таточно интенсивно развивалась внешняя торговля, а без активного участия русских купцов это было бы немыслимо. Следовательно, разорение ряда купеческих фамилий не влияло существенно на падение товарооборота в стране. На место одних приходили другие. С другой стороны, товарооборот Макарьевской ярмарки за четверть века и не вырос. Это говорит о том, что время Петра I с его почти непрерывными войнами, усилением налоговых тягот, что действительно нельзя отрицать, не было особенно благоприятным для прогресса торговли.

Некоторые перемены в направлении товаропотоков на внутреннем рынке все же происходили в связи с преобразованиями Петра I в иных сферах. Так, строительство флота в Воронеже вызвало к жизни активизацию перемещения товаров в южном направлении, Основанный в 1703 г. и быстро развивавшийся Санкт-Петербург становился новым центром внутренней торговли, что меняло конфигурацию товаропотоков на северо-западе. Наконец, на перемещения товаров внутри страны существенно влияли перемены в области внешней торговли, о чем речь пойдет далее.

Наиболее существенной переменной в сфере внешней торговли стало перенесение главного внешнеторгового направления страны с Белого моря на Балтику. Нужно подчеркнуть, что это было обусловлено объективной ситуацией развития торговли России со странами Западной Европы к концу XVII в. Падение роли Архангельска было не только и не столько результатом волевых усилий Петра I, сколько закономерным следствием этого процесса.

При Петре I произошли перемены в составе главных внешнеторговых партнеров России на западноевропейском рынке. С начала XVIII в. основным партнером на этом направлении стала Англия. Начался необратимый упадок торговли с Нидерландами. Что касается германских городов и земель, усилилась доля Любека в ущерб Гамбурга. Было положено начало торговле в России французских купцов, в Петербурге появились корабли, прибывшие из Италии, Испании, Португалии.

Петр I поддержал деятельность армянских купцов по линии Иран – Каспий – Волга – Западная Европа, разрешение на которую дал еще царь Алексей Михайлович. Более того, Петр I уде-

лил торговым контактам на этом направлении еще большее внимание, что стало одним из важных мотивов Персидского (Каспийского) похода 1722–1723 гг.

По мере углубления и развития преобразований Петр I стремился к расширению торговли России и на восточном направлении. Примеры тому — попытки найти пути в Индию, договор с Китаем о торговле через Кяхту, заключенный в 1727 г., но подготовленный миссией Саввы Рагузинского, действовавшего согласно инструкциям Петра I.

В начале правления Петра I произошло проникновение некоторых западноевропейских купцов на внутренний русский рынок. Это были коммерсанты, которые сотрудничали с Петром I по поставкам в Россию из-за рубежа оружия, военного снаряжения, денежного металла. Это имело место в основном до начала второго десятилетия XVIII в. После Полтавской битвы надобность в этом отпала и Россия вернулась к политике ограничения доступа иностранных купцов на внутренний рынок.

В целом активизация внешней торговли, расширение всевозможных контактов со странами Западной Европы повлияло на совершенствование коммерческой инфраструктуры в России: укоренение различных форм кредита, создание первой биржи в Санкт-Петербурге, появление института маклеров.

В. П. Зиновьев

Национальный состав купечества и мещанства Северной Азии по переписи населения Российской империи 1897 г. *

В докладе проводится анализ национального состава и характера размещения по губерниям и областям и крупнейшим городам Северной Азии представителей купеческого и мещанского сословий по данным Первой переписи населения Российской империи, проведенной в 1897 г. Автор стремится доказать, что в данных статистических источников зашифрованы ответы на многие вопросы историков, меж тем они не любят считать и читать цифровой материал. Так, данные переписи 1897 г. о национальном составе сословий (делению населения по родному языку) до сих пор не получили должной оценки этнологов и исследователей социально-классового состава населения России. В обстоятельном труде Н. А. Ивановой и Л. П. Желтовой о сословно-классовой структуре России в конце XIX — начале XX в. с опорой на материалы переписи приведены сведения о сословном распределении населения Российской империи, но национальный состав практически не рассмотрен. Г. Х. Рабинович при характеристике этнического состава крупной буржуазии Сибири данные переписи не использовал, ссылаясь на литературу и торгово-промышленные календари.

Невнимание историков, видимо, объясняется тем, что таблица № XXIV «Распределение населения по родному языку, условиям и состояниям» приведена только в погубернских томах переписи и не сведена при обработке данных в имперские итоги. В настоящем докладе приводится анализ данных таблицы № XXIV по губерниям и областям Большой Сибири или Северной Азии: Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губер-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

ниям, Акмолинской, Семипалатинской, Забайкальской, Якутской, Амурской, Приморской областям и острову Сахалин.

Беглые подсчеты показывают, что купечество и мещанство занимали скромное место в общей численности населения Большой Сибири: купечество — 10,4 тыс. чел. или 0,15 %, мещане — 363,7 тыс. чел. или 5,3 % из 6823,9 тыс. чел. От общей численности соответствующих сословий империи в Сибири находились 3,7 % и 2,7 % при доле сибирского населения в империи 2,2 %, что свидетельствует о достаточно развитой торгово-промышленной деятельности на этой восточной окраине России.

Этнический состав торгового населения Сибири, представленного преимущественно купцами и мещанами, прослеживается по данным таблицы № XXIV в погубернских томах переписи. Во всех губерниях и областях среди купцов преобладали русские, составлявшие от 56 % в Акмолинской области до 91 % в Тобольской губернии, кроме Семипалатинской губернии, среди купцов которой преобладали татары — 521 (50,4 %) из 1033 чел., а русских было 452 чел. (43,7 %). Среди мещан в сибирских регионах преобладали русские — от двух третей в Семипалатинской и Акмолинской областях до 93 % в Тобольской губернии. Татары (бухарские и казанские) учтены во всех регионах Большой Сибири среди мещан и купцов, однако в целом по численности они далеко уступали евреям, которые во всех регионах, кроме Степного края, занимали второе место вслед за русскими среди купцов и мещан, а в уездах официальной оседлости (Баргузинском и Вехнеудинском Забайкальской области и Мариинском Томской губернии) среди купечества они преобладали. Этот феномен объясняется тем, что в Сибирь евреи попадали как ссыльные и кантонисты (Томск, Иркутск), сосредоточившись в городах и записываясь в мещане. Именно мещане по наблюдению Г. Х. Рабиновича были главным источником формирования крупной буржуазии Сибири. Евреи же, по данным переписи 1897 г., занимались в городах в основном ремеслом (ювелирным, швейным и др.) и торговлей. Настоящими центрами евреев Сибири стали не уезды оседлости, а крупнейшие города — Томск (139 чел. купеческого и 2500 мещанского населения) и Иркутск (262 чел. купеческого сословия и 1728 лиц мещанского сословия).

Представители коренных народов Сибири практически не вступали в торговые сословия. Исключение составляют 10 тунгусских купцов Иркутской губернии, 209 мещан якутов, казахские (киргизские) купцы и мещане Степного края — 9 лиц купеческого сословия и 116 мещанского в Семипалатинской области, 45 купеческого сословия и 573 мещанского в Акмолинской области. Некоторое число немцев и поляков отмечено во всех регионах Сибири, однако заметное их число зафиксировано переписью только в Тобольской губернии — 39 купеческого сословия и 1108 мещанского (поляки) и 5 купеческого и 214 мещанского сословия (немцы) и Приморской области — 19 купеческого и 154 мещанского сословия (немцы). В Амурской и Приморской областях перепись отметила проникновение в торгующие сословия китайцев, корейцев и японцев. В Амурской области зафиксированы 7 лиц купеческого сословия и 43 мещанского, в Приморской области — 7 купеческого и 10 мещанского сословия (при том, что на Дальнем Востоке России переписью учтено почти 70 тыс. выходцев из этих стран). Насколько своеобразной была этническая модель торгующих сословий Большой Сибири по сравнению с другими регионами России можно будет судить после исследования других регионов страны.

С. Г. Злотникова

**Морально-этические и нравственные основы
благотворительной деятельности купечества
Енисейской губернии**

Исследование вопроса благотворительной деятельности купцов Енисейской губернии занимает немаловажное место в изучении истории общественного развития Сибири. По мнению новосибирских ученых (Г. А. Бочанова, Л. М. Горюшкин, Г. А. Ноздрин) благотворительность представляет важнейшую сферу жизни развитого общества и значима не только в социальном, но и в нравственном плане. Научный анализ моральных ценностей и этических норм сибирских предпринимателей, составляющих основу их благотворительности, помогает раскрыть различные стороны внутреннего мира купечества провинциальной Сибири.

Купеческое сословие России представляло собой сложную систему социально-экономических, юридических, духовно-нравственных отношений как внутри сословной группы, так и во взаимодействии с органами государственной власти и гражданским обществом страны. Существенным фактором развития торгового сословия в Российской империи являлись законодательные акты государства: Манифест от 17 марта 1775 г. «О сборе с купцов, вместо подушных, по одному проценту с объявленного капитала и о разделении их на гильдии», «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г., «Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов» от 1 января 1863 г., которые позволяли объявлять капитал и осуществлять предпринимательскую деятельность независимо от пола, сословия и принадлежности к российскому гражданству.

По мнению О. Г. Климовой, социальный статус купечества в Сибири был значительно выше, чем в центральной России. При небольшой численности в регионе дворян и чиновников

сибирские предприниматели составляли финансовую и культурную элиту местного общества. Немаловажное значение среди сибирского купечества приобретали личностные качества, помогающие их обладателям получать солидную прибыль или доход от коммерческой деятельности. Особую значимость исключительные способности к предпринимательству представляли в достаточно жестких условиях осуществления торгового дела в провинциальной Сибири. Суровый климат, обширные территории, значительные расстояния между населенными пунктами, неудовлетворительное состояние дорожно-транспортной сети на сибирских окраинах, необходимость содержать на службе внушительное количество приказчиков — все вышеперечисленные обстоятельства одновременно создавали серьезные трудности для развития коммерции в регионе и способствовали формированию у провинциального сибирского купечества ценного «таланта» делового человека.

Однако наряду с коммерческой хваткой, предпринимательской «жилкой» и житейской смекалкой в купеческих династиях из поколения в поколение передавались семейные ценности и культурные традиции. Впервые разработку весьма сложного вопроса социально-психологических основ жизнедеятельности сибирского купечества начала М. М. Громыко. С первой половины 1980-х годов значительное внимание исследователей стало уделяться изучению общественного самосознания и социокультурного облика купцов. Среди современных ученых-историков проблематика социального и ментального развития купечества Сибири представлена в работах томского исследователя В. П. Бойко. Анализу русской купеческой семьи в Сибири и внутрисемейных отношений посвящена монография Е. А. Зуевой (Новосибирск).

Зачастую в семьях купцов Енисейской губернии — Кузнецовых, Щеголевых (Красноярск), Кытмановых, Баландиных (Енисейск), Гусевых, Заниных, Лыткиных, Кочневых, Барташовых (Минусинск) — старались «прилично воспитать» своих детей, прививая им определенный комплекс морально-этических и нравственных норм. В условиях патриархальной семьи и приоритета домашнего обучения, который сохранялся в провинциальной Сибири до второй половины XIX в., такие ка-

чества как трудолюбие, честность, трезвость, любовь к ближнему, почитание старших считались необходимыми для достойного преемника семейного дела. Весомое значение в процессе воспитания купеческих детей представляла религиозность. Благодаря влиянию христианских ценностей и вере в Бога формировался характер и вырабатывались нравственные качества будущих поколений сибирских купцов, для которых «долг христианина и христианская совесть» являлись ментальными установками в отправлении благотворительности.

Эволюция внутреннего мира сибирского купечества, включающего в себя такие категории как мировоззрение, духовные ценности и морально-этические нормы, осуществлялась в направлении просвещенного и «совершенного купца», основу жизнедеятельности которого составляло осознанное желание послужить обществу и государству. В свою очередь, поощрение государственной властью частных пожертвований на разнообразные нужды способствовало тому, что в конце XIX в. купеческая благотворительность в Сибири приобрела широкий размах и практически обязательный характер.

Б. И. Измайлов

**Из служилых татар в купеческое сословие:
формирование татарского купечества Казани в XVIII в.**

В XVIII в. произошли радикальные изменения в социальной структуре татарского общества, что особенно ярко прослеживается на примере татар Казани, которые прошли путь от служилого сословия до включения их в состав российского купечества.

После падения Казани в 1552 г. татарское население города было сосредоточено в Татарской слободе. Слободские татары находились под особым вниманием Российского государства. Указы 1677, 1686 и 1698 гг. позволяли им беспрепятственно торговать «всякими товарами» в разных регионах России. Кроме того, часть из них относилась к служилому сословию и была освобождена от уплаты податей, которые платили все остальные торговые люди.

Ряд законодательных актов Петра I в первой четверти XVIII в. изменил юридический статус служилых татар, фактически приравняв их к государственным крестьянам. С 1725 г. со служилых татар стал осуществляться сбор подушной подати, а с 1737 г. на них была распространена рекрутская повинность. В этих условиях служилое татарское сословие оказывалось перед выбором — попытаться войти в состав российского дворянства или остаться в тягловом сословии.

Указы второй половины XVII в. позволяли казанским слободским татарам заниматься торговлей. Однако увеличение доли татарского капитала в торговом обороте Казанской губернии закономерно привело к столкновению с интересами русского купечества. Казанские купцы при поддержке местных властей в 1724, 1742 и 1762 гг. оспаривали торговые права татар, справедливо отмечая, что находясь в положении государственных крестьян, они не имеют права заниматься торговым промыслом и владеть торговыми лавками наравне с купечеством. При этом во

всех конфликтах центральная власть вставала на сторону слободских татар, подтверждая их право на ведение торговли.

Включение казанских слободских татар в российское купечество началось с 1781 г., когда в результате реформ Екатерины II в Казани была учреждена Казанская татарская ратуша. В ведомство ратуши перешли жители Татарских слобод. Появление органа самоуправления позволило татарам Казани обращаться с представлениями к местным властям и отстаивать собственные права. Всего к 1790 г. в казанское купечество вышли 15 татарских семейств, состоявших из 54 душ.

Однако Казанская татарская ратуша до конца XVIII в. не имела самостоятельного права записи слободских татар в купечество без согласования с Казанским наместничеством. Впервые вопрос о записи татар Казани в купечество возник еще в 1791 г., когда часть богатых семейств перешла в ведомство Казанского городского магистрата. Одной из немаловажных причин подобного решения было желание этих семейств вступить в купеческое сословие, которое давало целый ряд привилегий, в частности, освобождение от исполнения обременительной рекрутской повинности. Оставшаяся часть татар находилась на прежних основаниях служилого сословия, выполнявшего все государственные повинности.

Начиная с 1797 г. Казанская татарская ратуша несколько раз ходатайствовала перед губернским правлением о разрешении ей записывать желающих татар в купечество. В результате после одобрения казанского губернатора эту возможность получили 32 семьи, вошедшие во 2-ю и 3-ю купеческие гильдии. Однако коренным образом вопрос так и не был решен, так как решение о записи фактически зависело от резолюции губернатора. В результате этой коллизии ратуша не могла приписывать слободских жителей к гильдейскому купечеству, хотя юридических запретов на это не было.

В очередной раз эта проблема возникла в 1799 г., когда Казанская казенная палата не приняла процентные деньги с капитала от четырех семейств. Свое решение палата мотивировала тем, что запись «крестьянам производима была не иначе как с ведома начальства их и утверждения Сената», и потребовала к объявлениям приложить распоряжение казанского губернатора.

Вопрос заключался в том, что губернские власти продолжали приравнивать служилых татар по статусу к государственным крестьянам.

Данное противостояние разрешилось благодаря проходившей в 1800 г. в Казанской губернии senatorской ревизии М. Г. Спиридова и И. В. Лопухина. Члены Казанской ратуши обратились к сенаторам с просьбой разрешить возникшую коллизию. Сенаторы подтвердили права Казанской ратуши записывать желающих в купеческое сословие без утверждения губернских властей.

С конца XVIII в. начинается юридическое оформление татарской предпринимательской элиты. К 1816 г. в ведомстве Казанской татарской ратуши находилось 8 купеческих семейств 1-й гильдии и 19 семейств 3-й гильдии. Общее количество купцов к 1830 г. составило 35 семейств, состоящих из 106 душ мужского пола.

В. А. Ильиных

Коммерческие хлебозаготовки в 1922/23 гг. в СССР: парадоксы конъюнктуры

Весной 1921 г. была упразднена продразверстка. Государство становилось собственником не всего произведенного зерна, а только его части, отчуждаемой в форме фиксированного натурального налога. Закупки хлеба у крестьян разрешались не только государству и кооперации, но и частникам. Однако в связи с недородом в Поволжье и общим падением производства емкость хлебного рынка в 1921 — первой половине 1922 г. была незначительной. Продналог охватывал большую часть валового сбора зерна, а оставшиеся у крестьян после его сдачи излишки были минимальны. Кроме того, на государственном и региональном уровнях существовало множество ограничений на свободные закупки хлеба.

И лишь весной 1922 г. большая часть ограничений на свободную торговлю была снята, а к осени началась первая широкомасштабная вненалоговая заготовительная кампания. В качестве формально равноправных оптовых покупателей на рынке выступили и крупные, и множество мелких государственных и кооперативных организаций, а также частные хлеботорговцы, которые в сложных условиях 1921/22 г. умудрились провести первоначальное накопление капитала. Ограничения на торговую деятельность частников отсутствовали. Государство активно готовилось к коммерческим закупкам хлеба, создав летом 1922 г. ряд крупных заготовительных организаций. Перед ними, а также перед подчиненной государству кооперацией, ставилась задача приобретения на рынке максимально возможных объемов хлеба и ограничение тем самым сферы деятельности частного капитала. Руководство страны также поставило задачу добиться снижения высоких хлебных цен.

Если в предыдущем недородном году оптовые и розничные цены на вольном рынке были высоки, то к осени 1922 г. сложи-

лась иная конъюнктура. Урожай в европейской части страны оказался неплохим. Прирост валового производства зерновых составил 31 %, уменьшилась доля хлеба, отчуждаемого по продналогу. Его собрали в предельно сжатые сроки. У крестьян при весьма солидных излишках была острая нужда в промтоварах. Нуждающиеся в деньгах губисполкомы, получив в свое распоряжение большое количество зерна и муки в виде остатков от твердого задания по продналогу и централизованных натуральных дотаций, стремились к их реализации.

Спрос не поспевал за резко увеличившимся предложением хлеба: городское население было разорено многолетней войной. Многие снабжались продовольствием централизованно, за счет продналога. Государственная вненалоговая и кооперативная заготовительная сеть только разворачивалась и не была готова принять предлагаемые объемы хлеба.

Рынок отреагировал на превышение предложения над спросом: средние закупочные цены на зерно снизились в 2,5 раза за период с сентября 1922 по июнь 1923 г. Начался рост цен на промтовары. Здесь предложение не поспевало за спросом. Взвинчивание цен пользующихся своей монопольным положением государственных трестов превзошло разумные пределы. Потребители (преимущественно крестьяне) перестали покупать промтовары. В стране сложилась парадоксальная ситуация: перепроизводство хлеба в условиях только начавшегося восстановления сельского хозяйства и кризис сбыта промтоваров при острой потребности в них.

В Сибири ситуация была еще более парадоксальной. Здесь зерна собрали значительно меньше, чем в 1921 г., много сельхозпродукции изъяли по продналогу. Тем не менее, оптовые цены на хлебопродукты оставались крайне низкими. Местные заготовительные организации не имели ни материальных, ни финансовых возможностей приобретения и этого количества хлеба. Внимание заготовителей из европейской части страны было приковано к богатым местным рынкам, тем более что они не могли охватить даже предлагаемого там зерна.

Государственные и кооперативные заготовительные организации, которым не хватало оборотных средств, проиграли в 1922/23 г. конкуренцию частным хлеботорговцам. По расчетам экспертов

удельный вес частного капитала в первичном приобретении крестьянского зерна составлял от 66 до 73 %. В то же время поставленная руководством страны задача добиться снижения хлебных цен была достигнута. Это создавало благоприятные условия для проведения денежной реформы, но оказывало сдерживающее влияние на темпы восстановления сельского хозяйства.

О. В. Ильиных

**Частнопредпринимательская реклама
в газете «Советская Сибирь» в условиях НЭПа
(1921–1925 гг.)**

Особое место среди реформ советского правительства занимает новая экономическая политика (НЭП). Одной из ее характерных черт стало допущение ряда рыночных механизмов экономического регулирования. В том числе на особых условиях был легализован частный капитал. С либерализацией экономики также связано появление коммерческой рекламы в средствах массовой информации. Реклама может отражать как особенности экономических процессов, так и повседневную жизнь людей в тот или иной период.

Цель работы — выявить особенности функционирования предпринимательства в условиях НЭПа на основе анализа коммерческих рекламных объявлений в газете «Советская Сибирь» в 1921–1925 гг.

Для достижения поставленной цели был проведен сплошной просмотр газеты за 1921–1925 гг. Всего было выявлено 11 367 объявлений. Рекламодатели, указанные в объявлениях, группировались по категориям. Помимо частных предпринимателей были выделены государственные и кооперативные предприятия и учреждения, физические лица, общественные организации. На основе категорий были составлены динамические ряды с помесечным и годовым интервалами. Анализ выявленных источников позволяет сформулировать ряд выводов, представляющих интерес для истории предпринимательства в условиях НЭПа.

В 1921 г. коммерческая реклама не публиковалась по причине фактического сохранения военно-коммунистических методов регулирования экономики. В 1922 г. доля объявлений от частных предпринимателей из числа всей рекламы составила 36 %. Их удельный вес уступал только рекламе от государст-

венных учреждений. В связи с развертыванием НЭПа к концу 1922 г. число объявлений, поданных в газету предпринимателями, значительно увеличилось. В ноябре ими было опубликовано 59 % всех объявлений.

В 1923 г. годовой показатель объявлений от частных предпринимателей сократился до 19 %. Это было связано с «кризисом сбыта» и наступлением на частный капитал. Пик кризисной ситуации пришелся на октябрь. В этом месяце доля объявлений от частных предпринимателей составила всего 9 %. В 1924 г. благодаря мероприятиям государства по выходу из кризиса удельный вес объявлений от частных предпринимателей увеличился до 32 %.

В 1925 г. советское руководство предприняло ряд мер по либерализации рынка. Это дало толчок не только развитию частного предпринимательства в целом, но и публикации частной коммерческой рекламы. Число объявлений от предпринимателей по сравнению с 1924 г. увеличилось в 4 раза. Их доля составила рекордные 47 % и превысила годовые показатели остальных категорий рекламодателей. Такой рост был связан также с количественным преимуществом частных предпринимателей на рынке.

Частное предпринимательство в «Советской Сибири» было представлено как крупными компаниями, так и индивидуальными предпринимателями.

Среди частных компаний были распространены торговые заведения, занимающиеся реализацией товаров на рынке (например, товарищество «Слава», предлагавшее читателям газеты обувь). Также это могли быть мастерские с разнообразным профилем: мебельные, ювелирные, фотомастерские. Активно развивался рынок общественного питания. На страницах газеты были представлены заведения для горожан с любым достатком: от буфета в летнем театре-саде «Альгамбра» до кавказской шашлычной с недорогими обедами.

С помощью газеты владельцы частных компаний не только рекламировали свои товары и услуги. Они размещали объявления о поиске наемных работников и компаньонов, а также помещений под конторы и склады.

Подавляющее число индивидуальных предпринимателей специализировалось на услугах. В 1922 и 1925 гг. большое количество объявлений давали частнопрактикующие врачи. Они публиковались в специальной рубрике «Врачебный указатель». В основном это были венерологи, зубные врачи и техники. Высокий удельный вес объявлений о предоставлении медицинских услуг свидетельствует о росте благосостояния горожан, которые могли позволить себе услуги частных врачей.

Большое распространение получили репетиторские услуги. В «Советской Сибири» студенты и выпускники высших учебных заведений рекламировали курсы «по программам средне-учебных заведений», иностранным языкам. Перевод государственных и кооперативных предприятий на хозрасчет, развитие предпринимательства обусловили повышенный спрос на специалистов по бухгалтерскому и конторскому учету. В связи с этим индивидуальные предприниматели организовывали курсы бухгалтерии, стенографии. Активно искали «вечерних занятий» машинистки.

В целом динамика и тематика рекламных объявлений отражают специфику развития предпринимательства в условиях НЭПа. Частные предприниматели были наиболее подвержены влиянию кризисных ситуаций и смены политического курса. Тематика рекламы соотносилась как с потребностями городских жителей, так и с особенностями НЭПа.

Л. В. Кальмина

Забайкальское купечество в геополитических проектах Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

В исследуемый период Сибирь стала объектом особого интереса Российской империи из-за реальной возможности ее экономического захвата сопредельными государствами. Поэтому крупные государственные проекты — строительство Транссибирской железнодорожной магистрали и аграрная колонизация — в первую очередь имели стратегическую направленность: укрепление восточных границ империи и обеспечение ее геополитических интересов. В реализации своих планов правительство рассчитывало на поддержку крупного предпринимательства, которое не могло не понимать: свободные ниши на восточных территориях империи в случае их экономического захвата предпринимателями конкурирующих государств будут для их бизнеса потеряны.

Хотя региональное деловое сообщество было достаточно инертным, в острые политические моменты оно проникалось российскими амбициями и принимало участие в государственных стратегических программах, подкрепляя их собственными идеями и финансами. Его участие в российских проектах усиления собственных позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе проявилось в торговле и транспортном строительстве.

Забайкальское купечество было втянуто в российско-китайское экономическое пространство с началом российского продвижения в регион. Торговая слобода Кяхта приобрела все-российскую значимость как единственный пункт легальной российско-китайской торговли. Основным продуктом ввоза в Россию был чай. Взамен она приобретала широкий рынок сбыта мануфактуры, ставшей во второй четверти XIX в. основным предметом российского экспорта в Китай.

Ощутимый удар кяхтинской торговле нанесло разрешение ввоза чая через западную границу России и проведение Транс-

сибирской магистрали, что было несравненно дешевле караванной доставки через Кяхту. Однако российская власть искусственно поддерживала кяхтинскую чайную торговлю разницей пошлин на чай, ввозимый морем, и доставленный через азиатскую сухопутную границу. В результате до конца XIX в. Кяхта оставалась главными «воротами» чайной торговли. Одной из причин этого шага было уважение к заслугам кяхтинского купечества как первопроходца, положившего начало русскому торговому влиянию в Китае. Чайный транзит, в течение десятилетий надежно связывавший Россию с Китаем, кяхтинские торговцы разработали на собственные деньги.

Стратегическое видение деловое сообщество показало при решении задачи создания надежных транспортных путей, призванных не только оживить трансграничную торговлю, но и обеспечить безопасность российских восточных границ. На первых порах надеждам забайкальских предпринимателей на стремительное развитие региона с проведением Транссибирской магистрали не суждено было сбыться. Рельсовый путь закрепил процесс развития регионального рынка не столько за счет местной промышленности, сколько в результате экономических связей с промышленностью европейской России: в Забайкалье хлынул поток товаров более дешевых, чем могла предложить местная промышленность. Проведение магистрали не было и гарантией безусловного первенства позиций России на Дальнем Востоке. Активная деятельность Китая и Японии по расширению на континенте дорожной сети не осталась незамеченной. России следовало поторопиться с «симметричным» ответом. Кроме маньчжурского направления Россию интересовала и Монголия, поскольку российско-китайское соперничество не исключало ширококомасштабных военных действий на ее территории. Для большинства забайкальских предпринимателей настоятельная необходимость строительства Кяхтинской железнодорожной ветки, которая одним концом протянулась бы до Урги, а другим соединилась с Транссибом, в начале XX в. стала очевидной. Во-первых, ветка способствовала бы завоеванию русским купечеством монгольского рынка, на котором обосновались американские, английские и германские товары, и одновременно стала бы средством выхода монгольских товаров на

Сибирскую магистраль. Во-вторых, она позволила бы нейтрализовать экономического соперника — Китай, чье удобное географическое положение относительно Монголии давало возможность быстрой доставки товара за сравнительно низкую провозную плату. Представители региональных деловых кругов проявили готовность финансировать и изыскания, и строительство ветки. Таким образом, деловые круги Забайкалья показали себя надежным партнером государства в деле обеспечения стратегического преимущества России на Дальнем Востоке.

Т. Н. Кандаурова

Военные города как центры развития торговли и городской инфраструктуры в первой половине XIX в.

В 1820–1850-е годы в связи с развитием военно-поселенной организации некоторые города российских регионов получили статус военных городов, не будучи в составе поселенных полковых округов. Среди них были Старая Русса (с 1824 г.), Елисаветград, Ольвиополь (с 1828 г.), Умань (с 1838 г.). Помимо этих городов военными городами значились, но без особого статуса, в период развития военных поселений Новогеоргиевск и Новомиргород в Херсонской губернии, военный посад Новая Прага и Чугуев в Слободско-Украинской губернии, которые являлись центрами военно-поселенных структур. Первые четыре военных города до получения особого статуса являлись центрами уездов. При получении статуса военных городов три из них, кроме Умани, лишились статуса и положения уездных центров. Но при этом города сохраняли положение центров развития торговли и промышленности своих регионов, здесь даже активизировалось развитие данных секторов экономики, менялся их социокультурный ландшафт.

Все статусные военные города и военные города поселенных округов являлись как центрами ярмарочной торговли, так и стационарной. В Старой Руссе проходило две больших ежегодных восьмидневных ярмарки — зимняя Крещенская с 6 по 13 января (с 1781 г.) и летняя Петровская с 29 июня по 7 июля (с 1838 г.). Крещенская называлась конской, на нее приводилось до 1000 лошадей преимущественно рабочих пород, она считалась крупнейшей в Новгородской губернии. Торговый оборот этой ярмарки составлял от 120 000 до 150 000 руб. Торговые обороты Петровской ярмарки составляли от 95 000 до 110 000 руб. Предметами торговли на ярмарках Старой Руссы были лен, овес, сено, рыба, скот, лес, красные и колониальные товары. Торговые обороты двух ярмарок достигали 250 000 руб.

серебром. Жители Старорусского удела округов пахотных солдат торговали овсом, льном и рыбой, бывшими, как и в Старой Руссе, основными товарами, покупали и перепродавали барки.

В 1831 г. был утвержден план перестройки в городе гостинного двора, построенного еще в 1760-х годах и пришедшего в 1830 г. в ветхость. До перестройки в гостинном дворе состояло лавок: по линии мучной — 22, шубной — 30, шелковой — 22, железной — 25, мясной — 25; в ликвидированном корпусе по линиям кожевенной — 13, щепной — 11; в южной части корпуса постоянных дворов, которая называлась рыбной линией, состояло 14 лавок; на западной стороне корпуса постоянных дворов по берегу реки Полисть, называвшейся живорыбной линией, было 2 лавки. Численность купечества трех гильдий в 1839 г. составляла 91 чел., в 1856 г. — 109 чел. За этот период выросло и количество торговых заведений: число булочных увеличилось с 1 до 4, трактиров и гостиниц с 4 до 5 (1855 г.); ренсковых погребов с 2 до 7; лесных дворов в это время было 2, питейных дворов — 2, одна кондитерская и множество различных лавок.

В Елисаветграде бывала одна из важнейших ярмарок Херсонской губернии, как и в Вознесенске — центре поселения Бугской уланской дивизии. Ярмарки эти особенно замечательны по огромному количеству пригоняемого туда рогатого скота. В посаде Новая Прага и Новоукраинке, как и еще в некоторых местах губернии, бывали «значительные торжки». На них помимо хлеба и разных сельских произведений продавалась в значительном количестве сушеная рыба и соль. Обороты капиталов на ярмарках были значительными: на четыре елисаветградские ярмарки (Средопостную на 4-й неделе Великого поста, Георгиевскую, Петро-Павловскую, Семеновскую) привозилось товаров на сумму до 1 394 000 руб.; в 1846 г. здесь была учреждена Спиридоновская ярмарка; на четыре новомиргородских ярмарки доставлялось товаров на 200 000 руб., в Вознесенск — на три большие ярмарки — на 750 000 руб. В Новогеоргиевске проводилось 8 ежегодных ярмарок, куда доставлялось товаров на сумму 52 138 руб., торговые обороты города достигали 135 000 руб. серебром. Главными предметами торговли являлись рогатый скот и лес.

Мелочная внутренняя торговля съестными припасами производилась в специально назначенные базарные дни. В Елисаветграде собирались значительные базары, особенно при больших сборах войск. Мелочная торговля производилась в регионе преимущественно русскими купцами, при этом торговля давала им значительные выгоды. В Елисаветграде, как и в Ольвиополе (19 чел. против 38 чел.), численность приписного купечества практически удвоилась с 1837 по 1856–1857 гг. с 87 чел. до 167 чел. Тенденция роста численности купечества наблюдалась во всех четырех статусных военных городах. В военном городе Умани была одна большая летняя ярмарка, но здесь каждые две недели собирались базары, где торговали хлебом, солью, рыбой, домашним и рогатым скотом; здесь торговлю активно вели еврейские купцы. Годовой торговый оборот достигал 52 000 руб. серебром. Уманские купцы перепродавали также пшеницы и хлеба в Одессу на сумму от 50 000 до 60 000 руб. серебром.

Развитие торговли в военных городах в 1830–1850-х годах отличалось положительной динамикой, что способствовало росту городских доходов и капиталов, которые позволяли активнее благоустраивать городские пространства, расширять социокультурную и хозяйственную инфраструктуру; развивались также новые торговые заведения (лавки, подташки, булочные, харчевни, трактиры и рестораны, постоялые дворы), шла реконструкция гостиных дворов и торговых рядов. В социальной структуре городов росла доля купечества.

А. С. Керейбаева

Семипалатинские купцы Плещеевы

Исследование истории рыночных отношений и предпринимательства напрямую связано с изучением деятельности торговых предпринимателей, промышленников и т. д. Купцы были не только двигателями внутренней и внешней торговли государства, но и носителями новых явлений в жизни общества. Во второй половине XIX — начале XX в. купечество стало проводником и стабилизатором устанавливающихся в Степном крае капиталистических отношений.

Одним из крупных купцов был семипалатинский купец Ф. П. Плещеев. Согласно исследованиям краеведа В. Н. Кашляка, Плещеев происходил из государственных крестьян, был приказчиком торгующего по свидетельству крестьянина Прохора Арефьева, а затем доверенным семипалатинского купца Михаила Арефьева. У основателя купеческого дома было два сына: Семен (старший) и Прокопий.

Интересной фигурой является Прокопий Плещеев. Он вырос до купца 1-й гильдии и ему было пожаловано звание коммерции советника. Для поощрения предпринимательской и общественной деятельности купечества в Российской империи существовала целая система отличий, получение которых могло существенно повысить социальный статус.

Прокопий Плещеев начал свою коммерческую деятельность со строительства спичечной фабрики. Архивные документы гласят, что выделанные на этой фабрике спички не горели. Хотя на некой иностранной выставке производство было удостоено золотой медали, спички не пошли и фабрику пришлось закрыть.

Вместе с Алексеем Москвиным Прокопий Плещеев являлся совладельцем крупнейшего в Семипалатинске торгового дома «Плещеев и К^о». Как и отец, Прокопий занимался винно-водочной торговлей, золотопромышленностью, владел паровой мельницей и пивоваренным заводом.

Прокопий Плещеев характеризовался как человек малограмотный, «с цензом приходского училища». Отмечалась его склонность к пьянству и мотовству. Данная характеристика не умаляет его заслуг перед городом. Будучи в Петербурге он пытался пробить решение о проведении железной дороги через Семипалатинск. Несмотря на свою малограмотность, Плещеев в 1906 г. был избран городским головой и прослужил на этом посту вплоть до Февральской революции 1917 г.

Активное участие предпринимателей в общественной жизни города было продиктовано личным интересом и экономическими потребностями. Они больше всех были заинтересованы в улучшении жизненных условий города, развитии местной торговли и промыслов. В списке гласных и кандидатов в гласные городской думы Семипалатинска за 1892–1902 гг. значится 14 семипалатинских и 2 лепсинских купца, 1 потомственный почетный гражданин (Семен Федорович Плещеев) и 2 семипалатинских купеческих сына. Из них 1 являлся купцом 1-й гильдии, 11 — 2-й гильдии. В составе кандидатов в гласные имелось 7 купцов и 1 потомственный почетный гражданин (Прокопий Федорович Плещеев).

Купчихи, жены и дочери купцов, состояли членами комитета Семипалатинского общества попечения бедных. В 1901 г. в состав комитета входили М. С. Плещеева, Е. С. Плещеева, В. М. Березницкая, А. С. Арефьева, М. М. Москвина, М. Ф. Дьякова и др.

Таково наследие купцов Плещеевых, которые сыграли значительную роль в развитии города Семипалатинска. Данный материал позволяет сделать вывод об особой роли купечества в общественной, экономической и культурной жизни Степного края.

А. П. Килин

Частнопредпринимательский уклад в торговле 1920-х годов

Междисциплинарный подход воспринимается нами как возврат к целостному изучению объекта исследования, характерному для достаточно удаленного от нас периода зарождения научного знания. Границы предметной сферы истории, казавшиеся непреодолимыми барьерами в недалеком прошлом, на новом уровне познания превращаются в контактные зоны, а использование методов смежных наук повсеместной практикой ученого. Этим обусловлено использование нами укладного подхода при изучении частной торговли 1920-х годов. Отметим, что проблема многоукладности приобретает особую актуальность в переломные периоды отечественной истории, в годы поиска альтернатив и радикальной трансформации отечественной модели хозяйствования (1920–1930-е и 1990-е годы).

Понятие «уклад» претерпело определенную эволюцию (этнография — история — экономика). Оно имеет множество вариантов, которыми оперируют различные исследователи. Нет консенсуса и в отношении как набора укладов, характерных для той или иной эпохи, так и их обозначения, поскольку процессы интеграции, ассимиляции и гибридизации укладов носят специфический характер. Несмотря на это, теория укладов позволяет анализировать частнопредпринимательский уклад в торговле как сложную, открытую и динамичную систему, как значимую подсистему многоукладной модели экономики.

Использование укладного подхода предполагает: 1) анализ правового режима частной собственности в условиях «диктатуры пролетариата»; 2) изучение предпринимательства как специфического вида социально-трудовой деятельности; 3) выявление отраслевой специфики торгово-посреднической деятельности; 4) актуализирует региональную проблематику, поскольку социально-экономическая асимметрия российских регионов требует учитывать особенности хозяйствования, жизнеобеспечения и

жизнеустройства определенной части населения на конкретной территории.

Частнопредпринимательский уклад в 1920-е годы материализовался в своей наиболее полной и законченной форме в виде замкнутого круга частного сектора хозяйства. Полагаем, что вопреки мнению Ю. Ларина, доминирующую роль в этой системе играл не кредитор, а торговый посредник. Формирование этой хозяйственной системы было предопределено как внутренней логикой развития частного сектора хозяйства, так и внешним давлением со стороны государства. Полагаем, что замкнутый круг демонстрировал жизнеспособность и эффективность частнопредпринимательского уклада в условиях 1920-х годов. Эта система позволяла вовлекать в оборот ресурсы, обеспечивать занятость населения, удовлетворять спрос потребителей, помогала решать экономические и социальные проблемы на локальном уровне. Существование замкнутого круга могло быть достаточно длительным, но не предполагало бурного роста и интенсивного развития, поскольку являлось следствием автаркии и архаизации экономических отношений (противорынком — Ф. Бродель).

Преимущества «круга» представлялись его противникам как угрозы в нескольких направлениях: 1) социальное — чрезмерные наценки, которые могли отразиться на благосостоянии граждан; 2) фискальное — уход от налогов; 3) административное — стремление дистанцироваться от прямого государственного регулирования; 4) ресурсное — сокращение сырьевой базы госсектора за счет создания конкуренции на рынке; 5) идеологическое — оценка замкнутого круга как пятой колонны, на которую эмигранты и контрреволюционеры хотели опереться с целью реставрации капитализма в советской России.

Последнее положение было наиболее выигрышным, так как переводило вопрос о существовании частнопредпринимательского уклада из экономической плоскости в политическую, приписывало частнику стремление свергнуть существующий строй и в полном объеме реставрировать прежние порядки, что квалифицировалось как государственное преступление. Таким образом, легальный (частник платил налоги) и отчасти поощряемый государством вид деятельности (необходимость восстановления

хозяйственных связей в восстановительный период) криминализировался, а его представители подвергались дискриминации, самой распространенной формой которой являлось лишение избирательных прав за занятие торговлей.

Если признание многоукладности экономики переходного периода является общепризнанным фактом, то процессы гибридизации и унификации хозяйственных укладов, а также сохранение многоукладности на протяжении всего социалистического эксперимента, вызывают дискуссии. Полагаем, что переход от многоукладности к «моноукладности» (при всей условности этого термина) в раннесоветском обществе не был и не мог быть завершен.

Насильственная ликвидация частнопредпринимательского уклада, а также унификация и огосударствление кооперативного уклада, имели негативные последствия. Они приводили к несоответствию реальных хозяйственных практик и искусственных форм организации производства и сбыта, последние же тяготели к централизованному распределению и бюрократизму (Дж. Хесслер). Государство одновременно уничтожало и создавало условия для существования неформального хозяйственного уклада. На этом противоречии основывалась роль государства в формировании и функционировании теневого сектора экономики, который был легализован в ходе рыночных реформ 1980–1990-х годов и послужил базой для «возрождения предпринимательских традиций» современной России.

А. К. Кириллов

**Участие русских купцов начала XX в.
в работе фискальных органов:
между общественной службой и личной корыстью**

В результате долгой податной реформы капиталистической эпохи Россия под конец правления Романовых завершила переход к новой налоговой системе. Она опиралась на участие плательщиков в определении размера платежей. Кажется парадоксальным, но определение размера платежей, которые поступят в госбюджет, было вверено тем самым людям, которые были заинтересованы всемерно снизить платежи. Такова была временная — но долгосрочная, и не только в России имевшая место — уступка обстоятельствам со стороны государства. Собирать налоги по-старому было уже невозможно, а новый, полностью государственный, аппарат еще не был создан.

Один из важнейших налогов капиталистической России — промышленный налог для предпринимателей. В составе раскладочных присутствий, занятых раскладкой дополнительного промышленного налога, большинство мест бронировалось за торговцами. Этот факт, легко выясняемый хотя бы из Полного собрания законов Российской империи, побуждает задаться вопросом: как на деле купцы воплощали эту свою обязанность? Пытались ли они порадовать своим узко корыстным интересам, и если да, то каким образом — снизить налог себе или повысить конкуренту?

Для изучения чрезвычайно широкой темы, частично описываемой приведенными выше вопросами, есть только один путь — обращение к низовым источникам, отражающим рутинную работу отдельно взятых раскладочных присутствий. Львиная доля таких документов уничтожена податными инспекторами по минованию надобности, либо бурными событиями российского XX века. Среди сохранившихся немало документов слишком кратких, чтобы можно было разделить в общем итоге работы

присутствия вклад инспектора и вклад торговых представителей. Но встречаются раритетные коллекции, позволяющие оценить роль выборных представителей в работе присутствий. Одна из них появилась по ходу работы 2-го Томского раскладочного присутствия в 1907 г. К ведению этого присутствия относился «Сибирский Чикаго» — стремительно растущий торговый центр Новониколаевск (нынешний Новосибирск).

Изучение «журналов рассмотрения возражений» на раскладку налога 2-м томский присутствием показало, что купцы действительно играли существенную роль в работе присутствия и в некоторых случаях могли добиться принятия решения вопреки мнению председательствующего в собрании чиновника (податного инспектора). Основное содержание работы присутствий составляла не борьба между чиновником и выборными, а их взаимодействие в целях возможно более полного выяснения материального положения того или иного плательщика. Главной задачей было собрать возможно больше сведений, будь то доказательства широкого размаха и высокой доходности операций или, напротив, доказательства убытков и плачевного положения плательщика.

Активную роль в этом процессе играли не только выбранные местным обществом члены присутствия, но и «сведущие лица» — местные торговцы без права участия в голосовании. Они охотно сообщали инспектору сведения, позволяющие избежать занижения доходов своих конкурентов.

В целом можно сказать, что реформаторам пореформенной России удалось создать модель учреждений, в которых борьба за личный интерес сочеталась — как правило, непротиворечиво — с выполнением задач, важных для государства.

Т. А. Кискидосова

**Хлебная торговля в городах Енисейской губернии
во второй половине XIX в.
(по материалам сибирских газет)**

В настоящее время периодическую печать дореволюционного периода можно по праву отнести к одному из популярных исторических источников. Редакторы региональной периодики, ориентируясь на интересы и настроения читательской аудитории, стремились опубликовать материалы по самым актуальным и злободневным вопросам. Информацию о развитии хлебной торговли в городах Енисейской губернии можно найти в таких сибирских газетах как «Восточное обозрение», «Енисейские губернские ведомости», «Иркутские губернские ведомости», «Сибирская газета», «Сибирь», «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» и др.

Журналисты региональных газет, учитывая обсуждаемые в обществе «темы на злобу дня», часто публиковали материалы о нечестности и жажде наживы многих предпринимателей, занимавшихся скупкой и перепродажей сельскохозяйственных товаров. В конце 1850-х годов между двумя сибирскими газетами — «Иркутскими губернскими ведомостями» и «Енисейскими губернскими ведомостями» развернулась дискуссия по поводу разоблачений «взяточников, казнокрадов и кулаков». Апогеем дискуссии стал материал о злоупотреблениях енисейских торговцев хлебом, опубликованный как корреспонденция Енисейской губернии в «Иркутских губернских ведомостях». Автор, скрывший свое подлинное имя, видел причину повышения цен на хлеб в спекулятивных действиях енисейских купцов. Подобная статья, оскорблявшая представителей енисейского купечества, вызвала возмущение красноярской общественности, требовавшей от авторов «назвать свои имена и предоставить конкретные доказательства своих обвинений». В дискуссию включились не только постоянные публицисты, но и представители читатель-

ской аудитории. Вслед за скандальными публикациями анонимов вышла серия статей с основной целью опровергнуть «гнусную клевету».

В последующие годы сибирская пресса неоднократно затрагивала такие темы, как проблемы скупки и перепродажи хлеба, повышение цен на жизненно важные продукты, спекулятивные действия в хлебной торговле. Подобные темы были злободневными и вызывали читательской интерес. Наибольшее количество публикаций по злоупотреблениям со стороны скупщиков подготовила областническая газета «Восточное обозрение». Авторы обличительных статей приводили яркие примеры резкого повышения цен, обмана покупателей, спекулятивной торговли и т. д.

Журналисты отмечали, что хлеботорговля считалась наиболее выгодной после винной торговли в Енисейске, ставшим перевалочным пунктом отправки товаров на золотые прииски и на север, то есть в места с суровым климатом и резкими скачками хлебных цен. Именно хлебные торговые операции позволяли торговцам наживать хорошие барыши. Основными покупателями хлеба являлись золотопромышленники и подрядчики, совершавшие оптовые закупки для приисков. Большим спросом хлеб пользовался у туруханцев. Они покупали исключительно ржаную муку и овес. В навигационный период цены на овес заметно повышались и он стоил дороже муки. Кроме золотопромышленников и подрядчиков оптовые закупки хлеба производили барышники, «занимавшиеся спекуляцией на енисейском рынке после того, как наплывной хлеб с плотов и барок разойдется по рукам».

Цены на хлеб поднимались даже тогда, когда хлебные поставки увеличивались. Одной из причин повышения цен стала стачка хлеботорговцев, занимавшихся поставкой хлеба из Минусинска. Они не продавали хлеб мелкими партиями, а сдавали скупщикам, которые по собственной инициативе накладывали произвольные цены. Казалось, что в данной ситуации городские власти должны были прийти на помощь горожанам и противостоять взвинчиванию цен. В периодической печати неоднократно делался упор на то, что местная администрация должна противодействовать скупщикам, которые искусственно и намеренно

поднимали цены. В реальности городская управа не предпринимала никаких мер против действий спекулянтов.

В целом, скупка и перепродажа хлеба оставалась одной из популярных и злободневных тем региональных печатных изданий. Сибирские корреспонденты, удовлетворяя читательский интерес, публиковали материалы о злоупотреблениях со стороны прасолов, стремившихся достичь максимально высокой прибыли. Нестабильные цены на жизненно важные продукты питания вызывали тревогу со стороны городских жителей, являвшихся основными потребителями. Авторы, обличая и критикуя скупщиков, призывали местную администрацию принять меры в отношении спекулянтов и урегулировать цены на сельскохозяйственную продукцию.

С. А. Козлов

**Российское купечество конца XVIII в.: образы и стереотипы
(по материалам «Памятника претекших времен...»
А. Т. Болотова)**

Документальное наследие писателя, переводчика, агронома, тульского помещика А. Т. Болотова, насчитывающее в архивах Москвы и Санкт-Петербурга (по подсчетам А. Ю. Веселовой) 372 единицы хранения общим объемом несколько десятков тысяч листов, включает в себя многотомную рукопись — «Магазин достопамятных и любопытных известий и интересных бумаг, носившихся в народе». Болотов составил также «Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах» в 1796–1797 гг., которым дал общее название «Памятник претекших времен». Большая часть рукописи была опубликована в 1875 г.

В «Памятнике претекших времен...» Болотова нашли отражение настроения, существовавшие в обществе в конце XVIII в. по отношению к купечеству. Купцы представлялись, как правило, откупщиками, наделенными стереотипными чертами: скупостью и алчностью в торговле, недоверием к образованию, склонностью к социальной изоляции. Так, Болотов сообщал, что объявление в стране траура в связи с кончиной 6 (17) ноября 1796 г. императрицы Екатерины II «возбудило во всех петербургских купцах обыкновенную и свойственную им жадность к прибытку» и они за короткое время смогли «весьма туго набить свои карманы», подняв цену на черные сукна с 5 до 25 руб. Купцы взвинтили также цену на хлеб и продавали куль муки по 8 и по 9 руб. По убеждению Болотова, эффективными оказались лишь меры властей, которые положили предел «непомерной алчности корыстолюбивых купцов», повелев им «через полицию» «наистрожайшим образом» вернуться к прежним ценам на сукна и зерно.

Во второй части «Памятника претекших времен...» под названием «Любопытныя и достопамятныя деяния и анекдоты государя императора Павла I» Болотов подробно изложил встречу в начале 1797 г. купеческой депутации с Павлом I и привел слова императора, обращенные к «среднему сословию»: «Ежели хотите, чтоб я уверен был в любви вашей ко мне, то любите моих подданных и будьте к ним человеколюбивее, совестнее, честнее и снисходительнее и лишнее все оставьте, а удовольствуйтесь во всем умеренными себе прибытками».

Яркую зарисовку оставил Болотов о прославившимся «на поприще торговых спекуляций» купце В. А. Злобине. Будучи одним из богатейших людей, он «ходил в русском платье и в бороде, а жена его в превеликом кокошнике и телогрее, хотя все сие залито золотом и усыпано премножеством больших драгоценных камней и самих солитеров-бриллиантов, в сем одеянии своем она сущая шутиха».

Болотов стремился также показать, что в среде купечества нарождались «новые люди», которые ведут честный торг и стремятся принести пользу отечеству. Неслыханным и необыкновенным, делающим честь стране назвал Болотов поступок московского купца Васильева, который «будучи стар и приближаясь к концу жизни», решил не «взыскивать по векселям» у 43 должников на сумму 92 530 руб. В «Памятнике претекших времен...» (после даты 14 января 1796 г.) помещена записанная Болотовым легенда о происхождении богатства известного верхотурского купца и горнозаводчика М. М. Походяшина (1708–1781). Описывая «историю славнаго купца и фабриканта Походяшина», Болотов упоминает и о его сыне Григории, наследнике многомиллионного состояния, который стал сподвижником издателя и масона Н. И. Новикова и пожертвовал на его просветительские предприятия 300 000 руб.

Как видим, материалы представленные в «Памятнике претекших времен...» А. Т. Болотова, позволяют в полной мере раскрыть образ купечества, сформировавшийся в российском обществе в 1790-е годы.

Н. В. Козлова

Интересы казенного и частного торгового капитала в торговле России с Китаем в первой трети XVIII в.

Начиная с Петра I и на протяжении практически всего XVIII в. экономический курс политики правительств был ориентирован на внешнюю торговлю. Именно ей отводилась особая роль в обеспечении притока денег в казну, что расценивалось как главное условие благосостояния и процветания государства. Непосредственным участником внешней торговли была казна. В ее руках в течение первых двух десятилетий XVIII в. оставались не только экспортные товары, монополизированные еще в конце XVII в. (поташ, смольчуг, ремень и др.), но и отдельные направления внешней торговли. Одним из них была торговля с Китаем. Ее формы и организация, ассортимент товаров, цели и конкретные задачи были отличными не только от торговли с западными странами, но также и с другими областями Востока. По-разному значение и возможности, перспективы развития и преимущества тех или иных организационных форм торговли с Китаем рисовались Петру I, чиновникам учреждений коммерции, иностранным дипломатам и российским купцам. Рассмотрение их позиций позволит увидеть самую главную сухопутную торговлю в России, каковой торговлю с Китаем считал секретарь прусского посольства в Петербурге И. Г. Фоккеродт, в реалиях социальной и экономической жизни страны петровского времени. Помимо проектов и записок, делопроизводственных документов центральных учреждений, в качестве источника используются ведомости и реплики, присылаемые в Коммерц-коллегию агентами казны, находившимися в Пекине.

Хотя китайские товары, привозимые на Русь так называемыми «бухарскими купцами», были известны давно, а с середины XVII в. эпизодически в Пекин отправлялись торговые караваны, все же настоящая «правильная» торговля с Китаем стала возможной только после заключения в 1689 г. первого межгосу-

дарственного договора между Россией и маньчжурской династией Цин, правящей Китаем. В нем наряду с вопросами границ и политических отношений был закреплён принцип равноправия торговли для обеих сторон и разрешён свободный с проезжими грамотами проезд и выезд людям обеих стран «для своих дел», в том числе право «покупать и продавать, что им надобно» (статья 5-я).

Нерчинский договор, определив равные условия торговли, не касался вопросов ее организации. С заключением договора в Пекин уже регулярно, обычно ежегодно, отправлялись караваны, но в 1698 г., когда в Китай был послан первый казенный караван, велено было снаряжать их раз в два года, «дабы русские товары в Китае не умножались и не одешевилась бы на них цена». Численность каравана могла достигать нескольких сот человек, среди которых были не только служилые люди, обеспечивавшие охрану каравана, но и жители разных городов. Направляясь в Китай «для торгового своего промыслу», они в ответ на челобитные получали проезжие грамоты и место при караване. В 1706 г. пушной товар, главный предмет экспорта России в Китай, был объявлен монополией казны, а купцам и служилым людям не только запретили ездить с товарами в Китай, но и торговать мягкой рухлядью в Сибири. Позднее запреты, наложенные на частную торговлю пушниной, были смягчены, но поездки торговых людей в Китай с любыми товарами по-прежнему находились под запретом.

Концентрируя в руках казны наиболее доходные сферы и виды торговли, правительство стремилось увеличить поступление денежных средств, необходимых для обеспечения нужд Северной войны. В это время в связи с введением казенных регаллий на ряд товаров внутреннего и внешнего рынка резко сокращаются возможности функционирования частного капитала. Одновременно Петр I указом 1711 г. повелел только что учрежденному Сенату рассмотреть вопрос о свободном торге людям всякого чина. Судя по всему, главная цель отказа царя от сословного принципа торговли состояла в решении главной задачи умножения пошлинных сборов. В том же указе Петр I обозначил «торг китайской», лаконично пояснив относительно его, «сделав компанию добрую, отдать». Как оказалось в дальнейшем, речь шла не о вольном компанейском торге, как могло быть

воспринято в свете заявления о свободной торговле, а о передаче на откуп компании купцов торговли с Китаем, остававшейся в монополии казны.

Однако верхушка российского купечества в лице крупнейших представителей торгово-предпринимательского мира Москвы А. О. Филатьева, М. Г. Евреинова, И. И. Исаева в ответ на предложение Сената уклонилась от этого предприятия, сославшись на недостаточность средств и доказывая преимущества свободной торговли с Китаем. В 1720-х годах купцы вновь поднимали вопрос об открытии вольного китайского торгового дела, обращая внимание правительства, что от казенной монополии на торговлю с Китаем сбор пошлин падает, а торговому люду происходит «великой упадок и разорение». Комиссия о коммерции в 1727 г. также признавала, что от казенных караванов «большой прибыли не видно». Однако и в дальнейшем правительство неоднократно (в 1731, 1734 гг.) запрещало российским подданным торговать «мягкой рухлядью» в Пекине и местах, подвластных Китаю. И только в 1762 г. казенная монополия на торговлю с Китаем была отменена.

Е. В. Комлева

**Эго-тексты из личного фонда кяхтинского купца
М. Ф. Немчинова в Государственном архиве
Республики Бурятия: состав и перспективы изучения ***

Семейные купеческие архивы — достаточно редкое явление не только для Сибири, но и для России в целом. До наших дней сохранилось лишь около десятка обширных собраний разноплановых документов, сформированных в купеческой среде. Одно из них принадлежит кяхтинскому купцу Михаилу Федоровичу Немчинову (1830–1888) и составляет его личный фонд в Государственном архиве Республики Бурятия (ГАРБ). Со многими из этих материалов плотно работал в 1990–2000-х годах Александр Александрович Жиров, к сожалению, рано ушедший из жизни и не реализовавший в полной мере свои творческие планы. Ему принадлежит целая серия публикаций о Немчиновых, написанных в том числе с привлечением источников из ГАРБ. Тем не менее, потенциал этой семейной коллекции полностью далеко не исчерпан и нуждается в дальнейшем изучении и введении в научный оборот.

Архив М. Ф. Немчинова включает разнообразные материалы, среди которых и делопроизводственная документация (счета, ведомости, контракты, фактуры, договоры, доверенности, докладные записки, справки, векселя, планы-чертежи), и эго-тексты. Последние составляют достаточно объемную часть всего собрания, насчитывая 23 (из 147) единицы хранения, и включают фрагмент биографии (предположительно автобиографии), деловую и личную переписку. Наиболее востребованный источ-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10135, <https://rscf.ru/project/22-78-10135/> «Возникновение и развитие автобиографической традиции в русской письменной культуре конца XVI — начала XX в. в контексте изучения изменений в сознании человека эпохи Нового времени».

ник, к которому неоднократно обращался не только А. А. Жиров, но и другие исследователи, — аккуратно переписанная набело биография основателя купеческой династии — яркое, полное красочных деталей и глубоких личных переживаний повествование. Хотя изложение событийной канвы ведется от третьего лица, но наполнено такими подробностями, знать о которых мог только сам главный герой. Однако биография резко обрывается на восьмом листе и где находится ее продолжение и сохранилось ли оно вообще, неизвестно.

В гораздо меньшей степени использованными оказались письма из архива М. Ф. Немчинова, что обусловлено и трудностью работы с подобного рода источниками, и угасающими чернилами многих из них. Личная и деловая корреспонденция Немчиновых охватывает период с 1862 по 1919 г. К последним относятся письма приказчиков М. Ф. Немчинова из Урги, Ханькоу, Тяньцзиня, Сяньнина. Эти послания содержат сведения о торговых операциях и повседневной жизни русских чаоторговцев в Монголии и Китае, позволяют уточнить биографии ряда членов семьи Немчиновых и их партнеров по бизнесу — известных купцов Базановых, Окуловых, Орловых, Подаруевых, Сабашниковых, Токмаковых. Есть и деловые письма женщин, например, письмо Пелагеи Осиповны Немчиновой от 20 февраля 1917 г., из которого можно заключить о ее умении вникнуть в суть дела, настоять на своем решении, жестко потребовать ответа от подчиненных лиц.

Все упомянутые рукописные источники из архива М. Ф. Немчинова — редкий пример сформировавшегося в купеческой среде объемного комплекса эго-документов, свидетельствующих о торгово-предпринимательской деятельности, быте, внутрисемейных отношениях, культурно-образовательном уровне и круге интересов купцов второй половины XIX — начала XX в., анализ которых позволит пролить дополнительный свет как на общие черты, присущие функционированию института российского купечества в позднеимперский период, так и на несомненно существовавшую региональную специфику жизнедеятельности этого слоя общества.

Н. А. Кореева

Торговля купечества Казанской губернии на пристанях Рыбинска в первой половине XIX в.

Казанская губерния представляла собой в рассматриваемый период аграрный регион, в котором производился так называемый «хлебный товар» — рожь, пшеница, ржаная мука, а также овес, горох, гречневые крупы, льняное семя, ржаной солод. С хлебной торговлей по Волге были связаны Козьмодемьянский, Цивильский, Чебоксарский, Спасский, Царевококшайский уезды. Географическое положение Чистопольского уезда, через который протекала река Кама, впадающая в Волгу, позволяло и чистопольским купцам реализовывать хлеб в «верховых городах» — Нижнем Новгороде, Костроме, Ярославле и Рыбинске. Архивные материалы позволяют утверждать, что для купцов из Казанской губернии Рыбинск был конечной точкой движения по Волге — далее хлеб переходил в руки вышневолоцких, кашинских, угличских, старицких, калязинских и прочих торговцев.

В навигацию 1844 г. на рыбинских пристанях торговало 417 иногородних купцов и 55 торгующих крестьян. Из губернского города Казани приехало 20 купцов, Чистополя — 6, Чебоксар — 6, Тетюшей — 5, Козьмодемьянска — 4, Ядрина — 2, а также по одному купцу из Лаишева и Мамадыша (всего 45 купцов из Казанской губернии, то есть 11 %), 4 торгующих крестьянина. В 1846 г., только с 22 мая по 1 июня, к рыбинским пристаням прибыло 45 судов из Чебоксар, 27 — из Казани и 1 — из Козьмодемьянска, с 1 по 8 июня — еще 45 чебоксарских, 37 казанских, 2 тетюшских и одно чистопольское судно.

В 1840-е годы торговали, в частности, известные казанские купцы А. Апанаев, П. Докучаев, чистопольские — К. Глушенков, Д. Поляков, Л. Мешкичев и другие. Самые крупные партии ржаной муки одновременно доставили в 1849 г. казанский купец Я. Коровин (21 000 кулей), чистопольский купец Л. Мешкичев (11 600), мамадышская купчиха П. Щербакова

(13 807). Кроме хлебного товара, в составе груза, принадлежавшего купечеству Казанской губернии, были поташ, шадрик (неочищенный поташ), сальные свечи, сало, мыло, рожи, стекло.

Купцы, не имея возможности самостоятельно производить продукцию сельского хозяйства, приобретали ее для продажи в помещичьих имениях, либо у небогатых торговцев и крестьян. Одним из таких скупщиков был чистопольский купец 3-й гильдии Г. Уразгильдеев, заключивший договор с помещиком А. С. Хованским о доставке к чистопольской пристани хлеба и овса из имения, находившегося в д. Киреметь Чистопольского уезда.

Необходимость транспортировки товара речным путем вынуждала некоторых торговцев приобретать собственные суда. Среди крупных судовладельцев Козьмодемьянска отметим купца С. Лаптева (ему принадлежало пять судов вместимостью 13 000, 14 400, 20 000, 30 060, 45 000 пудов) и М. Зубкова, владельца двух судов, вместимость каждого составляла 24 300 пудов). Чистопольский купец Д. Глушенков имел в Рыбинске свое судно — коноводную машину с подчалками, на которой перевозил товар без посредников.

Доставка груза до рыбинских пристаней стала для многих коммерсантов самостоятельным направлением предпринимательской деятельности. В 1820 г. в «Книге для записи мимоходящих судов по Казанской дистанции, груженых по низовым пристаням», встречаются такие записи: «Расшива симбирского мещанина Ф. Костыгова, кладь чистопольского купца Мешкичева. Грузилась в Соколках на Каме. [Следует] до Рыбинска, по подряду статского советника [А. А.] Абазе». Товар перевозили в это время на расшивах, шитиках, кладном судне, барке, коломенке.

Торговля была связана с деятельностью многочисленных посредников. Так, например, у козьмодемьянского купца С. Плишкина в 1841 г. на рыбинских пристанях не было собственного товара «ни в продаже, ни в покупке», он только доставлял на своих судах ржаную муку, принадлежавшую казанскому купцу Ососову, и по его поручению производил продажу.

Согласно постановлению Государственного совета от 11 ноября 1840 г. с иногородних торговцев, производивших на рыбин-

ских пристанях куплю и продажу товаров, взималась плата: с купцов 1-й гильдии по 42 руб., 2-й гильдии — по 28 руб., 3-й гильдии — по 21 руб. серебром. Сбор этой пошлины сопровождался значительными трудностями вследствие дефицита кадров чиновников для своевременного контроля за проходящими судами, и торговцы, уклоняясь от платежа, уезжали, не заплатив денег. Таких неплательщиков в 1841 г. было 532, в 1842 г. — 156, в 1843 г. — 122, в 1844 г. — 123 человека. На каждого должника открывалось особое делопроизводство, в специальную папку подшивали объяснения торговцев, переписку с властями (на купечество Казани Рыбинская городская дума жаловалась в городскую полицию, на купцов уездных городов — в городнические правления, на крестьян — в земские суды). Эти документы представляют собой весьма ценный исторический источник, который позволяет лучше понять механизмы торговой деятельности купечества, выявить инструменты и особенности их коммерческих коммуникаций в первой половине XIX в.

Отметим, что несмотря на обильную, на первый взгляд, общероссийскую и региональную историографию, остается актуальной проблема изучения роли купечества в развитии хлебной торговли и всероссийского рынка.

А. Ю. Корнилов

**Конкурентная борьба между купечеством и крестьянством
в сфере торговли во второй половине XVIII — начале XIX в.
по материалам центральных губерний**

Одной из главных забот русского купечества на протяжении всего XVIII в. являлась конкуренция в сфере торговли и производства со стороны крестьянства. Требование закрепить монопольное право на торгово-промышленную деятельность за городским сословием звучит и в публицистике, и в наказах купечества депутатам Уложенной комиссии. Торговое предпринимательство являлось базовым, определяющим сословным признаком, и желание его монополизировать является логичным для сословного общественного строя. Но подобное требование вступало в противоречие с выгодами других главных социальных групп (крестьянство и дворянство) и не способствовало экономическому развитию государства. Законодательная политика государства в сфере внутренней торговли была непоследовательной. Наряду с запретительными мерами часть указов позволяла крестьянскую торговлю, пусть и в весьма ограниченном виде. При этом законы регулярно нарушались. Что и было источником постоянных конфликтов между купечеством и другими сословными группами, в первую очередь крестьянством.

Купцы и мещане подавали прошения (чаще всего коллективные) для защиты своих прав в различные учреждения, в первую очередь в городские магистраты и думы, а также в более высокие инстанции. Все претензии можно свести к нескольким основным категориям:

— торговля крестьянами и разночинцами не своих «рукоделий или произрастаний», как то было предписано законодательством, а скупка и перепродажа товаров и продуктов, произведенных или выращенных в других городах и уездах;

— розничная торговля крестьян (в конце XVIII в. законами не был оговорен запрет крестьянам торговать в розницу, однако

купечество считало, что это «приличествует лишь городским обывателям»);

— нарушение крестьянами порядка торговли — торговля в неположенных местах, торговля оптом и в розницу в неположенное по закону время, то есть нарушение тех ограничений, которые существовали и для горожан;

— недопущение крестьянами и разночинцами горожан к торговле в сельской местности;

— крестьяне ведут торговлю в городе, но не несут никаких городских повинностей, тем самым имея преимущество перед горожанами.

В борьбе за свои привилегии горожане порой выходили за рамки правового поля. По свидетельству городничего Юрьева-Польского горожане разбивали и разбрасывали товар крестьян, приезжавших в город. Купцы Переславля-Залесского во главе с членами магистрата ломали лавки и шалаши крестьян дворцовой Рыбной слободы, а некоторые из жителей этой слободы были биты.

Аналогично действовали в ответ и сельские жители. В селе Поречье Ростовского уезда ростовские купцы силой не были допущены на торгу в лавки, которые они обычно нанимали, а высланы в отдаленные за рядами места. Также жители этого села не допустили представителей магистрата к поимке крестьян, торгующих неуказным товаром. На одной из сельских ярмарок палатки суздальских купцов и мещан были сломаны, а товар разбросан.

Острые конфликты с торгующим крестьянством были типичны скорее для жителей старых городов. В городах, возникших в связи с губернской реформой Екатерины II, ситуация была иной. Жители этих городов, сами бывшие крестьяне, более терпимо относились к конкуренции со стороны селян. В качестве компромисса городское общество Меленок и Киржача допускало крестьян к участию в городской торговле, но собирало с них за это деньги с выдачей годового билета. Но в конце XVIII в. подобная практика была уже противозаконна и пресекалась губернскими властями.

Если органы городского самоуправления безоговорочно поддерживали купечество и порою сами пресекали крестьян-

скую торговлю, арестовывая товар и задерживая самих крестьян, то представители коронной власти чаще всего вставали на сторону крестьян. Примечателен ответ суздальской полиции, отказавшей магистрату в запрете крестьянской торговли: «дабы чрез то не могло последовать народное неудовольствие, и здешней полиции в таком случае не понести от главного начальства безвинного ответа». Впрочем, представители власти в запрете крестьянской торговле видели и ущерб казне, и помеху торговле денежным обменам и, как следствие, разорение самих горожан.

В начале XIX в. крестьянство получает широкие права на торговлю, борьба купечества за свои привилегии сокращается. Фактически, судя по прошениям второй четверти XIX в., это уже не требование защиты прав, а просто жалоба. И в этот период полицейские власти были более активны в пресечении торговли крестьян без соответствующего свидетельства, так как в данных случаях речь шла о нарушении казенного интереса. А с другой стороны, в этот период начинается и более тесное профессиональное взаимодействие купцов и крестьян, взаимовыгодное и способствующее развитию экономики государства.

Таким образом, борьба купечества за монополию в торговле хоть и соответствовала духу сословной идеологии Российской империи, но экономически была не состоятельна и не смогла быть реализована.

Г. Г. Корноухова

**Торговля России с Ираном
через Персидский залив в начале XX в.**

В конце XIX — начале XX в. район Персидского залива стал занимать все более заметное место в системе международных отношений. Готовясь к схватке ведущих держав в данном бассейне, царское правительство приступило к расширению здесь российского присутствия, в том числе путем открытия новых рынков сбыта отечественных товаров, в частности, в Южной Персии. С этой целью по поручению Министерства финансов Российское общество пароходства и торговли (РОПиТ) направило 3 февраля 1901 г. пробный рейс из Одессы в порты Персидского залива, а с 29 апреля 1903 г. РОПиТ стал осуществлять сюда отправку судов на регулярной основе — по четыре рейса в год. На его кораблях свою продукцию направляли текстильные производители С. Т. Морозов, Н. И. Прохоров, Барановы, сахарные торговые фирмы Харитоненко и Бродской, керосиновые торговые дома «Нобель» и «Манташев», производитель фарфоровой и фаянсовой посуды М. С. Кузнецов.

Суда РОПиТ заходили в иранские порты Бендер-Аббас, Линге, Мохаммера и главную базу российской морской торговли в Южной Персии — Бушир. При этом российские дипломаты призывали не ограничиваться прибрежными территориями и направлять товары во внутренние районы страны, доказывая реальность достижения успеха. Так, консул в Кермане Александр Алексеевич Адамов приводил расчеты стоимости провозки товаров из различных пунктов отправления в России до Кермана, стремясь доказать финансовую выгодность использования морского маршрута из Одессы в Бендер-Аббас. Согласно его расчетам, если провоз текстильной продукции от Москвы до Кермана через Тавриз обходился в 5 руб. 71 коп., через Тегеран в 4 руб. 44 коп., через Мешхед в 4 руб. 21 коп., то через Бендер-Аббас всего в 1 руб. 83 коп. Провоз сахара по маршруту от Кие-

ва до Кермана через Бендер-Аббас, соответственно, обходился бы всего в 1 руб. 68 коп. вместо 4 руб. 96 коп., если бы его транспортировка велась по сухопутному маршруту через Тавриз; 3 руб. 89 коп. в случае транспортировки по Каспийскому морю до порта Энзели и далее через Тегеран; 3 руб. 24 коп. при отправке по Туркестанской железной дороге через Асхабад и Мешхед. Также значительно дешевле стоила бы и транспортировка через Бендер-Аббас посуды — всего 1 руб. 71 коп., в то время как при отправке из Баку через Тавриз стоимость составляла 4 руб. 94 коп., из Москвы через Энзели и Тегеран — 4 руб. 24 коп., из Москвы через Асхабад и Мешхед — 3 руб. 57 коп.

К сожалению, 1904 г. был последним спокойным годом в Персии — с 1905 по 1911 г. в ней развернулись революционные события. Напряженным период 1905–1907 гг. был и для Российской империи. Все это пагубно отразилось на состоянии российско-персидской торговли. Если в 1904 г., то есть на следующий год после установления регулярных рейсов РОПиТ к портам Персидского залива, объем ввозимых российских товаров в Персию возрос почти вдвое — с 2874 до 5526 т, то в дальнейшем этот показатель снизился и оставался незначительным на протяжении всего десятилетия.

В 1913 г. российскому экспорту в Персию впервые удалось приблизиться к показателям 1904 г., достигнув 5498,6 т. Однако для развития коммерческого успеха в Персидском заливе в дальнейшем у Российской империи не оставалось исторического времени.

В целом приходится констатировать достаточно скромные результаты торговли России в Персии через порты Персидского залива. По поставкам сахара Россия занимала лишь седьмое место, несоизмеримо большая разница существовала между Россией и Великобританией в поставке хлопчатобумажной ткани. Единственным товаром, занявшим лидирующие позиции на южном персидском рынке, была «чайная, фарфоровая, стеклянная и фаянсовая посуда». Данная продукция отечественных производителей пользовалась очень высоким спросом и по объему поставок опережала показатели всех остальных зарубежных экспортеров. Другим российским товаром, по продаже которого удалось занять второе место в Южной Персии, был керосин, хо-

тя по своему объему и ценности он заметно уступал американскому аналогу.

В общем объеме международного экспорта в Бушир в 1912/13 г. российский экспорт составил всего 1,3 %. Что касается персидского импорта в Россию из Бушира, то его доля была еще меньше, составляя в 1912/13 г. всего лишь 0,87 %. Причина заключалась в существовании в Одессе так называемого европейского тарифа — крайне невыгодного для ввоза в Россию персидского импорта. Из-за этого персидские купцы предпочитали пользоваться сухопутными путями, везя свои товары через всю страну до Каспийского моря для того, чтобы уплатить льготный размер так называемого азиатского тарифа.

Вопрос о необходимости установления для персидских грузов, направленных в Одессу, такого же льготного тарифа, как и в таможнях Каспийского моря, поднял уже в 1904 г. консул А. А. Адамов. Однако решить этот и многие другие проблемы по повышению уровня товарооборота между Россией и Персией царскому правительству и отечественным коммерсантам успеть до 1917 г. так и не удалось.

Е. С. Кравцова

**Влияние торговли хлебом на налоговое поступление
с крестьянских хозяйств в России
в конце XIX — начале XX в.**

Налоговая система Российского государства в конце XIX — начале XX в. постепенно повергалась модернизации. Налоги распространялись на все сословия страны. Имущественные и сословные налоги оставались преобладающими, но вводились новые налоги, опирающиеся уже на подоходный принцип. Для полного перехода к подоходному обложению в этот период условия были довольно спорными: с одной стороны, прогрессивная общественность все чаще обращала свое внимание на эту необходимость, с другой стороны, консервативные взгляды были довольно сильны да и основная масса налогоплательщиков — крестьян — имела низкий уровень доходов. Рассмотрим финансовые возможности крестьян в выплате налогов (прямых государственных и местных) в типичной земледельческой губернии — Курской.

Все источники доходов, которые получались крестьянским хозяйством в этот период, можно разделить на две части: 1) доходы, черпаемые рабочими непосредственно из оборотов собственного хозяйства и реализации производимых в нем предметов; 2) доходы, получаемые вне этого хозяйства. В указанный период уже происходил процесс расслоения крестьянства и статьи пополняемости их бюджета не были одинаковыми. Так, изучая крестьянские бюджеты на всей территории Российской империи, один из основоположников российской бюджетной статистики Ф. А. Щербина отмечал, что в земледельческой части государства «в громадном большинстве случаев деньги черпаются крестьянами от личных промыслов, затем уже от земледелия и скотоводства, но чем состоятельнее хозяйство, тем меньше их население прибегает к заработкам на стороне и больше отуждает продуктов земледелия и скотоводства». Анализируя ста-

ть доходов в разных группах крестьянских хозяйств им были выделены такие нюансы: в безземельных хозяйствах от личных промыслов поступает 64,3 % денежных доходов и только 6,6 % от земледелия и 8,2 % от скотоводства. В многоземельных хозяйствах, обеспеченных свыше 25 десятинами земли на двор, наоборот, земледелие дает 32,3 % денежного дохода, скотоводство — 24,7 %; в убогих хозяйствах, дающих батраков, личные промыслы дают 62,9 %, земледелие — 16,5 %, скотоводство — 10,4 %; в богатых хозяйствах, нанимающих батраков, личные промыслы дают только 11,9 % денежного дохода, земледелие — 39,3 %, скотоводство — 17,1 %. В целом, «в России наибольшее количество доходов на душу приходится от земледелия и скотоводства».

В Российской империи имелась интересная особенность в поступлении окладных сборов: чем выше был оклад, тем лучше поступали налоги. Причина этого кроется в том, что губернии с высоким окладом относились к черноземным, хлебобобовым, с малоразвитой промышленностью, где основной ценностью являлась земля, которую ни в коем случае нельзя было потерять. Жители этих губерний держались за нее из последних сил. Министерство финансов в 1890 г. отмечало, что по империи наблюдается следующая ситуация: лучшее поступление с высокими процентными показателями наблюдалось по Европейской России, Царству Польскому, Туркестанскому краю, Степному генерал-губернаторству, Закаспийской области. Меньше было собрано по Закавказью и Сибири.

В Курской губернии скотоводство было слабо развито. Основные поступления с крестьян в бюджет были от продажи хлеба. В недоимках по государственным окладным сборам стабильно числилось около 20 % от оклада. Чаще всего причины недоимок были стабильны: плохой урожай, отсутствие дорог, низкие цены на хлебных рынках. В 1885 г. в Курской губернии сильная жара погубила практически весь урожай яровых культур. Крестьяне в основном предпочитали сажать рожь, а ее цена на рынках губернии постоянно падала. Кроме этого, в южных уездах губернии летом 1885 г. свирепствовала чума среди крупного рогатого скота и в связи с этим продажа животных была запрещена. Нужно отметить, что в следующем 1886 г. ситуация с

уплатой налога мало изменилась. Из 5,02 млн руб. губернского годового оклада казенными налогами в недоимке оставалось 6,7 %. По-прежнему, наиболее неблагополучными оставались Щигровский и Новооскольский уезды. К примеру, долгов по всем налоговым платежам за истекший год за жителями Щигровского уезда накопилось в размере 490 тыс. руб., из них на долю крестьянского населения приходилось 90,5 %. К отмеченным ранее причинам плохого сбора налогов прибавились низкий урожай ржи и сплошное бездорожье, вызванное очень дождливой погодой (с середины сентября до середины января). Ввиду этого крестьяне не только не могли отвезти хлеб на рынок, но и даже обмолотить его. Податной инспектор Обоянского уезда указывал на то, что некоторые домохозяева сушили снопа на печках и там же выбивали зерна. Таким образом, видна прямая связь между продажей зерна крестьянами и выплатами по налогам. Такая ситуация сохранялась вплоть до событий февраля 1917 г.

И. Е. Крапоткина

**Торговля по рекам Каме и Вятке во второй половине XIX в.
(по материалам памятных книжек Вятской губернии)**

С глубокой древности природа, климат, окружающая человека среда определяли характер повседневной жизни, развитие хозяйственной деятельности, влияли на экономическую специфику территории. В связи с этим особая роль отводится рекам. По территории Вятской губернии протекали крупнейшие реки России — Кама и Вятка. Берега этих рек стали благоприятны для расселения, рыболовства и судоходства. Несмотря на формирование сети железных дорог, во второй половине XIX в. реки продолжали быть основным путем передвижения в Российской империи. В летний период времени по Каме и Вятке шли плоты и суда, зимой реки становились санной дорогой.

Хозяйственная деятельность горожан Вятской губернии, их предприимчивость и активность определили потенциал речной торговли. Памятные книжки Вятской губернии второй половины XIX в. наглядно демонстрируют какого уровня достигла отпускная и привозная торговля по Каме и Вятке, какой вклад вносили купцы и мещане в общий уровень развития торговли в Российской империи.

Во второй половине XIX в. в Вятскую губернию входило 11 уездов: Вятский, Котельничский, Орловский, Слободской, Нолинский, Глазовский, Яранский, Уржумский, Малмыжский, Елабужский, Сарапульский. Кама протекала по Сарапульскому и Елабужскому уездам. Вятка охватывала практически всю губернию, протекая по 9 уездам. На границах Вятской, Казанской и Оренбургской губерний Вятка впадала в Каму.

Основными торговыми пунктами, куда сбывала товары Вятская губерния, во второй половине XIX в. являлись Архангельск, Рыбинск, Саратов и Нижний Новгород. Торговля с Архангельским портом осуществлялась через пристани Вологодской губернии — Ношульскую, Быковскую и Кайгородскую. Вятские

купцы Н. С. Альгин, Н. Е. Головин, М. П. Клабукова, П. И. Масленников, Я. А. Прозоров осуществляли торговлю хлебным товаром, съестными припасами, мехом, льном и льняным семенем, железом. Купец 1-й гильдии Андрей Саввич Куклин имел в собственности пароход, ходивший по рекам Вятке, Каме и Волге, и торговал солью.

В Рыбинск оправляли хлеб из Сарапульского, Елабужского, Малмыжского и Яранского уездов. Торговый путь охватывал Вятку, Каму и Волгу.

В Саратов и Нижний Новгород отправлялись суда с лесными изделиями (брусья, бревна, ободья для колес телег, полозья для саней, мочало для изготовления рогожи, канатов, кистей). Товары поставляли купцы Малмыжского, Уржумского, Яранского и Елабужского уездов. В низовые города сплавливали мебель и деревянную посуду из Вятского и Орловского уездов.

Частные купеческие предприятия, расположенные в Слободском, Глазовском, Уржумском и Елабужском уездах, осуществляли поставку в Нижний Новгород железных и чугунных изделий.

Нолинский уезд поставлял на внутренний рынок холст. Кожу и юфть реализовывали купцы Слободского, Сарапульского, Глазовского, Нолинского, Орловского и Яранского уездов. Данные поставки шли на военные нужды, а также в Пермскую, Оренбургскую и Казанскую губернии, на Нижегородскую ярмарку.

Привозные товары, которыми торговали купцы Вятской губернии, тоже были разнообразными. Это чай, сахар, кофе, галантерейные, шелковые, бумажные и шерстяные изделия, рыбный товар, табак, деревянное масло (дешевый сорт оливкового масла). Данные товары реализовывались на ярмарках, торжках и базарах.

Таким образом, памятные книжки Вятской губернии второй половины XIX в. как официальные статистические справочники наглядно демонстрируют объемы внутренних речных торговых оборотов. Ведомости о речном судоходстве содержат информацию о количестве судов, задействованных в торговых поставках, о числе судорабочих, общей ценности грузов. Данные источники позволяют выявить не только основные маршруты торговли и

реализуемые товары, но и проанализировать работу пристаней, объемы продаж, охарактеризовать деятельность крупных купеческих речных торговых флотов, чьи суда ходили по Каме и Вятке во второй половине XIX в.

Ю. В. Кузьмин

**Торговый дом П. А. Бадмаева:
экономическая деятельность и причины неудачи ***

Многогранная деятельность врача тибетской медицины Петра Александровича Бадмаева (1851–1920) получила в мемуарах и исторической литературе полярные оценки. Несмотря на широкую известность его деятельности в тибетской медицине, дипломатии, предпринимательстве, научной и издательской сферах, ряд исторических этапов его работы до сих пор мало изучен. Публикации Б. С. Гусева, Э. Базарона, Т. И. Грековой, Ж. Д. Доржиева, Ю. В. Кузьмина, И. В. Лукоянова, Ж. Тумунова создали творческий портрет динамичного, талантливого человека, сыгравшего значительную роль в истории России.

Он первым в России перевел на русский язык трактат тибетской медицины «Жуд-ши», 17 лет занимался дипломатической деятельностью, был успешным врачом тибетской медицины, издавал первую газету на монгольском языке «Жизнь на восточной окраине», успешно занимался предпринимательской деятельностью в самых разных сферах. Бадмаев происходил из родовитой бурятской семьи, получил два элитных высших образования: востоковедное образование на восточном факультете Санкт-Петербургского университета и медицинское в Военно-медицинской академии.

Сложные взаимоотношения складывались у Бадмаева с министром финансов и премьер-министром России С. Ю. Витте, востоковедом и членом правления Русско-Азиатского банка Э. Э. Ухтомским, Григорием Распутиным, П. Г. Курловым, Ф. Ф. Юсуповым и другими видными деятелями Российской империи. В Азиатском департаменте он достиг звания действитель-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ 20-59-44008 Монг_а «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».

ного статского советника, был вхож в царскую семью, влиял на формирование дальневосточной политики России.

13 февраля 1893 г. Бадмаев представил Александру III развернутую записку «О задачах русской политики на Азиатском Востоке». Одновременно он передал ее и Витте. Бадмаев предлагал построить железную дорогу из Забайкалья в глубь Цинской империи, до города Ланчжоу. Она должна была стать удобным путем для проникновения и присоединения к России Монголии, Маньчжурии и Китая. 2 июня 1893 г. Бадмаев направил Александру III новую записку о необходимости привлечь в пограничные районы с Китаем крупные капиталы и создать здесь солидные торговые фирмы.

С 1893 г. Бадмаев добивается крупной правительственной ссуды (2 млн руб.). В том году он создал в Петербурге «Торговый дом Бадмаев и К^о», основной базой его деятельности стало Забайкалье, его родина. В Чите было организовано крупное скотоводческое хозяйство, закуплено большое количество лошадей и верблюдов для транспортировки грузов. Также было открыто несколько торговых лавок и магазинов в регионе, а также в Урге и Китае. В Чите Бадмаев арендовал значительный участок земли и построил гостиницу, издавал газету на русском и монгольском языках «Жизнь на восточной окраине», в которой рекламировал свои проекты.

Бадмаев активно занимался производством сельскохозяйственных продуктов, торговлей мясом. Им были открыты столовые для своих служащих и работников, устроена гостиница «Восточное подворье» для служащих торгового дома с буфетом, столовой, баней и бильярдом на условиях «все включено». Он привлек местных образованных деятелей (Б. Рабданов, Н. И. Гомбоев, А. Д. Старцев и др.), но основную ставку сделал на своих родственников-земляков и отставных военных и чиновников из Петербурга. Бадмаев убедил забайкальцев, что является потомком Чингис-хана, опубликовал свою родословную, а также объявил себя потомком правителей бурят, особой, близкой к императорской семье.

Основными опорными пунктами его предпринимательской деятельности являлись Чита, Урга, Пекин, Лхаса, Ланчжоу, а также крупные буддийские монастыри. Князь Э. Э. Ухтомский и

товарищ министра финансов П. М. Романов считали, что выделенные деньги (2 млн руб.) должны быть израсходованы на политические цели — на подарки князьям, крупным ламам, знатым лицам региона с целью присоединения Маньчжурии, Монголии и Северного Китая к Российской империи. Бадмаев же считал необходимым экономическое освоение данного региона и установление разнообразных связей с политическими и религиозными деятелями Востока.

Основной причиной неудачи деятельности торгового дома Бадмаева и его восточного проекта стало перенаправление железной дороги через Маньчжурию, а не по проекту Бадмаева. Его проект осуществлялся в тайне от официальных региональных властей Сибири, что вызвало их неприятие и недовольство. Проект был больше политическим, чем экономическим. Неудачным был и подбор участников, имелись проблемы в организации и управлении. К сожалению, некоторые обстоятельства восточного проекта Бадмаева до сих пор остаются не ясными и нуждаются в дальнейшем исследовании.

К. В. Купченко

**Создание властями Смоленска надзорных органов
в сфере торговли во второй половине XIX — начале XX в.**

В результате проведенной во второй половине XIX в. реформы местного самоуправления в городах России были сформированы всесословные органы управления, к сфере деятельности которых относилась организация местных промыслов и развитие торговли, поскольку от этого зависело и благоустройство территорий, и санитарно-эпидемиологическое благополучие населения.

В середине XIX в. распространенными жалобами городским властям Смоленска со стороны владельцев торговых учреждений были указания на антисанитарные условия торговли, осуществляемой обывателями в разнос или с возов. В связи с этим городскими властями были изданы обязательные для жителей постановления по содержанию промышленных, торговых и ремесленных заведений и продаже пищевых продуктов.

В частности, рабочих запрещалось содержать в помещениях, вредных для здоровья и не имеющих вентиляции. Рабочие не должны были оставаться на ночлег в хлебопекарнях и кондитерских. Лица, торговавшие мясом и рыбой, не должны были продавать испорченные товары и обязаны были содержать торговые места в чистоте. Испорченные пищевые продукты подлежали немедленному уничтожению. Сортировка продукции животноводства (рога, кости) производилась только в установленных управой местах. Пиво и водка, реализуемые в городах, подлежали химическому анализу на предмет наличия примесей.

Для обеспечения контроля за выполнением этих постановлений был организован санитарный надзор, состоявший из санитарной комиссии при городской управе и 68 санитарных участковых попечителей. За нарушение правил виновный подвергался штрафу по ст. 29 Устава о наказаниях, налагаемого мировыми судьями. 6 марта 1879 г. вышло постановление, со-

гласно которому на весенние месяцы штат полиции увеличивался на шесть особых санитарных городовых.

Санитарные надзоры периодически осматривали торгово-промышленные учреждения, заведения, осуществлявшие торговлю продуктами питания, рестораны и т. д. Отмечалось неудовлетворительное санитарное состояние торгово-промышленных предприятий города.

Были изданы правила, содержащие указания по содержанию учреждений, где продавалась пища, внешнему виду служащих, хранению пищевых товаров, особенно скоропортящихся. Кроме того, были изданы правила о внутреннем распорядке на рынках и базарах, о воспрещении торговли в воскресные и праздничные дни, поскольку в отчете управы отмечалось, что были случаи, когда в праздничный базарный день нельзя было проехать по дороге к городу из-за лежащих пьяных, на базарах было шумно и нарушения правил общественного порядка продолжались до поздней ночи. С установлением новых правил к вечеру на рынке никого не оставалось, в праздничные дни церкви больше посещались, крестьяне из соседних деревень оставались дома, а торговля в итоге ничего не потеряла. Вслед за постановлением Смоленской городской думы этот вопрос был возбужден во многих городах как Смоленской, так и других губерний.

Смоленская городская управа 22 апреля 1881 г. совместно с полицмейстером составила проект обязательных постановлений о внутреннем распорядке на рынках и базарах. Отмечалось, что правила уже несколько лет выполнялись на практике, но не были официально оформлены в виде обязательного постановления. Согласно данным правилам, торговля должна была производиться строго в местах, указанных городской управой. Надзор за торговлей осуществляли специальные контролеры. Виновные в нарушении установленных правил привлекались к ответственности.

20 декабря 1882 г. Смоленская городская дума в соответствии с мнением Государственного совета от 13 октября 1881 г. утвердила проект устройства торгового надзора и порядок деятельности торговой полиции. В состав надзора вошли члены

городской управы, торговые депутаты, торговые и базарные смотрители.

Во время введения казенной винной монополии появилась необходимость наблюдения за порядком и благочинием около казенных винных лавок. Министерство финансов даже посчитало необходимым увеличить действующий состав Смоленской полиции на 20 городских, специально для этого предназначенных, но городская дума из-за недостатка финансовых средств не сочла это возможным. С 1903 г. Правительство выделило городу пособие в 8486 руб. на содержание этой специальной стражи, но с 1905 г. финансирование не производилось, поэтому городские, назначенные для надзора за казенной винной торговлей, вошли в штат городской полицейской команды и содержались исключительно на средства города.

Таковы основные мероприятия органов самоуправления Смоленска второй половины XIX — начала XX в., направленные на регулирование местной торговли и осуществление надзорных функций в данной сфере.

М. Д. Кушнарева

**Якутские купцы и меценаты
П. А. Кушнарев и Г. В. Никифоров как символ дружбы
и единения русского и якутского народов**

В современных условиях социально-экономического развития России исторический опыт прошлого, важную роль в котором сыграли не только политические деятели, но и видные предприниматели, получил новое осмысление. В центре внимания современной историографии находятся проблемы роли личности в истории, итоги взаимодействия представителей разных национальностей в решении экономических, политических, социальных вопросов своего времени. Не случайно в честь 100-летия образования Республики Саха (Якутия) в пос. Нижний Бестях 27 апреля 2022 г. был торжественно открыт памятник двум якутским купцам-меценатам, уроженцам Мегино-Кангаласского улуса. Памятник посвящен якутским купцам 1-й гильдии Петру Кушнареву и Гавриле Никифорову.

Первый родился в 1877 г. в русской крестьянской старообрядческой семье, прибывшей из Забайкалья по переселению 1851 г. на освоение Аянского тракта. Вторым родился в 1871 г. в зажиточной якутской семье. В период становления первоначального капитала купцы вели разъездные торги на севере Якутской области. Кушнарев в совершенстве владел якутским языком, а Никифоров — русским. За предприимчивый характер Никифоров получил прозвище «Манньяттаах уола», то есть «сын владеющего монетами». Кушнарев в народе звался «Капссыым уола», что в переводе на русский язык означало «сын Акепсима». Унаследованный от своих отцов капитал Петр и Гаврила направили на построение собственного дела. В 1903 г. Кушнарев основал торговый дом «Наследники А. М. Кушнарера». Никифоров в 1905 г. основал фирму «Г. В. Никифоров». Магазины и отделения предприятий Кушнарера и Никифорова были открыты в Москве, Иркутске, Якутске, Бодайбо, Аяне, Нелькане, Средне-

Колымске, Булуне, Виллойске, Охотске. Дружба предпринимателей позволила им учредить в 1914 г. «Северное торгово-промышленное товарищество». Деятельность крупнейшего в Восточной Сибири предприятия в сфере оптовой торговли пушшиной, мамонтовой костью, золотом, товарами потребления была основана на полном доверии. Годовые обороты предприятий Кушнарева и Никифорова составляли более 1 млн руб. В поле зрения предпринимателей находились вопросы финансирования учебных заведений, благотворительные мероприятия для помощи фронту в период Первой мировой войны, строительство библиотек и церквей, организация научных экспедиций.

Дружба Кушнарева и Никифорова длилась с юности вплоть до событий 1918–1920 гг., когда из-за изменившегося политического строя нашего государства они были вынуждены покинуть родной край. Для многих жителей Якутии Кушнарев и Никифоров были олицетворением национальной гордости, яркими представителями местной купеческой элиты, национальными героями, щедрыми меценатами, много сделавшими для просвещения и образования своего народа. Каждый из них независимо от национального и религиозного происхождения внес свой вклад в общее дело становления и развития образования, формирования единого экономического пространства, благоустройства среды и повышения благосостояния населения Якутии. В конце 1919 г. предприятия Кушнарева и Никифорова прекратили свое существование, предприниматели эмигрировали в Китай. В 1920 г. все их имущество было национализировано. Будучи в эмиграции Кушнарев и Никифоров надеялись вернуться в Россию, были охвачены идеей помощи населению родного края. Однако их планам не суждено было сбыться. Они скончались вдалеке от родины.

Ж. Е. Левина

**Гастрономическая торговля в Омске начала XX в.
в воспоминаниях Л. Мартынова.**

Практика питания, специфические продукты, кулинария в современной науке рассматриваются как факторы, формирующие особое социальное пространство, как способ этнической, национальной, культурной идентичности в традиционном и современном типе общества.

В автобиографической книге «Воздушные фрегаты» (1969–1974 гг.) писатель Леонид Мартынов, выступая против сухого статистического подхода или «механистического» изучения города как набора достопримечательностей, стремился создать художественный вариант осмысления Омска. Критики указывают на «человеколюбие», лежащее в основе творчества писателя. Сам автор определяет свой подход как «антропологический», что сближает его с методологией «одушевленности» города (И. М. Гревс, Н. П. Анциферов) и «одушевленности» истории (О. Шпенглер)

Описывая несколько видов продовольственной торговли в Омске и окрестностях, главное внимание автор уделяет «человеческому фактору», определяющему ее особенности.

Гастрические варианты торговли на вокзалах «Великого Сибирского пути» связываются с традиционной культурой этноса, преобладающего в ближайшей к станции местности. В Калачинске проезжающим предлагали «одни только шаньги», «никаких калачей». На станции Колония, получившей название «в честь» поселения эстонских переселенцев, торговали бисквитами. В самом Омске на улицах казахи продавали кумыс.

Самое живописное изображение получила торговля на Казачьем базаре в самом центре города. В описании рынка автора увлекает этническое многообразие продавцов, определяемое в том числе и по национальным костюмам. Украинцы носили «гоголевские свитки». «Рыжие» немцы-колонисты кутались в си-

бирские тулупы. Изображение казахов включает и гендерный аспект. Мужчины — всадники, «в цветных малахаях на лисьем меху», женщины — наездницы на верблюдах, «важные казашки», «гордые байши», в зеленых и фиолетовых бархатных шубах и шапочках с перышками птиц, в «засаленных парчах и бархатах». Казахи весной на рынок привозили майский кумыс в мехах и бочонках, зимой — мясо, масло, сало и молоко, замороженное в виде «лунообразных» колес. Торговали также «нехитрой» степной пушниной, кожей. Свой товар доставляли немцы и украинцы. Продавцы нескольких этнических диаспор предлагали однотипные товары, что позволяло удовлетворять разные вкусовые запросы омичей. Горожане предпочитали покупать масло у латышей, а яйца у эстонцев. Действовал конский базар.

Торговля мясом и скотом занимает особое место в воспоминаниях Мартынова. «Фиолетовые скотские туши», врезавшиеся в память писателя с самого раннего детства, «чуть ли не с первого дня жизни», породили его причудливое восприятие творчества М. Врубеля. «Мрачно одухотворенный» Демон, по мнению Мартынова, мог отражать не только общечеловеческие мотивы и конкретные исторические события, сохранившиеся в фольклорном варианте, но и младенческие впечатления будущего художника. Самому автору художественное полотно напоминало картину повседневной и праздничной торговли, которая «могла быть знакома», по его мнению, и будущему художнику. «Фиолетовые скалы вокруг Демона» вызывали воспоминания о «красных скотских тушах» в базарных и ярмарочных омских рядах. Киргизы на верблюдах, конский базар, «бесчисленные» стада рогатого скота, идущие на бойни, были настолько знаковыми для Омска, что могли сложиться, по мысли Мартынова, в прообраз Скотопригоньевска, места действия романа Достоевского «Братья Карамазовы», больше соответствуя его обобщенному образу, нежели Старая Русса, Козельск, Тобольск, Семипалатинск, давшие прототипические детали литературному тексту.

Потребности жителей города в овощах и фруктах обеспечивали многочисленные «татарские магазинчики», расположенные на Атаманской, центральной улице города. В подвальных помещениях домов, «фруктовых подвальчиках» «громоздились ароматные пирамиды» местных и привозных яблок: крупных вер-

ненских (сорт апорт, выведенный в окрестностях г. Верного, ныне Алма-Ата) и «продолговатой» крымской кандили. Торговали кишмишем, черносливом, рожками (плоды цератонии стручковой или рожкового дерева; используются как заменитель какао-порошка). Сухофрукты оптом реализовывал «ташкентский татарин» Гарифов, живший неподалеку в собственном доме на Никольском проспекте (ныне ул. Красных Зорь). Осенью в город приходили «арбузные» плоты, доставлявшие эти сочные ягоды с бахчей из-под Семипалатинска (ныне Семей).

Воспоминания Леонида Мартынова содержат материал, дополняющий представления о товарообмене в Сибири, образе жизни и структуре питания омичей, конкретизирующий и наполняющий яркими красками и объемом историческую картину повседневности сибирского города и быта горожан, добавляющий новые штрихи к пониманию особенностей межэтнической коммуникации.

С. М. Ледров

Ассортимент мурашкинского овчинного товара на Нижегородской ярмарке в начале XX в.

Торговля кожами и мехами всегда имела большое значение на крупнейшей в России Нижегородской ярмарке. Особенно это было заметно в начале XX в., когда на долю кожевенно-мехового рынка приходилось до 30 % ярмарочного товарооборота. Например, в 1912 г. общий привоз товаров на ярмарку оценивался в 195 млн руб., в том числе кожевенно-мехового сырья и изделий из него было доставлено на 55,8 млн руб. Разнообразие ассортимента товаров в этом сегменте было исключительным, причем в каждой из его частей: торговле пушниной, меховой овчиной и кожами.

Наше исследование посвящено изучению ассортимента выделанного овчинного товара, который доставлялся на ярмарку из села Большое Мурашкино Княгининского уезда Нижегородской губернии в начале XX в. (до 1914 г.) Основным источником сведений по данной теме являются изданные ежегодные отчеты о ходе торговли на Нижегородской ярмарке, в которых с 1900 г. публиковался развернутый перечень сортов мурашкинского товара (в отличие от печатных отчетов 1895–1899 гг. и более ранних не публиковавшихся ведомостей, в которых давались только общие сведения по укрупненным товарным группам: меховая мерлушка, тулупы и полушубки, околыши (шапочная мерлушка)).

Нижегородская ярмарка являлась главным отечественным рынком сбыта выделанных овечьих мехов и изделий из них. Весь такой товар расписывался по местам привоза: Мурашкинский, Васильсурский, Казанский, Самарский, Кузнецкий, Сибирский, Шуйский, Вятский, Романовский, Касимовский, Крымский.

Село Большое Мурашкино являлось одним из самых крупных центров овчинно-мехового производства в Российской им-

перии. Искусство его мастеров было широко известно еще до отмены крепостного права. А в 1897 г. в селе действовало 385 овчинных заводов, на которых было выделано 1,7 млн овчин.

Значительная часть мурашкинского товара сбывалась на Нижегородской ярмарке. Это объяснялось, в первую очередь, ее географической близостью к селу.

В 1899 г. на ярмарку из Мурашкина, по официальным данным, приехало 50 торговцев, в реальности их было больше. В рассматриваемый период мурашкинцы лидировали на овчинно-меховом рынке ярмарки. В 1896 г. впервые был зафиксирован привоз ими соответствующего товара на 1 млн руб., тогда как из остальных центров вместе взятых — примерно на 705 тыс. руб. Наивысшая стоимость мурашкинских мехов на ярмарке была зарегистрирована в 1909 г. — 1,82 млн из 3,5 млн руб. общего привоза овчинно-меховых товаров. Вместе с тем, в начале XX в. заметно сокращение доли мурашкинского товара в этом сегменте ярмарочной торговли — с 70,5 до 52 %.

Сорта мурашкинского овчинного товара различались по месту и времени заготовки сырья, возрасту животных, цвету и предназначению выделанного товара.

Самым широким был выбор шитых мехов из нескольких шкурок — почти половина всего ассортимента: меха овчинные кавказские и персидские черные и белые, щипаные черные и белые ордынские, русские черные и белые, черные меженные, выращатые черные и белые, финляндские и курляндские черные высшего и низшего сортов, финляндские и курляндские белые, мерлуцатые персидские, харьковские, молдавские, сборчатые «клочковые».

Следующая группа мурашкинского овчинного товара — выделанные шкурки ягнят: саксак персидский, тресок харьковский, пятигорский, царицинский, хорасанский и кучанский, австрийский.

Готовый овчинно-шубный товар представлял собой саксачьи тулупы. Причем если в начале 1900-х годов они были как с рукавами и воротниками, так и без оных, то впоследствии из Мурашкина на ярмарку привозили только тулупы с рукавами и воротниками.

Шапочная и воротниковая мерлушка из Мурашкина подразделялась на русскую шапочную мерлушку (различавшуюся сначала по количеству шкурок в бунте: двадцатку, десятку, парную, в том числе отборную парную, а в 1910-х годах — натуральную, крашеную, белой мойки), воротниковую персидскую мерлушку, финляндскую и курляндскую черную и белую мерлушку (она же шапочная овчинка), крашеную щипаную овчинку, изредка привозилась молдавская мерлушка (молдавка).

В отдельную группу можно выделить козлину для полостей.

Таким образом, мурашкинский овчинный товар на Нижегородской ярмарке состоял из пяти товарных групп: 1) шитые меха; 2) выделанные шкурки ягнят; 3) полушубки; 4) шапочная и воротниковая мерлушка; 5) козлиная для полостей. Всего же, по данным ярмарочных отчетов, в начале XX в. перечисленные товарные группы включали в себя до 30 сортов.

Е. В. Леонтьев

**Купцы и мещане города Красноярска
из «Списка настоящих городских жителей» на 1786 г.:
происхождение и занятия**

Возникновение городов и городских сообществ на вновь осваиваемых территориях несомненно является одним из важных составляющих колониационного процесса и заслуживает внимания исследователей. В истории Сибири XVIII в. интерес к данной теме среди прочего обусловлен потребностью рассмотреть из каких социальных и этно-региональных элементов складывался сибирский город на ранних этапах его превращения в собственно торгово-промышленное поселение.

Известно, что начало русского продвижения за Уралом было в основе своей городским. Первые сибирские города и остроги возникали в виде укрепленных, военных пунктов, позволявших контролировать аборигенное население близлежащих территорий. Соответственно жителями этих пунктов преимущественно являлись находившиеся на содержании казны служилые люди. По мере естественного увеличения своей численности потомки этих людей нередко были вынуждены искать себе пропитание вдали от мест своего первоначального водворения. Место ушедших из города казаков и казачьих детей занимали новые люди. Бывший служило-разночинный микросоциум постепенно обретал «гражданское лицо»; у стен обветшалых острогов множились дворы посадских людей с «приличными их званию» торговыми и промыслами.

Кем были эти новые горожане? Насколько растущий в количественном отношении сибирский посад в XVIII в. был связан с выходцами из среды служилого населения?

В нашем распоряжении источник, который позволяет рассмотреть поставленные вопросы в контексте русской колонизации Енисейского края. Это опубликованные Г. Ф. Быконей сведения о персональном составе, происхождении и занятиях

купцов и мещан города Красноярска на 1786 г. В основе их, по словам автора, находится «Список настоящих городских жителей», имевших оседлость и недвижимое имущество в черте города.

Как показывают источники, в течение XVIII в. Красноярск оставался примерно в одних и тех же границах; миграция поглотила практически весь естественный прирост его населения, поэтому число дворов и количество жителей в городе оставались более или менее постоянными.

На 1784 г., по спискам городского головы, в Красноярске насчитывалось 337 усадеб. 158 из них принадлежали чиновникам, духовенству, казакам и солдатам, примерно 2/3 — представителям крестьянского сословия. Из исповедной росписи 1769 г. следует, что во владении крестьян в это время находились 194 городских двора; среди них 43 занимали недавние ссыльнопоселенцы («посельщики»), а прочие — записанные крестьянами выходцы из служилых семей (разночинцы). На долю купцов и мещан в Красноярске в 1784 г. приходилось всего 65 дворов — около 20 % от общего числа. Тем временем около 800 подчиненных городскому магистрату мещанских семей жили в деревнях, составляя так называемый сельский посад.

Из 65 «настоящих городских жителей» Красноярска на 1786 г. (речь о главах домохозяйств) 48 были мещанами, 17 состояли в купечестве 2-й (главы трех семей) и 3-й гильдий. Рассматривая происхождение этих людей, мы сравнили их фамилии с фамилиями красноярцев, подавших о себе «сказки» во время проведения первой подушной переписи 1719–1722 гг. Это дало возможность выделить в составе указанной категории: 1) старожилов, носивших фамилии, встречающиеся в материалах переписи 1719 г. среди жителей города или на территории уезда; 2) уроженцев Красноярска, чьи родители появились здесь после проведения переписи; 3) новоселов — неместных по рождению граждан, зачисленных в 1760–1780-е годы.

Как видим, на долю коренных красноярцев приходилось лишь около 1/3 домохозяйств (35,38 %) купцов и мещан Красноярска. Принимая во внимание и без того ограниченные размеры общины, можно сказать, что местные разночинцы не обнаруживали стремления к переходу в мещанское сословие. Вплоть до

конца столетия большинство их продолжали оставаться в «крестьянском звании», куда они были перечислены начальством после проведения третьей ревизии. Среди некоренного мещанского населения города чаще встречались лица, потомственно принадлежавшие к городским сословиям; это были дети цеховых, купцов, посадских людей, которые либо мигрировали сюда из других городов, либо родились в семьях, поселившихся в Красноярске в 1720–1750-е годы. Выходцев из близлежащих деревень в составе местной посадской общины мы еще почти не находим. Крестьянами по происхождению в ней, очевидно, являлись только переселенцы из северных уездов России.

Обращает на себя внимание значительное представительство в составе красноярского посада лиц, занятых торговлей. Из 55 домохозяев, давших о себе соответствующую информацию, 28 жили главным образом или отчасти за счет доходов, которые приносила торговая деятельность. То есть число торговых домохозяйств в составе общины намного превосходило число семей, занятых ремеслами, «черной работой» (18) и хлебопашеством (12). Это не дает оснований говорить о том, что большинство торгующих красноярцев в этот период принадлежали к городским сословиям; тем не менее, можно считать, что занятые торговлей обыватели скорее прочих принимали решение о переходе в мещанство.

Д. В. Лисейцев

**Таможенные сборы в европейской части
Московского государства в 1620–1640-е годы:
общие тенденции и региональная специфика**

История бюджета Московского царства в XVII в. принадлежит к числу слабо разработанных сюжетов. Если для конца века ученые опираются на опубликованную П. Н. Милюковым «бюджетную роспись» 1682 г., то для более раннего периода приходится опираться на сведения Дж. Флетчера, Ж. Маржерета и Г. Котошихина, не отличающиеся точностью. Мы имеем возможность лишь приблизительно оценить степень разорения страны и бюджета в годы Смуты (по моим оценкам к концу второго десятилетия XVII в. казенные сборы сократились приблизительно в три раза). Сложно выяснить и темпы восстановления экономики по завершении Смутного времени. Причиной слабой изученности истории государственного бюджета Московского царства является состояние источниковой базы: практически полностью утрачены архивы приказов Большого прихода, Новой четверти, Казанского дворца, на чью долю приходилась значительная часть поступающих в казну средств. Неплохой можно признать сохранность архивов Новгородской и Устюжской четвертей, но они главным образом дают сведения о северной части страны, тогда как для наиболее населенных уездов генерализированная информация отсутствует.

Важной составляющей доходов Московского государства были таможенные сборы. В условиях разорения страны в годы Смуты российские власти констатировали: «в Московском государстве от войны во всем скудость... кроме таможенных пошлин и кабацких денег государевым деньгам сбору нет». Сведения о таможенных сборах фиксировались частично в приказах-четвертях и, главным образом, в приказе Большого прихода (а их архивы, к сожалению, в значительной степени утрачены). Некоторые сведения о таможенных сборах в городах Московского

государства удастся почерпнуть в пошлинных и беспошлинных книгах Печатного приказа. Это ведомство, выполнявшее функции государственного нотариата, фиксировало оформление разнообразных документов, в том числе откупных грамот на эксплуатацию таможен. Как и другие значимые объекты хозяйственной жизни страны — кабаки, таможни управлялись двумя основными способами — их отдавали «на веру» или же в откуп. В последнем случае откупщик оформлял в Москве откупную грамоту и уплачивал за нее печатную пошлину (благодаря чему сведения о стоимости таможенных откупов доступны исследователю). Необходимо отметить, что сведения такого рода разрозненны, для их получения требуется фронтальный просмотр пошлинных книг Печатного приказа, но даже после этого мы не получим погодных сведений по всем городам Московского государства. Связано это не столько с сохранностью документов Печатного приказа (на общем фоне документации первой половины XVII в. она может быть признана неплохой). Основная проблема состоит в том, что по сравнению с кабаками таможни давали меньшую прибыль, и их реже брали в откуп. Что же касается городов с высокими таможенными сборами (Ярославль, Казань, Астрахань), то собираемые там суммы были слишком велики, чтобы доверить их сбор откупщику. В южно-русских городах таможни отдавали в откуп вместе с кабаками, и хорошо сохранившиеся приходо-расходные книги Разрядного приказа фиксируют здесь общую сумму поступлений, не всегда позволяя вычленив из нее размер таможенного сбора.

Между тем собранные в приходо-расходных книгах приказов-четвертей и пошлинных книгах Печатного приказа сведения позволяют проследить общую динамику таможенных сборов в городах Московского государства 1620–1640-х годов. Для анализа выбраны данные, соответствующие трем хронологическим «срезам»: начало 1620-х годов, середина 1630-х и середина 1640-х. Для сопоставления берутся сведения лишь для городов, по которым мы располагаем данными для сравнения сразу по двум «срезам»: 1620-м и 1630-м, 1630-м и 1640-м, 1620-м и 1640-м. Для каждой из сопоставляемых пар «срезов» есть сведения по пяти десяткам городов с самыми разными уровнями таможенных сборов — от нескольких десятков до нескольких де-

сятков тысяч рублей, что дает достаточно репрезентативную картину. В целом за четверть века (с начала 1620-х годов до конца царствования Михаила Федоровича) по городам, сведения о которых нам доступны, таможенные сборы выросли приблизительно вдвое (то есть к уровню начала XVII в., надо полагать, вернуться они не успели). Нельзя не заметить, что ряд городов демонстрирует существенно больший прирост таможенных сборов: Кайгородок — в 10,4 раза, Соль Камская — в 8 раз, Каргополь — в 4,4 раза, Великий Устюг — в 3,2 раза, Тотьма — в 2,6 раза. Таких высоких показателей роста не наблюдается даже в городах, дававших в абсолютных цифрах самые большие таможенные сборы — в Архангельске и Нижнем Новгороде. Столь стремительный рост государственных доходов от торговли в городах, лежавших на пути «за Камень», думается, указывает на то, что именно десятилетия после Смуты стали временем, когда богатство России начало «прирастать Сибирью».

И. Н. Лобачева

**Купеческие торгово-промышленные заведения
в уездах Тульской губернии в первые десятилетия
порепорформенного периода:
динамика численности, отраслевой структуры
и управления**

Проведенное исследование, результаты которого предлагаются к рассмотрению, основано, прежде всего, на материалах журналов генеральных поверок торговых и промышленных заведений для нескольких городов Тульской губернии с их уездами, взятых за два временных отрезка: конец 1860 — начало 1870-х годов и 1878 г. В центре нашего внимания было изучение на микроуровне динамики доли принадлежащих купечеству предприятий в числе торгово-промышленных заведений рассматриваемых уездов, а также распределение купеческих предприятий между городом и сельской местностью. Пофамильный анализ состава владельцев купеческих торгово-промышленных заведений позволил получить как данные о степени сохранения деловой активности местного купечества на протяжении рассматриваемого периода, так и об изменениях в ее направленности.

Прежде всего, было установлено, что по прошествии десятилетия во всех рассматриваемых уездах сократилась доля семей, которые, выкупая купеческие свидетельства, не вели бизнеса на территории соответствующего уезда. Это наглядно иллюстрирует отмеченные многими исследователями шедшие в этот период процессы своеобразного «очистения» состава купечества от семейств, вступавших в него сугубо по фискальным соображениям, а также с целью приобретения такой значимой сословной привилегии как свобода от рекрутской повинности.

Особенностью рассматриваемых уездов в данный период стало воздействие на экономику региона прокладки на его территории железнодорожных маршрутов, прежде всего Москов-

ско-Курской железной дороги. Уездные города, оказавшиеся в стороне от новых транспортных магистралей, стали утрачивать свое торговое значение. Данная тенденция находит выражение в сокращении или стабилизации как общего числа торгово-промышленных заведений в этих городах, так и числа торгово-промышленных заведений, принадлежащих купечеству.

В сельской же местности двух из рассматриваемых уездов наблюдается рост числа торгово-промышленных заведений. Развитие нескольких сел Крапивенского уезда было обусловлено тем, что через них прошла железная дорога, превратив их в центры торговли сырьем и сельскохозяйственной продукцией. Наибольшую долю в структуре купеческого предпринимательства в Крапивенском уезде занимали не бакалейный торг и не торговля алкоголем, как в сельской торговле других анализируемых административно-территориальных образований, а содержание хлебных амбаров, в которых аккумулировалось скупаемое зерно для дальнейшей его продажи крупными партиями с отправкой по железной дороге. В производственной же деятельности местного купечества к 1878 г. выросла доля зернообрабатывающей промышленности.

В Каширском уезде, граничившем с Московской губернией, развивалось предпринимательство, ориентированное на обслуживание нужд отходников: к 1878 г. местные купеческие торговые заведения были представлены преимущественно питейными домами и мелочными лавками. Оптовая хлебная торговля, во-первых, требовала больших финансовых вложений, нежели организация питейных домов, а, во-вторых, в более интенсивно развивающихся селах Крапивенского уезда купеческое предпринимательство сталкивалось с высокой конкуренцией со стороны представителей других сословий. Этим, на наш взгляд, объясняется то, что в Крапивенском уезде, в отличие от Каширского, мы не фиксируем увеличения ни общего числа купеческих торговых заведений, ни их доли в числе торговых точек уезда.

Сделанные выводы подтверждают и данные о степени обновления состава купечества за рассматриваемый период — наибольшие показатели зафиксированы для Каширского уезда, наименьшие — для Белевского.

Другим направлением исследования стало изучение отдельных аспектов управления купеческим бизнесом. Проведенные расчеты позволили установить, что в рассматриваемый период на одну купеческую семью в среднем приходилось по два торгово-промышленных заведения, а на каждое торгово-промышленное заведение в среднем приходился один управляющий — сам купец, его близкий родственник или же наемный приказчик. Купцы к 1878 г. как в городе, так и в уезде, выбирая управляющего для дополнительной торговой или промышленной точки, в первую очередь обращались к наемникам, во вторую — к своим детям, и лишь в последнюю — к своим супругам, хотя десятью годами ранее еще предпочитали младших членов своей семьи наемникам со стороны. При этом наибольшую тенденцию к росту доля наемного персонала в купеческих предприятиях демонстрирует в регионах, отличавшихся более динамичным развитием торговли — Крапивенском и Каширском уездах.

Также некоторая тенденция к росту была отмечена и в отношении доли купеческих жен, вовлеченных в управление семейным бизнесом. Пофамильный анализ показал, что, как правило, такое возрастание было обусловлено притоком в купечество новых предпринимателей: многие из вновь вступивших в гильдию купцов задействовали своих жен в управлении торговыми точками.

О. А. Лукин

Таможенная политика России в конце XVIII в.

Начиная с первых лет царствования Екатерины II шло постепенное уменьшение размера таможенных пошлин. В годы ее правления внутренняя и заграничная торговля испытывали значительные трудности, а таможенная политика характеризовалась непоследовательностью и нестабильностью. В 1782 г. средний размер таможенных пошлин находился на уровне 11 %, а самая низкая ставка составляла от 2 до 3,5 %. Тариф 1766 г. был проникнут идеями умеренного протекционизма. Принимаемые правительством меры способствовали усилению товарооборота и росту внешнеторговых центров, хотя доля России во внешней торговле не соответствовала ее потенциалу.

Существенное влияние на изменение таможенной политики России в конце XVIII в. оказали революционные события во Франции. 8 февраля 1793 г. Екатериной II был подписан указ «О прекращении сообщения с Францией по случаю произошедшего в оной возмущения и умерщвления короля Людовика XVI, и о высылке французов из России, исключая тех, которые под присягою отрекутся от революционных правил, во Франции распространившихся», прекративший действие российско-французского торгового договора 1786 г. и наложивший запрет на заход в российские порты судов под французским национальным флагом. Равным образом российским купцам и судовладельцам запрещалось посылать их торговые суда во французские порты.

Спустя два месяца, 8 апреля, правительством Екатерины II было принято решение о пресечении ввоза в Россию «французских товаров как на российских и на иностранных судах, так и сухим путем». Одновременно под предлогом точного и неукоснительного исполнения указа, предотвращения злоупотреблений и подлогов «в привозе запрещаемых товаров, под названием будто бы в других местах выделяемых», утверждалась рос-

пись иностранных товаров, которые были запрещены к провозу в Россию через портовые и сухопутные таможи.

Императрица также приняла меры к организации новой антифранцузской коалиции. В марте 1793 г. была подписана конвенция между Россией и Англией об обоюдном обязательстве оказывать друг другу помощь в борьбе против Франции, согласно которой запрещался отпуск во Францию хлеба и других продовольственных товаров. Обе страны обязывались закрыть свои порты для французских судов и должны были препятствовать торговле Франции с нейтральными государствами. Эти меры были также распространены на торговлю с Голландией и другими странами, оказавшимися в зависимости от Франции. Указом от 20 мая 1796 г. голландским судам закрывался доступ в российские порты.

Сблизившись с англичанами в борьбе с французской революцией Екатерина II возобновила торговый договор с Британией 1766 г., не высказав при этом требований к англичанам признать принципы вооруженного нейтралитета. С другой стороны, она запретила всякую торговлю с Францией, но воспользовалась также возможностью ограничить ввоз в Россию большого количества импортных товаров из других стран, подрывавших российскую промышленность благодаря либеральному тарифу 1782 г. Составленный в 1795 г. тариф должен был вводиться с 1 января 1797 г., но был пересмотрен. В 1796 г. пошлины вновь стали взиматься ефимками, были отменены льготы как русским, так и иностранным купцам.

Тариф 1797 г. практически повторил положение 1792 г. с небольшим повышением пошлин на некоторые иностранные товары, которые составили с пуда персидского шелка сырца 16 руб. 32 коп., с китайского шелка сырца 40 руб. 80 коп.

Е. И. Майзик, А. С. Вдовин

**«Сибиряк не из тех людей,
которые принимают за библейскую истину рекламу»: торговля в Енисейской губернии глазами иностранных путешественников в конце XIX — начале XX в.**

Во второй половине XIX в. Енисейская губерния в экономическом плане являлась молодым и перспективным регионом. Основными рычагами ее освоения были развитие путей сообщения и привлечение иностранных капиталов, поэтому важной стороной жизни общества являлись торговые отношения. На торговлю не могли не обратить внимания иностранные путешественники, посещавшие губернию. Свои впечатления они оставили на страницах путевых заметок и воспоминаний, в том числе и в специальных работах, посвященных экономике Сибири.

Коммерческие вопросы Енисейской губернии интересовали иностранцев в рамках освоения Северного морского пути. Англичане отмечали, что противники беспешинной торговли таким образом воспринимали ее как опасность, которая могла нарушить фискальную политику. Но сторонники движения за свободную торговлю основывались на лишениях населения из-за высоких цен на товары первой необходимости. Они приводили факты, что соль, кирпичный чай, сахар в Енисейской губернии часто поднимались до запредельных цифр и были недоступны для большей части населения.

В 1890 г. участие в коммерческой морской экспедиции принял британский журналист Д. Прайс. В Енисейске его внимание привлек базар с множеством повозок и увлеченных крестьян при полном отсутствии лавок. Даже магазины были с трудом узнаваемы, так как в витринах не было товаров, а только таблички, свидетельствующие об их наличии. В губернском центре все обстояло иначе. «В Красноярске некоторые английские товары получают гораздо быстрее, чем в Париже», — писал французский профессор Ж. Легра, посетивший Енисейскую губернию в

1897 г. Сибирские купцы доставляли товары долгим путем из европейской части страны, а английские товары получали напрямую через Северный морской путь.

Еще одна коммерческая сторона, привлекавшая иностранцев в Сибирь, связана с золотодобычей, которая активно влияла на развитие торговли и стимулировала массовый приток товаров извне.

Для изучения золотопромышленности британец Р. Джефферсон в 1896–1897 гг. путешествовал по Сибири. Он оценил дешевизну продовольствия, особенно отметил Минусинский округ, где цены на хлеб, мясо, яйца, сено были намного ниже, чем в других частях Сибири. Англичанин увидел здесь коммерческие возможности, отметив и трудности: «Это страна, в которой предрассудки стоят превыше всего, и переубедить их почти невозможно. Сибиряк не из тех людей, которые принимают за библейскую истину рекламу, что такая-то кирка или такая-то машина лучше орудий, которыми пользовался его дед. Он хочет, чтобы вы пошли туда и реальным трудом продемонстрировали, что ваш инструмент лучше его, и тогда он его купит».

Всесторонне с экономической точки зрения исследовал Сибирь французский экономист К. Оланьон. Свои наблюдения он представил в книге «Сибирь и ее экономическая будущность», где собраны подробные сведения о местности, способах передвижения, ценах, занятиях жителей, производствах, даны названия банков и ведущих торговых компаний. В экономическом отношении он выделил Восточную Сибирь как более независимую территорию, открытую для торговли иностранцам и русским.

В 1910 г. губернию посетил М. Прайс, отметив, что экономическое влияние Европы проникает в Центральную Сибирь именно через Красноярск, где промышленность с Запада со временем будет иметь свой центр. Однако это зависит от двух основных факторов: скорость переселения и развитие транспортных путей.

Развитием путей сообщения занимался норвежский консул в Сибири Й. Лид. Ему удалось реализовать некоторые идеи своих предшественников. В 1911 г. он организовал выставку британских товаров в Красноярске, представив большое количество разнообразных консервов. Богатые купцы пробовали их с напит-

ками и соусами из Ворчестера и Йоркшира. Но больший интерес произвели выставочные стенды с инженерным оборудованием и инструментами, недоступными тогда даже в Германии. Внимание золотопромышленников захватили драги для добычи золота, представленные чертежами последних моделей вместе с ценами на их доставку. Многое демонстрировалось с целью произвести впечатление и обратить внимание на возможности Северного морского пути.

Через два года для развития коммерческих связей с Сибирью Й. Лид сделал более значимый рекламный ход. В 1913 г. он пригласил к участию в экспедиции полярного исследователя Ф. Нансена. В Красноярске Нансен представил план судоходства через Карское море в устье Енисея. Этот визит произвел большое впечатление на общественность и представителей власти, принимавших путешественника как дорогого гостя.

Интерес иностранных путешественников к торговым вопросам Енисейской губернии в конце XIX — начале XX в. был вызван развитием коммерческих отношений региона с Европой, популяризацией путей сообщения, выгодными условиями экономической деятельности. Европейцы пророчили региону экономическое развитие и верили в успешное будущее регулярной морской коммерческой связи между Сибирью и Европой.

И. В. Маслова

**«Вести себя обязуюсь честно и добропорядочно»:
трудовая повседневность купеческих приказчиков
в Российской империи во второй половине XIX в.**

Важнейшей характеристикой трудовой повседневности российских коммерсантов второй половины XIX в. является система трудовых отношений между купцами и их приказчиками, включающая правовые аспекты заключения трудовых контрактов, виды юридической ответственности приказчиков, систему коммуникативных практик между хозяином и служащим, условия труда и отдыха.

Купец не мог справиться со всеми коммерческими делами только силами членов своей семьи, поэтому большинство предпринимателей использовали наемных приказчиков, лавочных сидельцев, а также так называемых «мальчиков» — подростков, которых родители или родственники отдавали в услужение для приобретения практических навыков коммерческой деятельности. При благоприятных обстоятельствах был возможен социальный лифт от «мальчика» до приказчика и даже управляющего. Нередки были случаи, когда приказчики, получив практические навыки ведения коммерческого дела, сами переходили в купечество.

Согласно российскому законодательству приказчиком назывался всякий, кто управлял торговыми делами своего хозяина или исполнял его поручения в течение определенного времени. Приказчики делились на два класса: к первому принадлежали главные приказчики, ко второму — их помощники и другие торговые служащие.

Свидетельством того, что взаимоотношения купцов и их служащих в большинстве случаев строились на основе взаимной выгоды и уважения служат договоры о найме приказчиков купцами, отложившиеся в фондах городских управ государственных областных архивов. В договорах оговаривался срок найма, де-

тально прописывались обязанности приказчика и даже включались морально-этические правила, которым должен был следовать нанимающийся на службу приказчик: «вести себя обязуюсь честно и добропорядочно». Купцы поддерживали и заботились о приказчиках, работавших на них в городах и селениях. С ними была связана их предпринимательская деятельность. Заметим, что приказчики крупных предпринимателей могли представлять их интересы в разных городах Российской империи, а не только по месту взятия гильдейского свидетельства хозяина.

Приказчикам запрещалось брать на реализацию товар без согласия своего нанимателя. Они могли осуществлять торговлю только теми товарами, которыми торговал хозяин. В противном случае с приказчиков взыскивался штраф в городскую казну. Иногда по условиям договора о найме на приказчиков возлагалась ответственность за коммерческие риски, возникающие в процессе транспортировки и реализации товаров и услуг. Особенно часто подобные ситуации возникали в сфере чайной торговли, когда крупные партии чая из Кяхты через всю страну доставлялись в центральные регионы.

Система социальной поддержки приказчиков со стороны купцов включала разнообразные формы: от поощрений в виде подарков и повышения жалования, помощи в тяжелых жизненных ситуациях, до предоставления льгот на покупку товаров, помощи в оплате обучения детей, предоставления жилья.

Исторические сюжеты, иллюстрирующие выход трудовых отношений между купцами и приказчикам за рамки принятых норм поведения позволяют исследовать ситуации девиации в трудовой сфере. К таким сюжетам следует отнести случаи, когда приказчики, нарушая распоряжение своего хозяина, реализовывали товары по завышенным ценам, оставляя прибыль себе. Случалось, что приказчики заключали подряды на разгрузку, погрузку или перевозку товаров по одной цене, а хозяину предоставляли документы на подряд по завышенным ценам. Такие случаи подрывали авторитет купцов, от имени которых действовали приказчики.

В целом трудовая повседневность купеческих приказчиков, рассмотренная на основе принципов социальной истории через

призму микроисторических исследований, позволяет дополнить картину мира предпринимателей XIX в.

Исторический анализ опыта конкретных акторов (приказчиков, купцов, управляющих) в социокультурном контексте позволяет изучать практики взаимоотношений коммерсантов и их служащих, которые развивались в рамках конкретных хозяйственных и торгово-финансовых институтов, в соответствии с их нормами и ограничениями, но они, в свою очередь, оказывали влияние и становились источниками изменений этих институтов.

А. М. Мельник, И. А. Поляков, М. А. Смирнова

**Дневник М. И. Мяздрикова как источник
по истории цен в Муроме в 1839–1878 гг. ***

Одной из ключевых проблем экономической истории России Нового времени является вопрос о ценообразовании и ценах. На сегодняшний момент сведения о стоимости основных продуктов питания и товаров обобщены в монографиях (прежде всего, в трудах Т. М. Китаниной и Б. Н. Морозова, посвященных хлебным ценам), основанных на данных дореволюционной статистики и анализе обширного архивного материала.

Как правило, источники личного происхождения — воспоминания и дневники — привлекаются специалистами для изучения экономических процессов гораздо реже в силу не только своей субъективности, но и фрагментарности сведений о ценах, сложности их поиска в тексте в сравнении со статистическими данными. Однако среди памятников автобиографического жанра есть примеры особенно информативных источников, прежде всего — купеческие «записки». Одно из таких произведений, недавно введенное в научный оборот, — дневник муромского купца М. И. Мяздрикова. Памятник сохранился в собрании ростовского коллекционера А. А. Титова в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ. Ф. 775. № 4970) и представляет собой рукопись форматом «в четверку» и объемом в 339 листов без начала и окончания. Она была обнаружена авторами настоящего доклада в ходе сплошного просмотра собраний ОР РНБ в 2019 г. и в недавнем времени атрибутирована М. А. Смирновой.

Результаты предварительного изучения дневника позволяют утверждать, что его автором является муромский купец Михаил Иванович Мяздриков (1816 — не ранее 1878), записи же охваты-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (№ 21-78-00072).

вают почти сорок лет — 1839–1878 гг. Помимо несомненной значимости памятника как образца купеческого автобиографического жанра, сборника сведений о муромской погоде и городских событиях, отметим его важность как источника сведений о ценах.

Автор записывал стоимость основных продуктов питания и товаров с завидной частотой: для некоторых наименований — раз в две недели, для других — раз в месяц. Отчасти это было вызвано практической необходимостью — Мяздриков торговал выращенными в его садах и огородах яблоками, огурцами, смородиной, а также овчиной. Судя по тексту памятника, торговля осуществлялась им круглогодично (или сезонно) в выстроенной по Нижегородской улице лавке, а также на Муромской и Нижегородской ярмарках.

Среди продуктов, цены на которые регулярно записаны в дневнике, мука ржаная, овес, рожь, пшено, горох, яйца, сливочное масло, белые грибы, лещи, судаки, севрюга, телятина, говядина, баранина, свинина, яблоки, огурцы и т. д. Из товаров отмечалась стоимость сена, дров березовых и сосновых, семян, рассады. Наиболее часто автор записывал цену на ржаную муку — в интервале от одного дня до полутора месяцев, также отмечал изменения цен — их повышение или понижение. Анализ этих сообщений дает возможность не только получить сведения о стоимости продуктов и товаров, но также сделать наблюдения о движении цен в указанном регионе.

Отдельный аспект работы с памятником связан с тем, что в большей части записей автор не указывал в какой денежной единице приведена стоимость товаров. Несложные подсчеты показали, что он по инерции продолжал указывать цены в ассигнациях даже после денежной реформы Е. Ф. Канкринна, упразднившей их. Записи в дневнике были начаты в 1839 г., что совпадает с введением фиксированного курса соотношения ассигнационного рубля к серебряному (3,5:1). Это несколько упрощает работу с памятником. В меньшей части записей Мяздриков сообщал, что цены указаны в рублях и копейках серебром. Важно отметить, что цены в рублях серебром эпизодически встречаются с 1857 г. и далее перемешаны с ценами в ассигнационных рублях, что значительно затрудняет их разграничение.

Представляется, что основным инструментом работы со сведениями дневника Мяздрикова станет обобщение цен в динамические таблицы и их дальнейшее сопоставление с данными официальной статистики, архивными материалами и результатами исследований, отраженными в работах отечественных историков и экономистов.

В. П. Микитюк

Екатеринбургские торгово-промышленные фирмы второй половины XIX — начала XX в.

Статья посвящена исследованию процесса создания екатеринбургскими предпринимателями торгово-промышленных фирм и изучению их типологии (товарищества полные и на вере, акционерные общества). Основное внимание уделяется торговым фирмам, а также компаниям, оперировавшим в негорнозаводских отраслях уральской промышленности. Семейно-паевые товарищества, в большом количестве созданные екатеринбургскими купцами-золотопромышленниками, в данной статье не рассматриваются. Количество пайщиков в этих фирмах постоянно менялось, именно по этой причине часто трансформировались и названия золотопромышленных фирм. Установить количественные параметры этого процесса крайне сложно из-за плохой сохранности архивных документов.

В XVIII столетии и большую часть XIX в. в Екатеринбурге и его узде де-факто действовало значительное количество различных фирм, созданных местными предпринимателями. Как правило, эти фирмы носили семейный характер и не имели юридически оформленного статуса. Ситуация в данной области стала постепенно меняться в самом начале 1850-х годов. В декабре 1850 г. был создан первый в истории Екатеринбурга торговый дом, образованный наследниками купца-золотопромышленника Я. М. Рязанова.

После ликвидации торгового дома «Якима Рязановы сыновья» длительное время новых подобных фирм не возникало. Лишь в последней четверти XIX в. число полных товариществ и товариществ на вере стало медленно расти. В 1882 г. был учрежден торговый дом «Братья Злоказовы», в 1883 г. возник торговый дом «Братья Агафуровы». В 1890-е и 1900-е годы количество компаний продолжало расти: ежегодно возникало от двух до пяти фирм, преимущественно в виде полных товариществ

(«Братья Ошурковы», «Братья Береновы» и др.). Нередко количество фирм росло за счет раздела имущества между наследниками. Так, в 1902 г. наследники Ошурковых вместо одной фирмы создали две, в 1910 г. наследники Злоказовых разделили старую фирму на три новых.

Стоит отметить, что львиная доля фирм, возникших в последней четверти XIX в. и самом начале XX в., являлись семейными фирмами. За их созданием стояли члены одного семейства (братья, отец и сыновья, отец и группа наследников по мужской и женской линии). Создание фирм в этот период, как правило, было делом рук представителей среднего и крупного капитала.

В этот же период возникли первые товарищества на вере, организаторы которых не всегда были связаны кровными узами, а являлись лишь деловыми партнерами. После революции 1905–1907 гг. и особенно в начале 1910-х годов процесс фирмообразования начал набирать обороты. В этот период иногда в год в Екатеринбурге возникало более десятка новых фирм, в основном в виде товариществ на вере. Как правило, за открытием подобных фирм стоял мелкий бизнес. Нередко основной капитал новых компаний не превышал 1 тыс. руб.

В начале XX в. имели место создание местными предпринимателями одного акционерного общества («Спичечных фабрик Ворожцова и Логинова») и попытка создания еще двух акционерных фирм. Скромные результаты в этой области во многом объясняются тем, что в 1900-е годы Екатеринбург сильно пострадал от затяжной экономической депрессии.

Процесс фирмообразования в Екатеринбурге и его уезде протекал неравномерно. Зародившись в 1850 г., он набрал обороты лишь в последней четверти XIX в. и достиг значительных размеров в 1910-е годы. На первом этапе екатеринбургские предприниматели предпочитали создавать торговые дома в виде полных товариществ, на втором этапе стали преобладать товарищества на вере. Процесс создания акционерных обществ екатеринбургскими предпринимателями не достиг серьезных размеров.

Т. С. Минаева

Организация таможенного надзора в России и Швеции в первой четверти XVIII в.

В конце XVII — первой четверти XVIII в. таможенная политика как России, так и Швеции, представляла собой часть экономической политики этих стран, формировалась и изменялась под воздействием государственных потребностей. Правительства обоих государств уделяли значительное внимание сбору пошлин и борьбе с незаконным ввозом и вывозом товаров как посредством внесения изменений в таможенные правила и процедуры, так и путем реорганизации таможенных органов и изменения кадровой политики. В связи с превалированием морской внешней торговли над сухопутной российские и шведские власти прежде всего проявляли заинтересованность в организации качественного таможенного надзора в морских портах.

В начале царствования Петра I таможенный надзор осуществлялся на основании Новоторгового устава 1667 г. В законе устанавливались правила хранения, учета и транспортировки товаров, виды пошлин и порядок их взимания. Рост контрабанды и уклонения от уплаты пошлин по мере усиления протекционистской политики и развития сухопутной торговли при несовершенстве таможенной системы стали главными причинами расширения привлечения военнослужащих к таможенному делу. Стрельцы, солдаты и их командиры участвовали в проверке документов, проведении устного опроса, таможенном наблюдении, сопровождении, таможенном осмотре и досмотре, задержании нарушителей и контрабандных товаров.

31 января 1724 г. в России был принят Морской торговый регламент и устав, содержащий новые таможенные правила, которым должны были подчиняться не только гражданские, но и военные суда. В соответствии со статьей 1-й устава все суда, идущие в порт, обязывались взять на борт с брандвахты или таможенной яхты одного сопровождающего до таможи. Эта ста-

тъя стала следствием появления фактов незаконной выгрузки товаров с иноземных судов до их прихода в порт, о которых не раз упоминалось в многочисленных указах второй половины XVII в., и результатом апробирования подобной практики при Кронштадтской таможне. Абсолютно новым положением российского таможенного законодательства являлось определение на суда досмотрщиков из таможни, без которых невозможно было осуществлять погрузку или разгрузку судна.

Вслед за новыми таможенными правилами появилось распоряжение Сената о комплектовании портовых таможен служащими по найму. Однако таможни по-прежнему нуждались в помощи военнoслужаших — для организации караулов и разездов.

В Швеции береговая и пограничная охрана существовали еще с XVII в. Морскому таможенному ведомству подчинялись портовые таможни и заставы, береговая и пограничная охрана. В 1718 г. были предприняты попытки провести реорганизацию таможенной службы, включающие введение новых должностей, перемещение управляющих таможнями, упразднение корпуса береговых объездчиков. Частично эти мероприятия увенчались успехом, но в 1721 г. береговая охрана появилась снова.

Охрана побережья с целью предотвращения контрабандного ввоза товаров осуществлялась на суше и на море. Берег был разделен на районы, которые в период навигации патрулировали верховые объездчики, а в труднопроходимых местах — охраняли таможенные яхты. Деятельность всего таможенного персонала определялась регламентом Большой морской таможни 1724 г. Регламент фиксировал должностные обязанности всех таможенных служащих, включая офицеров таможенных яхт и представителей береговой и пограничной охраны.

Досмотрщикам как в шведской, так и в российской таможенной системе отводилось важное место в организации таможенного надзора, но в шведской таможенной системе досмотрщики занимались осмотром грузов уже в XVII в.

Несмотря на более высокий уровень организации деятельности шведской таможенной системы и неоднократные попытки совершенствования системы таможенного надзора в России и Швеции в первой четверти XVIII в., оба государства так и не смогли отказаться от использования военнoслужаших в его проведении.

Ю. В. Митлина

Производство и реклама какао как продукта для здоровья на российском рынке в конце XIX — начале XX в.

В последней четверти XIX в. в Российской империи происходило развитие гигиены как отдельной отрасли науки. В связи с этим у российского потребителя возрос интерес к еде не только как к питательному и вкусовому веществу, но и как к «искусству сохранения здоровья». Появились многочисленные труды на тему «как есть, пить и спать», чтобы поддержать свое здоровье, восстановить организм после болезни и т. д. На такой запрос потребителей откликнулась пищевая промышленность и торговля, меняя фокус своей деятельности, а рекламные тексты о продуктах уверяли потребителей не только в доброкачественности изделий и их невысокой цене, но и о их пользе для здоровья.

Именно в этом ключе развивались производство и продажа популярного в Российской империи конца XIX в. продукта — какао. Только в 1886 г. в Россию было привезено 486 000 пудов какао на сумму 6 449 600 руб., и это при том, что какао в шелухе в стране в основном «не употреблялось как напиток, а только как лакомство».

Наибольшую популярность приобрело в конце XIX в. какао, произведенное по голландскому образцу и широко разрекламированное не совсем этичным способом Ван-Гутеном. Отличительной особенностью и преимуществом данного какао была хорошая растворимость порошка в воде, что в свою очередь не требовало его варки и экономило время хозяек.

Реклама какао в конце XIX в. содержала практические рекомендации при использовании продукта в укреплении здоровья, помощи больным и выздоравливающим, превознося буквально «чудодейственные» свойства того или иного сорта какао. При этом в духе времени приводились заключения экспертов — ученых-химиков, и итоги их исследований. Тексты таких книг

были выдержаны в научно-популярном стиле, содержали различную химико-фармакологическую терминологию и т. д.

Для привлечения внимания потребителей фирмы придумывали не только оригинальные рецепты, но и не менее оригинальные названия. Чтобы подчеркнуть лечебные свойства какао, продавали так называемый «аптекарский» какао. Разумеется, его продавали только в аптекарских магазинах и стоил он немало (около 60 коп. за ½ фунта). Особенностью данного вида какао было большое количество минеральных веществ. Правда, при более тщательной проверке выяснялось, что под минеральными веществами подразумевалось наличие в какао глины (более 5 % от веса), что считалось грубой фальсификацией на предмет искусственного увеличения веса весьма ценного продукта в целях уменьшения его себестоимости.

Для любителей чего-то необычного в продаже на рынке столичных городов Российской империи был желудковый какао доктора Михаэлиса (фабрики бр. Штолькверк в Кельне) или говяжий какао фирмы «Москера» (лаборатории Парк, Дэвис и К°, США). Мясное (говяжье) какао Москера, по заверениям производителей, представляло из себя смесь пептонизированного мяса, порошка голландского мяса и сахара. При этом при приготовлении какао вкус мяса совсем не ощущался. Говяжье какао следовало применять при выздоровлении от тяжелых болезней.

Все эти виды какао рекламировались как лечебные, обладающие восстанавливающими организм свойствами и эксклюзивным способом обработки какао-бобов. Однако при тщательном исследовании заявленные свойства не подтверждались.

Стремление потребителя к приобретению особого, уникального для здоровья продукта, способствовало появлению на торговом рынке крупных городов Российской империи в конце XIX — начале XX в. необычных видов какао. Фабриканты старались посредством рекламы воздействовать не только на чувства покупателей, но и на их разум, издавая псевдонаучные брошюры.

Мировая тенденция подмеси к порошку какао крахмала, крупчатой или маисовой муки, желатина, глюкозы и т. д. затронула и российский рынок. Изготавливая дешевые сорта какао, российские производители окрашивали порошок в «натураль-

ный цвет» красной охрой. Добавление к составу какао «особых» ингредиентов способствовало, как правило, лишь ухудшению качества продукта, приводя к ситуации, когда «успехи химии вызвали огромную область фальсификаций, отравляющей человечество».

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. на фоне роста спроса на продукты, способствующие поддержанию и укреплению здоровья, рынок производства и продажи какао характеризуется следующими параметрами: упор на использование при производстве какао «особых» (эксклюзивных) ингредиентов, широкомасштабная научная поддержка продаж с помощью рекламных брошюр с результатами исследований качества продукта зарубежными учеными. Для акцента на лечебные свойства товара его в отдельных случаях продавали в аптекарских магазинах.

О. В. Морева

Уральские купцы — книготорговцы

Обращение уральского купечества к книгопродавческой деятельности происходило по мере развития этой сферы торговли с конца XVIII в. С увеличением рынка книжной продукции и ростом численности читающей публики возникла необходимость распространения книг и в отдаленных провинциях. Промышленное освоение Урала способствовало увеличению спроса на книги, купечество реагировало на этот интерес. Начав с индивидуальных заказов и торговли книг на ярмарках и в мелочных лавках, со второй половины XIX в. уральские купцы переходят на стационарную книжную торговлю, совмещая ее с другой коммерческой деятельностью или делая ее единственной сферой своего бизнеса.

Одним из первых книгопродавцев в Екатеринбурге можно назвать купца 3-й гильдии Федора Яковлевича Логинова. Из дневника протоиерея Екатеринбургской соборной церкви Федора Львовича Карпинского (1758–1831) известно, что лавка Логинова находилась на рынке и благодаря ей священник получал книги. Была ли это книжная лавка или же книги привозились по заказам горожан — неизвестно. Но судя по дневниковым записям 1798 г., Логинов торговал кроме книг еще «лентами, вином, ножами и ножницами». Круг чтения протоиерея Карпинского был очень разнообразным: художественные и исторические сочинения, а также труды по философии, медицине, ветеринарии, географии и пр. Такой широкий ассортимент был представлен в лавке Логинова.

Л. А. Ситников в статье, посвященной чтению екатеринбургского священника, высказал предположение, что Логинов не только продавал книги, но давал читать их за плату, то есть был владельцем «кабинета для чтения». «Екатеринбургский книголюб», как назвал Карпинского Ситников, читал книжные новинки в год их выхода из печати. Так, например, было с «Полным

латинским Геснеровым лексиконом» (Москва, 1796–1798), который был отослан «сыну в Пермскую семинарию» в ноябре 1798 г.

Большая часть книг, упомянутых в дневнике Карпинского, была издана в 1790-е годы (дневник велся в 1798–1799 гг.), что свидетельствует о хорошо налаженных путях доставки книжной продукции из столичных магазинов. У Логинова было две лавки в екатеринбургском гостином дворе, одна из них ранее принадлежала Антипу Глазунову. Возможно, это был представитель книгопродавческой купеческой фамилии Глазуновых, которые вели книжную торговлю в Москве и Санкт-Петербурге начиная с 1780-х годов. Это обстоятельство может объяснить широкий ассортимент книжных новинок в лавке Логинова.

Уральцам были доступны книжные новинки, о чем известно благодаря записям на книгах, сохранившихся в отделе редких книг Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского. Например, второй том третьего издания «Сочинений» Н. М. Карамзина (Москва, 1820) был куплен Николаем Блохиным в 1822 г., о чем свидетельствует наклейка на форзаце. Блохины — известный купеческий род на Урале. С конца 1860-х годов действовали библиотека, печатня и книжный магазин, принадлежавшие купцу и известному культурному деятелю Уфы Николаю Кондратьевичу Блохину. Два поколения представительниц этой разветвленной фамилии занимались специализированной книжной торговлей в Екатеринбурге. Книжный магазин Марии Дементьевны Блохиной размещал рекламу книжных новинок на страницах «Екатеринбургской недели» в 1880–1890-е годы, а в начале XX в. семейным бизнесом занималась ее дочь Валентина Васильевна.

Н. В. Остроумова-Сигова из семьи пермского купца 1-й гильдии В. В. Котомина в начале 1890-х годов была владелицей букинистического магазина и общедоступной библиотеки. Книги со штампом «Книжная торговля “Букинист” и “Общедоступная библиотека” Н. В. Остроумовой в Екатеринбурге, Пермской губернии» и реклама в местной прессе — источник для изучения этого коммерческо-просветительского проекта под руководством женщины из купеческого сословия. Надежда Васильевна была известной журналисткой, состояла в переписке с Н. К. Михайловским (1842–1904), именно он посоветовал ей со-

вместить книготорговое предприятие с общедоступной библиотекой, по примеру подобных петербургских предприятий.

Участие представителей купеческого сословия в книгопродавческой деятельности на Урале не исчерпывается вышеприведенными примерами, они лишь характеризуют ее становление и развитие. Важно отметить, что купцы, их дочери и жены активно участвовали в этой сфере бизнеса, вкладывая свои капиталы, развивая книжный рынок, способствуя тем самым развитию книжной культуры в провинции.

В. В. Морозан

**Участие торгово-промышленных фирм
в мощении петербургских улиц в XVIII — начале XX в.**

Основанный в 1703 г. Санкт-Петербург долгое время жил в условиях бездорожья. Неблагоприятные климатические условия и болотистая местность приносили первым жителям города многочисленные трудности, которые горожане устранить сами не могли. Лишь перелом в ходе Северной войны в пользу России позволил Петру I уделять Петербургу больше внимания, в частности, его улицам. Начиная с 1710 г. городские дороги стали покрываться необработанными камнями или деревянными настилами. В последующие десятилетия городские власти хотя и предпринимали усилия по обустройству уличной сети города, перемены наблюдались лишь в центральной части столицы. Лишь начиная с царствования Елизаветы Петровны горожане стали замечать успехи властей в деле обустройства как общей городской среды, так и уличных мостовых. Впрочем, большая часть улиц на протяжении всего XVIII в. продолжала оставаться без дорожного покрытия. К обустроенным улицам можно было отнести лишь те, которые располагались в центральной части города: Невский проспект, Миллионная, Шпалерная, Захарьевская, Фурштатская, Сергиевская и другие дорожные артерии. Главные магистрали столицы были вымощены только к концу 1780-х годов. По словам М. И. Пыляева, «мощение главных петербургских улиц было окончено только в 1787 году. Тротуары же из каменных плит начали настилать, как и обставлять их чугунными тумбами, только в 1817 году...; до этого времени на главных улицах лежали узкие деревянные мостки».

Заметные перемены стали наблюдаться в 1820–1830-е годы, когда улучшались не только традиционные методы покрытия мостовых, но и внедрялись новые материалы дорожной одежды. В указанное время иным образом стали покрывать улицы древесиной, применяя торцовый способ укладки отдельных брусков,

расположенных торцами вверх. Одним из новаторов в этом деле стал инженер В. П. Гурьев, методом которого петербургские власти воспользовались в 1832 г., уложив деревянными шашками мостовую Невского проспекта от Адмиралтейства до набережной р. Фонтанки. Примечательно, что в те же годы в Петербурге стали проводиться опыты по асфальтированию больших участков мостовых. Впервые в столице империи этот способ был осуществлен в 1830-е годы.

Успехи применения асфальта в Западной Европе становились все очевидней, убеждая российских предпринимателей в возможности широкого применения этого материала в строительной и дорожной сферах. При этом в Европе считалось, что асфальт в дорожном деле можно использовать лишь в тех местностях, где температура не опускалась ниже 12 градусов мороза. Однако вопреки этим представлениям некоторые иностранные предприниматели не отказывались от мысли развернуть асфальтовые работы в России. Такую попытку предпринял в 1871 г. представитель английской компании по асфальтированию мостовых Джордж Генри Моней. Он обратился к управляющему Министерством внутренних дел князю А. Б. Лобанову-Ростовскому с просьбой разрешить произвести асфальтирование участка от Цепного моста вдоль Летнего сада до Троицкого моста. Однако реализовать этот проект не удалось.

В начале 1870-х годов в Петербурге, Варшаве и других городах империи стали действовать отечественные фирмы, которые выполняя мелкие заказы по асфальтированию дворов и внутренних помещений, все больше совершенствовали свои методы работы. В частности, асфальтирование с 1870 г. производили торговый дом «Жданович, Цверчакевич и К^о» в Петербурге и фирма «Гонсиоровский, Цверчакевич и К^о» в Варшаве. Первая заключила контракт на содержание асфальтовой мостовой на Инженерной улице. А в 1870 г. обе фирмы совместно заасфальтировали небольшой участок в Соляном городке в Петербурге.

Работы производились также в качестве рекламных мероприятий, чтобы привлечь внимание властей на новые, более совершенные методы асфальтирования. В 1870 г. с 15 мая по 1 августа в столице проходила XIV Всероссийская мануфактурная выставка. На ней были представлены достижения отечественной

торговли, промышленности, науки и техники. Выставочные павильоны располагались в Соляном городке по набережной Фонтанки напротив Летнего сада. Для удобства посетителей городские власти решили расширить набережную Фонтанки и привести в порядок мостовую. Указанные выше фирмы решили за свой счет в виде публичного опыта покрыть эту мостовую асфальтом. При этом они предложили испытать это покрытие на прочность. Во время показательных испытаний по асфальтовой мостовой прошла пушка с лафетом Обуховского завода весом до 2000 пудов, не сделав ни трещин, ни выбоин, ни даже колеи. Загруженная фура с лошадьми провезла свободно 230 пудов по асфальтовому полотну «при относительном удобстве, спокойствия езды и сохранности экипажей и ног лошадей». Организаторы выставки высоко оценили отмеченные работы, наградив фирмы медалью. Положительное впечатление мостовая произвела и на Александра II, который посетил выставку 30 июня 1870 г. В дальнейшем в процессе асфальтирования петербургских улиц стали принимать участие и другие отечественные фирмы, среди которых были «Товарищества для производства асфальтовых работ в России», «Общества Сызранско-печерской асфальтовой и горной промышленности» и другие.

А. Р. Мустафин

**Торговля черным перцем в России
во второй половине XVII — начале XVIII в. ***

В исследовании предпринята попытка выявить и систематизировать данные о ценах на перец в России во второй половине XVII — начале XVIII в., а также проанализировать их динамику. Представленная работа основана преимущественно на материале монастырских приходо-расходных книг из фондов Российского государственного архива древних актов, Центрального государственного архива Москвы, Отдела письменных источников Государственного Исторического музея, а также ряда опубликованных источников.

Исследуемые источники показывают, что перец был одним из наиболее покупаемых в России привозных товаров. Объяснение этому можно найти в записках иностранных путешественников: россияне добавляли в еду и напитки чрезмерное количества перца. Также известно, что его широко использовали в качестве лечебного средства, а также при приготовлении икры, являвшейся одной из ключевых статей российского экспорта. При этом перец, как и многие восточные товары на российском рынке XVII в., вызывает путаницу относительного собственного происхождения. Дело в том, что хотя Россия занимала выгодное положение для торговли с Востоком, значительная часть восточных товаров привозилась в страну из Европы. Источники не позволяют исследователям дать какую-либо количественную оценку: невозможно выявить и сравнить объемы импортируемых с Востока и реэкспортируемых с Запада восточных товаров. Даже по конкретному товару за определенный год мы не можем получить необходимые и точные сведения. Поэтому для решения этой задачи приходится использовать косвенные свидетельства, в частности, анализируя динамику и географию цен. Собранный

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

нами архивный материал позволяет полагать, что обилие перца на российском рынке во многом заслуга европейских купцов.

Во-первых, наблюдается явная корреляция российских и европейских цен на перец. Для описания динамики цен на перец первичные данные выражались в граммах серебра за фунт. Полученные таким образом данные о реальных ценах позволили в полной мере описать их движение в Центрально-Нечерноземном районе (проведенный дисперсионный анализ свидетельствует о статистической значимости полученных результатов). Средняя цена перца в 1650-е годы составляла 6,08 г серебра за фунт; в 1660-е — 10,05; в 1670-е — 4,96; в 1680-е — 4,86; в 1690-е — 5,24; в 1700-е — 4,03; в 1710-е — 4,53. Полученная динамика российских цен явно соотносится с европейскими (голландскими и немецкими) ценами на перец.

Во-вторых, цены на перец имели мало общего с движением цен на товары, персидское происхождение которых не вызывает сомнений (нефть, шелк, рис); при этом заметно коррелировали с движением цен на импортируемые с Запада товары. Установить это позволяют не только выявленные архивные данные, но и построенные Ричардом Хейли графики российских цен на шелковые ткани, краски, бумагу, зеркала.

В-третьих, мы можем заметить, что цены на перец на русском Севере, как правило, были несколько ниже, чем в Центральной России. К примеру, в 1684 г. у Архангельска за фунт перца отдавали 7 коп., в Москве — 7,5 коп., а в Рязани — 10 коп. Подобные наблюдения говорят о влиянии издержек провоза и соответственно о значимой роли европейских купцов в торговле перцем в России.

Приведенные доводы говорят о том, что перец, традиционно поступавший в Россию благодаря восточным купцам, в изучаемую эпоху в основном привозился в страну европейцами. Причина этого заключается не только в том, что волжско-камский путь из-за нападений казаков был весьма опасным для восточных купцов, но и в экономической политике российского правительства, запрещавшего им напрямую торговать с приезжавшими в Россию европейскими купцами. В связи с этим армянским купцам из Персии гораздо выгоднее было отправляться с восточными товарами в Европу через Османскую империю.

Л. К. Островский

Роль предпринимателей в жизни польских городских общин Западной Сибири (1880-е годы — 1917 г.)

Первые устойчивые польские колонии в городах Сибири сформировались в 1870–1880-е годы в основном из ссыльных и их потомков. В Томске, Омске, Новониколаевске и других городах Западной Сибири поляки играли важную роль в некоторых сферах экономики, в том числе в торговле.

В Сибири национальные меньшинства выживали благодаря сплоченности, складываясь в общины и противопоставляя себя окружающему миру. Расселяясь по территории края, единоверцы поддерживали связи друг с другом, обменивались информацией.

Торговля для польских общин в Сибири стала одним из самых естественных источников существования. Для ссыльных поляков занятие предпринимательством было формой адаптации к условиям Сибири. Польские повстанцы в сибирских городах занимались торговлей и ремеслом, огородничеством, открывали колбасные мастерские и кондитерские. Нам удалось установить имена 455 польских предпринимателей, которые торговали и владели разного рода предприятиями в Западной Сибири со второй половины XIX в. по 1917 г. Большинство из них (405 чел.) вели торговлю в городах.

В городах Сибири сложились польские предпринимательские династии, наиболее известные из которых семьи винопромышленников Поклевских-Козелл и Андроновских. Из других предпринимательских династий нужно назвать семьи Печокас в Тобольске и Омске, Китшель и Кузиковских в Тобольске, Красимовичей в Кузнецке, Понганских в Новониколаевске, Лемелевич в селе Спасском Каинского уезда Томской губернии. По нашим подсчетам польские предприниматели действовали в 21 городе и 53 сельских населенных пунктах Западной Сибири. Больше всего их насчитывалось в центрах губерний и областей: в Томске — 137 чел., в Омске — 89, в Тобольске — 22. Из других городов

Западной Сибири выделяется Новониколаевск, где имелось 84 польских предпринимателя. По другим городам региона их численность такова: Тюмень — 8, Курган и Бийск — по 7, Барнаул и Ишим — по 6, Тюкалинск и Мариинск — по 5, Петропавловск — 4, Камень-на-Оби, Кузнецк, Тара, Каинск, Туринск — по 2, Березов, Нарым, Сургут, Ялуторовск — по 1. Исследователи обращают внимание, что к середине XIX в. некоторые города (Нарым, Березов, Ялуторовск, Тюкалинск) уже утратили свое прежнее торговое значение и в них проживало всего по несколько купеческих семей.

Больше всего поляков было занято разными видами торговли, таковых (без учета виноторговцев) насчитывалось 196 чел. На втором месте по численности стояли производители водки и пива. Как правило, они вели торговлю продукцией своих предприятий. Их насчитывалось 28 чел.

В конце XIX — начале XX в. поляки играли важную роль в развитии новых для Сибири видов производства и торговли. Практически во всех крупных городах Западной Сибири (Томск, Омск, Барнаул, Тюмень, Новониколаевск), а также в некоторых небольших городах (Камень-на-Оби, Мариинск) существовали колбасные мастерские, принадлежавшие польским предпринимателям; всего таких заведений по нашим данным насчитывалось 23. Владельцев промышленных предприятий, в том числе машиностроительных, было 54 чел. Довольно много было поляков среди владельцев аптек — 20 чел. Мельницами владело 9 поляков, в строительном бизнесе было занято 22 чел. (владельцы предприятий, строительно-технических контор, подрядчики). Владельцами фотосалонов в городах Западной Сибири было 15 поляков, кафе, трактиров и буфетов — 14, гостиниц и постоялых дворов — 10. Большую роль играли поляки в продаже кондитерских изделий и слесарно-механическом производстве.

Семьи польских предпринимателей, участников восстания 1863 г., являлись примером того, каким образом польская семья в Сибири может сохранить свой язык, традиции и обычаи. Польские предприниматели сыграли важную роль в формировании польской диаспоры региона. Они являлись крупнейшими меценатами, организаторами строительства костелов в сибирских городах, входили в состав римско-католических благотворительных организаций.

Т. В. Павлина

«Об именах торгующих»: годовая ведомость по Бакинскому карантинно-таможенному правлению за 1854 г.

Ключевыми показателями, характеризующими состояние и развитие внешней торговли на определенном этапе истории государства, являются внешнеторговый оборот, стоимостные и физические объемы, географическая и товарная структура экспорта и импорта, их соотношение. Не менее важным показателем служит состав участников внешнеторговых операций, который помогает выявить различные их категории, экономические интересы, потенциал и роль в обеспечении связей национальной экономики с мировым рынком.

Анализ вышеназванных данных в совокупности и динамике позволяет оценивать эффективность мер государственно-правового регулирования внешней торговли на разных этапах истории страны, в том числе, в региональном разрезе.

Комплекс необходимых для такого анализа сведений содержит делопроизводственная документация таможенных учреждений, о ценности которой неоднократно говорилось в литературе. Вместе с тем, наряду с уже хорошо изученными видами таможенных документов (например, таможенными книгами XVII–XVIII вв.) имеются и такие, которые на сегодняшний момент не удостоились еще внимания исследователей.

В нашей работе мы охарактеризуем один из таких источников, дающий наглядное представление о состоянии внешнеторговой деятельности на одном из ключевых участков азиатской границы Российской империи с ее традиционным восточным партнером — Персией.

Данное направление в силу его ощутимого влияния на интересы русской промышленности и острой торговой конкуренции с Англией в ближневосточном регионе было объектом пристального внимания российского правительства на протяжении всего XIX в. Рассматриваемый нами документ позволяет полу-

чить срез данных о ситуации, сложившейся здесь в середине столетия после отхода в 1846 г. от жесткого протекционистского курса и реализации иных мер, направленных на стимулирование торговли в Закавказском крае.

Полное название документа: «Годовая ведомость об именах торгующих по Бакинскому карантинно-таможенному правлению за 1854 год». Она датирована 31 января 1855 г. и адресована Департаменту внешней торговли Министерства финансов России, в фонде которого и хранится в настоящее время в Российском государственном историческом архиве.

Ведомость представляет собой рукописную таблицу, содержащую три графы: «Имена и фамилии купцов», «Привоз» и «Отвоз» (с подразделами «Товаров», «Монеты золотой», «Монеты серебряной»). Включенные в эти графы сведения дают представление о круге лиц, зарегистрировавших явки в таможенных учреждениях Бакинского карантинно-таможенного правления, стоимости товаров и валюты, перемещенных каждым из них из России в Персию и в обратном направлении в 1854 г.

Всего в таблицу внесены данные о 498 купцах. Они разделены на две категории: российские и иностранные подданные. При этом первая категория составляет подавляющее большинство, включая 421 лицо.

Внутри каждой категории данные о купцах сгруппированы по населенным пунктам, из которых они прибыли. Всего представлено 29 пунктов: 15 пунктов в категории российских подданных, 14 пунктов — в категории иностранных подданных (здесь, помимо 13 персидских городов, фигурирует европейский Неаполь).

Характерной особенностью является указание в ведомости на национальность и вероисповедание российских подданных, представляющих населенные пункты Закавказья. При этом армяне (как, очевидно, представители христианской веры) и мусульмане перечислены раздельно. Так, в данных по Баку значатся поименно 20 «бакинских армян» и 285 «бакинских мусульман», по Шемахе — 7 и 30 соответственно.

Безусловными лидерами среди всех населенных пунктов (более 60 % от общего числа торговцев) являются жители Баку, а именно, мусульманские купцы. Удельный вес их в торговых

операциях еще значительнее: более 75 % приходится на них по стоимости привозных товаров, около 90 % — по суммам вывозимой в Персию валюты. За ними (но с большим отрывом) следуют армянские купцы из Шуши и Шемахи. Роль же персидских купцов в местных торговых операциях весьма скромна: 16 % от общей стоимости товаров принадлежит им при привозе их в Россию и лишь 5 % при вывозе в Персию.

Полученные данные позволяют уточнить и дополнить сведения, имеющиеся в литературе по данному периоду и региону (например, в диссертационной работе М. А. Мусаева о торговле Баку в XIX в.).

В целом высоко оценивая репрезентативность анализируемого источника, считаем необходимым привлекать к исследованию состава участников внешней торговли в рассматриваемом регионе и иные материалы. В частности, регулярно публикуемые в середине XIX в. в газете «Кавказ» объявления о реализации конфискованных контрабандных товаров (в том числе Бакинским карантинно-таможенным правлением) дают основания полагать, что далеко не все лица выбирали здесь законный путь совершения внешнеторговых операций, ввиду чего не фиксировались в соответствующих годовых ведомостях таможенных учреждений.

В. А. Паршуков

Недостатки в работе торговых бань Красноярска в начале XX в.

Торговыми банями в России назывались платные бани общего пользования. В Красноярске по состоянию на 1 октября 1911 г. имелось 12 торговых бань. В черте старого города были бани: Ковского, Мельникова, Розеншток — на Песочной ул., баня Гринберга — на Ново-Кузнечной ул., Борисова — на Почтамтском переулке, Любенецкого — на Больше-Качинской ул. В Николаевской слободе имелись две торговые бани, собственниками которых были Речмедиллов и Флейшер. В районе реки Качи стояли бани: Либмана — на Мало-Качинской ул., Мучника — по Батальонному переулку, Тересина — по Покровскому переулку. В Закачинской слободе имелась одна баня — Гинценгера.

Многие из этих бань были построены десятки лет назад и не соответствовали новым требованиям. Так, баня Либмана насчитывала со дня открытия 50 лет, Гринберга и Борисова — около 30 лет, Тересина и Мельникова — около 24 лет. Остальные бани были открыты сравнительно недавно: Мучника — в 1900 г., Речмедилова — в 1903 г., Ковского, Флейшера, Розеншток — с 1906 по 1908 г., Гинценгера — в 1910 г.

Большинство бань располагалось в одноэтажных каменных зданиях, бани Розеншток и Речмедилова находились в двухэтажных каменных зданиях.

Максимальное число номеров в торговых банях было у Ковского — 23 номера, минимальное — 7 номеров — у Гинценгера. Во всех 12 банях было 174 номера.

Кроме отдельных номеров, общие отделения имелись только в пяти банях. «Из них до некоторой степени своему назначению отвечают общие отделения при бане Гринберга (объем раздевальной и мыльной около 14 куб. сажень, парильной — около 8). Другие же бани (Тересина, Мучника, Либмана и Речмедилова) под общие отделения эксплуатируют обычные, несколько

больших размеров номера... По заявлению Речмедилова в общее отделение его бани собирается до 10 человек».

Пользование номером в течение одного часа оценивалось в 30 коп., но почти все бани имели и более дорогие номера: в 1 руб., 75 коп. и 50 коп. Разница номеров сводилась исключительно к чистоте их содержания. Оцениваемых свыше 30 коп. по всем баням имелся 61 номер, что составляло 35 %. Плата за пользование общим отделением во всех банях составляла 10 коп.

Несмотря на такие немалые по тем временам деньги в работе торговых бань и качестве обслуживания посетителей имелись недостатки.

Проверка температуры воздуха показала, что «для парильных комнат средняя температура была 53, а для раздевален — 35,5 градуса по Цельсию. Максимальная температура в парильной комнате встретила в бане Либмана — 78 и Ковского — 66 градусов. А минимальная — в номерах Борисова — 40, и бане Мельникова — 36 градусов».

Из-за неудовлетворительного содержания открытых стоков и грязных труб, по которым уходила отработанная вода, в некоторых номерах стоял удушливый запах. Большинство бань в парильных не имели никакой вентиляции. У Флейшера многие вентиляционные отверстия не действовали, являясь лишь украшением. Достаточная вентиляция отмечена только в банях Любенецкого, Ковского, Мельникова и Борисова.

В банях Флейшера, Гинценгера, Речмедилова и Мучника «ожидательные комнаты устроены у входных дверей, поэтому зимой холодный воздух неминуемо обдаёт посетителей. Теплые уборные имеются в банях Гринберга, Любенецкого, Ковского, Либмана, Тересина, Борисова и Речмедилова». Причем у последних двух они существовали лишь для санитарного надзора, посетители ими не пользовались. В остальных банях уборные находились во дворе, а у Флейшера их вообще не было. В некоторых банях имелось неряшливое содержание предметов по убранству номеров, а полным отсутствием какого-либо убранства отличалась баня Гинценгера.

Химический анализ воды в банях показал, что «для технических целей годна лишь вода» в бане Флейшера, а «остальные воды должны быть отнесены к разряду плохих». Вода у Тереси-

на была на вид мутная, у Речмедилова видны взвешенные частицы, у Мучника вода окрашена в желтоватый цвет.

В некоторых банях был отмечен неряшливый вид прислуги. Общее количество прислуги как мужчин, так и женщин во всех банях было 44 человека. Однако из-за низкой зарплаты (от 17 до 22 руб. у мужчин и от 3 до 15 руб. у женщин) и продолжительного рабочего дня (в среднем с 6 часов утра до 11 часов вечера) имелась большая текучесть кадров.

Таким образом, в работе торговых бань в Красноярске имелись многочисленные недостатки. Несмотря на это приблизительно средняя годовая посещаемость бань составляла от 15 тыс. (у Мельникова) до 38 тыс. (у Ковского). Можно сделать вывод, что у посетителей просто не было большего выбора.

Неудовлетворительное состояние торговых бань в Красноярске побудило городской санитарный надзор провести в них всестороннее обследование, по результатам которого были изменены действующие обязательные постановления, регламентирующие устройство и содержание бань.

В. Б. Перхавко

Отношение русского купечества к деяниям Петра I (XVIII — начало XX в.)

Русское купечество, как и другие податные слои населения России, в полной мере ощутило тяжесть налогов и повинностей, а также регламентации торгово-экономической жизни и принудительных переселений в период петровских реформ. Отдельные его представители выступали открыто против внутренней политики царя-реформатора, что проявилось, в частности, во время восстания в Астрахани в 1705–1706 гг. Вместе с тем, ряд «купецких людей» (И. Исаев, М. Сердюков и др.) возвысились при Петре I на торгово-экономическом и административном поприще. Широкую известность получили «прожекты» И. Т. Посошкова и его «Книга о скудости и богатстве». Московское купечество участвовало в строительстве триумфальных арок в ознаменование побед русского оружия в Северной войне.

Личность Петра Великого привлекала внимание просвещенных представителей купеческого сословия и после 1725 г. Его деяния отразились и в 30-томном историческом сочинении И. И. Голикова, и в книге гатчинского купца Г. И. Зубчанинова (1812 г.). Иждивением петербургского коммерсанта Сергея Копнина и иркутского купца Ивана Байбородина в 1774 г. в типографии Академии наук было напечатано двухтомное сочинение Орфелия Захариейса «Житие и славные дела Петра Великого». В купеческих мемуарах и переписке (В. Н. Баснина, И. А. Толченова и др.) отразились восторженные впечатления от осмотра петровских памятников Петербурга.

По мере зарождения в России ростков гражданского общества инициаторами монументальной коммеморации петровской эпохи стали выступать частные лица. Два памятника Петру I были сооружены купцами М. Сафроновым в Лодейном Поле (1833 г.) и П. Небученовым в Липецке (1839 г.). Купечество внесло значительный вклад и в сбор народных пожертвований для

создания других монументов, посвященных первому российскому императору. Среди столичного и провинциального купечества имелось немало любознательных людей, не ограничивавших свои интересы только бизнесом, но и проявлявших внимание к историко-культурному наследию России, в том числе и к петровской эпохе.

И. А. Поляков

**К вопросу о развитии брачных связей
между правящей и торговой элитами Русского государства
второй половины XVII в.
(случай князя Ф. Г. Ромодановского) ***

История правящей элиты Русского государства XVII в. является одной из важных и актуальных тем в современной историографии. В этот период происходит процесс трансформации княжеско-боярской аристократии предшествующего времени в новую придворную элиту, ставшую опорой российской государственности в последующие столетия. Он выражался в увеличении родственных и придворных связей при построении служебной карьеры, пополнении боярской элиты представителями новых родов, часто происходивших из других социальных групп, расширении сферы влияния и обязанностей царедворцев, появлении разнообразных стратегий поведения. Начавшиеся в конце XVI — начале XVII в. изменения стали базисом, который позволил императору Петру Великому осуществить коренные реформы в русском обществе и открыть новую главу в истории Русского государства.

Одним из методов укрепления влияния при дворе и материального положения являлась брачная политика. В изменившихся после Смутного времени условиях часть родов старой княжеско-боярской аристократии вынуждена была организовывать брачные союзы с представителями приказной элиты и неродовитыми фамилиями из московских чинов и служилого города, сумевшими проявить себя на государственной службе в начале XVII в. Ко второй половине XVII в. в связи с укрупнением Государева дво-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке фонда Грантов Президента Российской Федерации в рамках научного проекта № МК-4091.2022.2 «Князья Ромодановские в составе правящей элиты Русского государства XVI — начала XVIII в.: генеалогия, землевладение, стратегии поведения».

ра, усилением придворной элиты и развитием института патроната эта практика получила распространение. Между тем, в отличие от последующих столетий, случаи брачных союзов между царедворцами и торговой элитой были чрезвычайно редки.

В рамках доклада на примере биографии князя Федора Григорьевича Ромодановского будет рассмотрен один из уникальных примеров брачной политики второй половины XVII в.

Князь Ф. Г. Ромодановский (около 1620 — 1689), представитель старшей ветви рода князей Ромодановских и шестой сын знаменитого боярина князя Г. П. Ромодановского, не был выдающимся полководцем и администратором своего времени, но к концу 1670-х годов успел дослужиться до чина боярина и места в Боярской думе. Анализ разнообразных источников по истории рода князей Ромодановских (разрядно-родословные материалы, грамоты из родового архива князей Ромодановских, документы по землевладению членов рода и другие) позволил установить, что князь Федор в 1640–1680-е годы был женат трижды. Имя первой жены, княгини Анастасии Ивановны Ромодановской, упомянуто в «Дворцовых разрядах» лишь один раз: 8 января 1654 г. вместе с мужем она присутствовала на третьей встрече «в сенях» грузинской царицы Елены Леонтьевны. Ее судьба и происхождение остаются неизвестными.

В 1660–1670-е годы, согласно сохранившемуся документу из родового архива князей Ромодановских, князь Федор Григорьевич сочетался вторым браком с дочерью (ее имя неизвестно) знаменитого торгового человека Якова Филатьева — младшего сына родоначальника династии, члена гостиной сотни и торговца солью и пушниной Василия Ивановича Филатьева. Помимо сообщений о факте родства князей Ромодановских и гостей Филатьевых в грамоте содержатся сведения о биографии Якова и обстоятельствах его смерти, неизвестные по другим источникам.

В конце 1670 — начале 1680-х годов боярин князь Ф. Г. Ромодановский овдовел и женился третьим браком на Авдотье Васильевне Нальяновой, дочери московского дворянина Василия Акинфеевича (Мансуровича) Нальянова. В течение XVII в. всего несколько представителей этого незнатного дворянского рода служили при дворе, однако В. А. Нальянов на протяжении всего

царствования Алексея Михайловича занимал важную придворную должность — служил во дворце у государя в передней «у крюка», то есть был приближен к царю и мог оказывать неформальное влияние на монарха.

Таким образом, в рамках доклада будет рассмотрена удивительная биография князя Ф. Г. Ромодановского, обладателя боярского чина и одного из наследников богатого старинного княжеского рода, сумевшего в течение жизни породниться как с членами незнатного рода дворовых людей, так и с представителями одной из богатейших торговых фамилий Русского государства второй половины XVII в. Представляется, что рассматриваемый пример — один из единственных известных нам случаев брачного союза между будущим членом Боярской думы и дочерью московского гостя.

А. И. Раздорский

**Таможенные книги России XVI–XVIII вв.:
количественный, хронологический
и географический состав ***

Основными массовыми источниками по истории торговли России XVII — первой половины XVIII в. являются таможенные книги (далее — ТК). В этих документах содержатся сведения о географии торговых связей, ассортименте, ценах и объемах поставок товаров, привозившихся на региональные рынки, номенклатуре, правилах взимания и размерах таможенных пошлин, действовавших в том или ином населенном пункте, системе мерных и тарных единиц. Данные о социальном и персональном составе участников торговых операций, имеющиеся в ТК, придают им значение важного источника информации для биографических, генеалогических и просопографических разысканий.

Изучение ТК началось еще в середине XIX в. и библиография исследований, подготовленных с использованием этих документов, а также публикаций их текстов к настоящему времени насчитывает уже несколько сотен названий. Однако несмотря на это количественная, хронологическая и географическая характеристика корпуса ТК в масштабах всей страны до сих пор отсутствует (подобная ситуация имеет место и с другими массовыми источниками по социально-экономической истории России XVII–XVIII вв., например, с писцовыми и переписными книгами).

В конце XIX в. Н. Н. Оглоблин собрал и систематизировал сведения о ТК, находящихся в фонде Сибирского приказа. Он произвел учет этих источников и составил указатель к ним, в котором получили отражение 1177 ТК за 1625/26–1717 гг. К со-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00057 А «Таможенная книга Великого Новгорода 1677/78 года: Исследование. Текст. Комментарии».

жалению, этот опыт оказался единственным в своем роде. Насколько нам известно, попыток составления подобных сводов сведений о ТК в отечественной археографии больше не предпринималось.

С начала 2000-х годов автор настоящей публикации занимается выявлением, учетом и систематизацией ТК, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и других хранилищах, в том числе в региональных архивах. В представленном докладе изложены основные результаты проделанной работы.

Следует сразу оговориться, что приведенные ниже данные о количественном, хронологическом и географическом составе выявленных ТК носят сугубо предварительный характер и не претендуют на исчерпывающую точность и полноту. Это связано прежде всего с тем, что они получены главным образом в результате обследования архивных описей, а не просмотра самих документов *de visu*. В описях же, как известно, встречаются лакуны и неточности, хотя они, сколь мы можем судить на основании собственного опыта, все же не носят фатального и массового характера. Кроме того, в ряде случаев имеются сложности с интерпретацией информации о ТК, приведенной в описях. Так, по указателю Оглоблина в силу принятой составителем методики не всегда четко можно установить год, к которому относится та или иная ТК, а также определить состав отдельных частей этих документов. Другой пример. Значительное количество таможенных и кабацких книг имеется в фонде Разрядного приказа РГАДА. Они находятся преимущественно среди книг Денежного стола, которые в основном представляют собой конволюты. Их перечень отражен в 10-й книге «Описания документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции», однако сведения о составе конволютов приведены в обобщенном виде, отчего далеко не всегда можно понять, имеется ли по тому или иному городу как таможенная, так и кабацкая книга, или же только таможенная или только кабацкая книга.

Всего к настоящему времени (сентябрь 2022 г.) нами выявлено 4004 ТК по 320 пунктам, из которых 267 пунктов принадлежат к Европейской части страны и 53 — к Сибири. К XVI–XVII вв. относятся 1929 книг (1031 — к Европейской части, 884

— к Сибири; 14 книг не локализованы), к XVIII в. — 2040 книг (1472 — к Европейской части, 558 — к Сибири; 10 книг не локализованы). Не датированы 35 книг (6 — по Европейской части, 27 — по Сибири; 2 книги не локализованы). Всего, таким образом, по Европейской части выявлено 2509 книг, по Сибири — 1469 книг; 26 книг не локализованы.

Древнейшей дошедшей до нашего времени (в отрывках) ТК является книга Морёвской слободы (Деревская пятина Новгородской земли), датируемая 1599 г. Это единственный известный источник рассматриваемого типа, относящийся к XVI в. Повсеместное ведение ТК было прекращено в результате реализации Таможенной реформы 1753–1757 гг., ликвидировавшей внутренние таможи. Но при этом составление особых конских ТК продолжалось как минимум до начала 1770-х годов. Последний по времени источник такого рода, о котором имеется информация (конская ТК Москвы) относится к 1771 г.

За первую половину XVII в. выявлено 354 книги (в том числе за 1600-е годы — 1; 1610-е — 9; 1620-е — 56; 1630-е — 148; 1640-е — 140); за вторую половину XVII в. — 1511 (за 1650-е годы — 336; 1660-е — 339; 1670-е — 368; 1680-е — 204; 1690-е — 264). За первые три десятилетия XVIII в. выявлено 633 книги (за 1700-е годы — 305; 1710-е — 154; 1720-е — 174), за 1730–1750-е годы — 1416 (за 1730-е годы — 414; 1740-е — 680; 1750-е — 322). За 1760-е годы известно 13 книг, за 1770-е — 1. Не датировано 35 книг, 40 книг не имеют четких датировок («XVII в.», «начало XVIII в.» и т. п.).

По трем пунктам выявлено свыше 200 ТК (Тюмень — 283, Тихвинский посад — 251, Хлынов — 200), еще по трем — свыше 100 (Илимск — 174, Мангазея — 146, Сольвычегодск — 141), по девяти — свыше 50 (Енисейск — 97, Астрахань — 89, Москва — 85, Верхотурье — 84, Тобольск — 76, Сургут — 73, Великий Устюг — 67, Тула — 57, Тара — 51). По 30 пунктам насчитывается от 20 до 49 книг, по 35 — от 10 до 19, по 56 — от 5 до 9, по 98 — от 2 до 4, по 87 — по 1 книге.

По 75 пунктам имеются ТК как XVII, так и XVIII в., по 96 — только XVII в., по 146 — только XVIII в. (по одному пункту выявлена книга XVI в. и еще по двум только недатированные книги). К числу городов, по которым имеются только ТК XVII

в., относятся, в частности, Вологда, Дорогобуж, Зарайск, Кетск, Красноярск, Можайск, Орел, Саранск, Смоленск, Тверь, Торжок, Тотьма, Устюжна Железопольская, Харьков. Только за XVIII в. выявлены ТК, например, по Архангельску, Астрахани, Боровску, Казани, Кашину, Клину, Коле, Нижнему Новгороду, Серпухову, Соликамску, Туле, Чебоксарам.

Крупнейшее собрание ТК сконцентрировано в РГАДА. В этом архиве выявлена 3181 книга (79,4 % от их общего количества). Больше всего документов данного типа зафиксировано в фонде 214 (Сибирский приказ) — 1060, а также в фондах 829 (Таможни и кружечные дворы) и 210 (Разрядный приказ) — соответственно 555 и 424. Всего ТК выявлены в 26 фондах РГАДА.

Помимо РГАДА ТК выявлены еще в 15 архивах, библиотеках и музеях. Наиболее крупные собрания рассматриваемых источников имеются в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (327 книг) и Государственном архиве Тюменской области (208).

При рассмотрении вопроса о составе ТК обязательно следует учитывать, что во многих таможнях составлялось сразу несколько синхронных ТК разных типов. В первой половине XVIII в. объемы таможенной документации существенно возросли, а ее структура по сравнению с предшествующим периодом значительно усложнилась. Если в XVII в. все торговые операции и взятые с них таможенные пошлины фиксировались чаще всего в одной ТК, то в первой половине XVIII в. в таможнях, расположенных в более или менее значительных торговых центрах, одновременно велось уже несколько ТК, различавшихся между собой как по видам учитываемых сборов, так и по характеру отражавшихся торговых операций. Количество разнотипных синхронных таможенных книг, составленных в одной таможне, могло исчисляться десятками. Так, например, в московских таможнях в 1730–1740-е годы ежегодно велись приходо-расходные книги около 30 типов. Они различались по роду товаров (книги медового сбора, хмелевого сбора, табачные и др.), по происхождению товаров (книги привозным российским товарам, китайским, сибирским) и т. д. Итоги деятельности хлы-

новской таможи за 1747 и 1751 гг. представлены в 24 синхронных ТК.

Каждая подобная ТК образует самостоятельную архивную единицу хранения и учитывается при подсчете ТК как отдельный документ. Поэтому наряду с учетом общего количества ТК целесообразно вести параллельный учет годовых комплексов таможенной приходо-расходной документации (далее — ГДК). Один ГДК может состоять из одной или нескольких синхронных ТК, относящихся к одному пункту. Всего выявлен 2291 ГДК (1391 за XVI–XVII в. и 898 за XVIII в.). К Европейской части страны относятся 1436 ГДК (795 за XVI–XVII в. и 640 за XVIII в.), к Сибири — 839 ГДК (588 за XVII в. и 250 за XVIII в.). Географически не локализованы 16 ГДК (по 8 за XVII и XVIII вв.).

Наибольшее количество ГДК выявлено по Илимску и Тюмени (по 85), Мангазее (63), Енисейску и Тихвинскому посаду (по 60), Сольвычегодску (57), Великому Устюгу и Сургуту (по 50).

Есть основания полагать, что основной корпус ТК к настоящему времени выявлен. Разумеется, в архивах (в том числе в уже обследованных) могут быть найдены неучтенные ТК (что подтверждает, например, факт обнаружения в 2019 г. в РГАДА автором этих строк ранее неизвестной ТК Великого Новгорода 1677/78 г.), однако их количество едва ли будет сколько-нибудь значительным. Уточнить же и пополнить уже имеющиеся сведения о количественном, хронологическом и географическом составе ТК можно будет в ходе подготовки сводного каталога этих документов, потребность в котором, на наш взгляд, очевидна.

Д. А. Редин

**«Случай на таможне»:
экономическая преступность и коррупция
в петровской России**

Эпоха петровских реформ вызвала к жизни явления, ранее не присущие или малозаметные в Российском государстве и русском обществе. Среди них — экономическая преступность и коррупция, «побочные эффекты» ускоренного превращения страны в “*état modern*”. Разумеется, экономические преступления и различного рода частные вознаграждения должностных лиц, зачастую оценивающиеся в современной научной исторической и юридической литературе как взятки, существовали и раньше. Но даже с юридической точки зрения понятие «экономическое преступление» не тождественно понятию «экономическая преступность», а коррупцию нельзя свести к взяточничеству, сколь бы не велика была роль последнего в коррупционном феномене. Если же говорить об экономической преступности и коррупции как социальных явлениях, отличающихся системностью и большим деструктивным потенциалом, угрожающим функционированию государства, то допетровскому времени таковые были едва ли известны.

Опасность коррупции с некоторого времени прекрасно осознавал и сам российский монарх. Будучи незнакомым с термином, он интуитивно подобрал ему вполне корректный эквивалент: «повреждение государственного интереса». Если вспомнить, что семантическое содержание слова *corruptio* сводится не только к «подкупу, продажности», но и к «порче, искажению, разложению; растлению», то петровская формулировка окажется довольно точной. Известно, что сосредоточив массу усилий на организации эффективной административной модели по обеспечению крупнейшей ресурсной мобилизации (что выразилось в реорганизации системы управления — создание Сената и губернская реформа), Петр обнаружил существенные потери со-

бираемых средств, масштабы которых вскрывались по мере деятельности фискальской службы. Начиная с 1713 г., царь принял ряд жестких законодательных и организационных мер по пресечению коррупции: издал комплекс указов, определивших сам объект преступлений такого рода и санкций за их совершение; создал сеть контрольных, ревизионных, судебных и следственных органов.

Насколько успешными и эффективными были принятые меры — вопрос долгого и тщательного исследования, которое настоящему только еще начинается. Одним из направлений такого исследования должна стать работа по выявлению, реконструкции и анализу преступных схем, с помощью которых заинтересованные лица наносили ущерб казенным интересам. В этом смысле историография имеет некоторый задел. Главным образом исследовательское внимание было направлено на изучение наиболее резонансных дел коррупционного характера: «подрядная афера» А. Д. Меншикова, Я. Н. Римского-Корсакова, кн. Г. И. Волконского и др., «Почепское дело», злоупотребления кн. М. П. Гагарина, международные контрабандные аферы братьев Соловьевых и др., хотя ни одно из этих резонансных дел до сих пор не реконструировано в полной мере в виду сложности источниковой базы. Но не меньший урон «государственному/государеву интересу» наносили тысячи рядовых расхитителей, чья криминальная деятельность на сегодня нам почти неизвестна, но может считаться весьма существенной даже на основании того немногого, что удалось выявить.

В ряду таких дел представляет интерес донос Семена Демидова сына Евтифьева, поданный сенатору кн. Г. И. Волконскому (впоследствии казненному за крупные хищения) 9 апреля 1712 г. в Туле. Дело это, хранящееся в РГАДА (Ф. 248. Кн. 10. Л. 738–741 об.), публиковалось в «Делах и приговорах Правительствующего Сената» (Т. 2. № 455. С. 354–355), но практически не привлекало к себе внимания и не анализировалось с точки зрения поднятой в настоящем докладе темы. В этом доносе его автор, тульский «кузнец» — мелкий промышленник и торговец, которого Б. Б. Кафенгауз и И. Н. Юркин склонны (и, видимо, не без оснований) отождествлять с родным братом Никиты Антуфьева Демидова — основателя знаменитой династии горно-

заводчиков, сообщал о механизме ухода от таможенного обложения, который многократно использовал сам, и обещал, в случае назначения его на соответствующую должность, уличить многих других купцов, промышлявших, по сути, контрабандой, а также коррумпированных таможенных бурмистров и подьячих. Анализ этого документа в контексте антикоррупционной кампании Петра I станет предметом заявленного доклада.

М. И. Роднов

Торговля пряниками и рынок кондитерских изделий в Уфе в 1865 г.

Веками одним из основных народных лакомств были пряники, сложились даже центры пряничного производства — Тула, Вязьма, Городец, Тверь, Курск, Харьков и другие. При дороговизне сахара основным сладким наполнителем являлся мед. Изготавливались пряники из густого теста, мастера хранили особые печатные доски, а пряничниками выступали мужчины, труд был достаточно тяжел.

Основные центры производства пряников не случайно концентрировались вокруг крупных ярмарок (курская Коренная, «ирбитские пряники») или мест пересечения торговых путей. Печатный пряник очень долго хранился, не терял своих качеств от мороза, его было удобно брать в дорогу, перевозить на дальние расстояния.

Но к началу XX в. пряник теряет главенствующие позиции, остается только лакомством для простонародья, «верхние» социальные слои общества мало потребляли пряники, которые в массовом производстве заменили современные пряничные изделия, принципиально отличающиеся от настоящих печатных пряников.

Начало процесса вытеснения пряника зафиксировала перепись торгово-промышленных заведений Уфы в 1865 г. Пряник оставался самым массовым и любимым кондитерским изделием уфимцев. Продавались пряники вместе с чаем, сахаром, «конфетами, конфектами» и прочим товаром в мелочных бакалейных лавках, разбросанных буквально по всему городу вплоть до окраинных слободок. Среди пряничных торговцев было много женщин.

Всего в Уфе в 1865 г. насчитывалось 28 бакалейных лавок (всех разнообразных торговых и промышленных заведений имелось 578), где указана продажа пряников. В основном лавки

принадлежали мещанам, отставным солдатам, крестьянам, мелким, реже средним предпринимателям. Но имелись и специализированные торговые заведения. Белебеевская мещанка Васса Шабонина «в Сибирской улице» держала свечную и пряничную лавку. Три солдатки открыли, видимо, на главной в городе Верхне-Торговой площади, три пряничные лавочки (одна пряничная и фруктовая), там шла мелочная продажа пряников и «конфент» вкупе с горшками.

Разновидностью являлись подвижные лавочки с пряниками, наверняка, на той же площади. Скорее всего с небольшого прилавка на колесах уфимская мещанка Екатерина Головизнина предлагала пряники и прочие крестьянские лакомства (возможно, семечки). Уфимские мещане разъезжали по Базарной площади, торгуя пряниками, маслом и солью (Варвара Суркова), пряниками и медом (Иван Михайлов).

Информация указывает на ориентацию специализированных пряничных торговцев на рядовое, небогатое население. В большинстве случаев продавались и сопутствующие товары, ведь на одних пряниках бизнес не сделаешь.

Неизвестно, откуда поступали пряники. В Уфе, кроме ремесленников, выпекавших пряники в домашних условиях, возможно существовал привоз (на Мензелинскую ярмарку поставляли пряничный товар). И в 1865 г. действовало единственное пряничное заведение купца Арсентия Кондратьева, где «работаются пряники на продажу».

Вообще рынок европейской кондитерской торговли в Уфе только складывался. На весь город имелось всего две «кондиторские». Крестьянин Семен Полетаев продавал «кондиторские конфенты» и пряники, а московский мещанин Мельхиор Плауда предлагал покупателям лишь кондитерские «конфенты». Появление современных кондитерских в Уфе, с торгами и ромовыми бабами, относится уже к 1870-м годам.

Но доминирование пряника подходило к концу. Главным конкурентом печатному прянику стали кренделя и калачи (бублики, баранки, сушки), которые тоже часто выпекали со сладкой составляющей. Их производство было намного легче, быстрее и дешевле, именно они становятся самым массовым товаром для рядового потребителя.

В 1865 г. в Уфе функционировали 10 калачных балаганов, где торговали калачами и кренделями, а также 5 отдельных крендельных заведений и 4 булочных. В последующие годы выпечка и реализация этой продукции опережала пряничную торговлю. В 1883 г. в Уфе насчитывалось 93 булочника и калачника (мастеров; у них трудилось 100 рабочих и учеников), имелся 61 хлебник, 5 «кондиторов», а пряничников было всего 24 мастера с 66 рабочими и учениками. Производство более простой и дешевой выпечки опережало традиционное изготовление печатных пряников.

Открывавшиеся достаточно крупные пряничные заведения, как самый большой в Уфе завод Д. П. Берштейна с собственной торговлей, переходили на машинное производство, где пряники играли второстепенную роль и уже выпекались современные пряничные изделия.

Таким образом, на примере Уфы видно, как с 1860-х годов традиционное народное кустарное производство печатных пряников вытесняется более быстрым и рентабельным выпуском калачной продукции и пряничных изделий. Торговля старинными русскими печатными пряниками сокращается, превращаясь в редкий народный промысел.

В. М. Рынков

Предпринимательство на востоке России во второй половине 1918–1919 гг.

В исследовании речь пойдет о территориях на востоке России, оказавшихся в разное время под контролем нескольких антибольшевистских правительств. Здесь возникла уникальная и неповторимая ситуация, когда после нескольких месяцев «красногвардейской атаки на капитал» власть, пришедшая на смену Советам, взяла курс на восстановление экономической активности. Летом–осенью 1918 г. восточный лагерь контрреволюции объединял территорию нескольких правительств разной политической направленности, в экономической политике которых имелись как черты сходства, так и отличия. С ноября 1918 г. в результате государственного переворота в Омске к власти пришел Верховный правитель России адмирал А. В. Колчак и учрежденное при нем Российское правительство, быстро распространившее юрисдикцию на весь восток России.

В разное время условия предпринимательства на востоке России изучали Н. И. Дмитриев, В. М. Рынков и М. К. Шацилло. Опора на результаты проведенных исследований, опубликованные и архивные первоисточники позволяют представить систематизированный взгляд на организационную, нормативную и деятельность составляющие предпринимательской деятельности на востоке России при антибольшевистских правительствах.

Как и в других регионах России, торговая буржуазия на востоке концентрировалась вокруг биржевых обществ, существовавших во всех областных и многих уездных городах. Они возобновили свою деятельность в считанные недели после падения советской власти. Меры по регулированию продовольственной торговли предусматривали возможность биржевых комитетов выдавать свидетельства на право ведения определенных видов торговли и представлять во всех коллегиальных

органах, призванных регулировать торгово-закупочную деятельность.

Другой тип предпринимательских организаций появился в годы Первой мировой войны — военно-промышленные комитеты. Большинство из них возобновили работу по обслуживанию военных заказов в первые несколько месяцев. Омский областной военно-промышленный комитет взял на себя роль центрального.

Возобновили свою деятельность некоторые отраслевые съезды Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. В сентябре в Уфе прошел Всероссийский съезд, который избрал Всероссийский совет съездов торговли и промышленности, в октябре переехавший в Омск. Его роль представительства предпринимательских кругов была признана правительством.

Правовое обеспечение хозяйственной деятельности стало одним из направлений экономической политики крупнейших правительств летом и осенью 1918 г. и Российского правительства адмирала Колчака. Последнее опиралось на опыт своих предшественников. Являясь приверженцами правовых методов регулирования имущественных прав и правопреемственности, правящая власть стремилась к урегулированию экономических взаимоотношений между субъектами хозяйственной деятельности. Комплекс нормативных актов определял порядок восстановления имущественных прав после большевистских экспериментов с национализацией, обобществлением и экспроприациями. При этом учитывались интересы государства, собственников и благоприобретателей чужого имущества. Другая группа норм отражала порядок организации торговли, ограничения сбыта на рынках отдельных товаров: хлеба, мяса, масла, кож и др., а также полномочия заготовительных органов, очередность транспортировки товаров, торговые меры. Комплекс норм военного времени регулировал порядок принудительных заготовок, реквизиций, привлечения частного имущества к обслуживанию нужд армии. На практике многое делалось в обход установленных норм. Законодательство также решало проблему законного представительства в связи с разрывом общероссийских и международных экономических связей. В частности, неоднократно продлевалось действие доверенностей, образовывались временные правления фирм, если с их головными

подразделениями была утрачена связь. Эти и ряд других мер призваны были поддержать экономическую активность.

Представительские организации буржуазии объединяли прежних торгово-промышленников, стремившихся восстановить свою политическую и экономическую роль. У многих это получалось, как правило, благодаря поиску новых сфер для капиталовложений и применения своих деловых навыков. Вместе с тем привычная хозяйственная деятельность часто становилась убыточной и многие представители буржуазных кругов так и не смогли восстановить свой статус. В то же время произошла массовая, стихийная мобилизация новых отрядов мелких предпринимателей, сумевших в быстро меняющихся условиях отыскать ниши для быстрого обогащения на ниве посредничества по доставке и перекупки дефицитных товаров, часто с применением нелегальных методов. Они главным образом занимались привозом промышленных товаров с Дальнего Востока в Сибирь. «Старая» буржуазия выступала с резкой критикой спекуляции и требовала от власти закрыть возможность для незаконной предпринимательской деятельности и оградить экономические интересы разоренных спекулянтами организованных, «государственно мыслящих» торгово-промышленников.

М. А. Савинов

**«Неподобно государскому величеству»:
к изучению конфликтов торговых и служилых людей
на крайнем Северо-Востоке в середине XVII в.**

В центре внимания — один из эпизодов взаимодействия торговых и служилых людей Якутского уезда в середине XVII столетия, восстановленный на материале документов Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН (Ф. 160. Якутская приказная изба).

Отношения торговых и служилых людей на северо-восточном краю русских владений были сложными и многогранными — первые зачастую оказывались в материальной зависимости от вторых, при этом торговым людям была необходима военная защита, которую обеспечивали отряды казаков и нередко примыкавших к ним промышленников. Канва отношений, таким образом, включала как взаимопомощь (хрестоматийный пример — совместный поход Федота Алексеева и Семена Дежнёва), так и жесткие конфликты, отразившиеся в целом ряде документов Якутской приказной избы.

События зимы 1649–1650 гг. на севере современной Якутии впервые привлекли внимание исследователей еще в XIX в., когда были изданы отписки служилых людей Тимофея Булдакова и Панфила Мокрошубова о неудачном морском путешествии к местам их службы (первый шел на Колыму, второй — на Алазею). Однако в центре внимания были преимущественно морские приключения, в тени которых оказался интересный, на наш взгляд, документ, рисующий подробности конфликтной ситуации, возникшей на зимовке в одном из русских опорных пунктов — острожков реки Индигирки.

Потеряв во льдах Арктики свои суда, Булдаков и Мокрошубов с подчиненными казаками пытались продвигаться на восток сухим путем через Уяндинское зимовье на Индигирке, где скопилась значительная масса зимующих русских людей. В числе

этих зимовщиков были и торговые люди Никита Ворыпаев и Степан Семенов, имевшие, насколько можно судить по документам, «свое» помещение и значительные запасы продовольствия. Именно между этими торговыми людьми и казаками, двигавшимися на Колыму и Алазею, возникла конфликтная ситуация, причем разноплановая — если Булдаков жаловался прежде всего на непомерно завышенные купцами цены на муку, то Мокрошубов — на то, что торговые люди категорически отказывались дать «вожей» — проводников, способных показать сухой путь с Индигирки на Алазею. Ворыпаева и Семенова вызывали из зимовья трижды, и они не вышли, более того — готовы были применить оружие.

В фонде Якутской приказной избы Архива СПБ ИИ РАН в непосредственном соседстве с отписками Булдакова и Мокрошубова хранится еще один документ, связанный с этим конфликтом, но никогда не издававшийся. Именно из него можно узнать, кто и в какой последовательности (это зависело, очевидно, от личного авторитета переговорщика и его статуса) вызывал из зимовья Ворыпаева и Семенова, и в каких именно выражениях торговые люди объясняли свое нежелание помогать казакам. Статус «парламентера» от служилых за три «вызова» повысился от рядового казака до приказного человека Фомы Кондратьева — действующего главы русской власти на Индигирке. Обе стороны апеллировали к авторитету государя — служилые люди увещевали торговых «не чинить смуты» в присутствии аманатов-юкагиров, что «неподобно государскому величеству», но и купцы утверждали, что они «посланы на государеву службу», тогда как «транзитные» казаки («ковымщики» и «алазейщики») будто бы угрожают им грабежом и физической расправой. При всех особенностях официального языка того времени документ содержит ряд точных подробностей повседневной жизни русских людей эпохи первопроходцев Крайнего Севера.

М. М. Савченко

Князь П. А. Вяземский о торговой и таможенной политике Российской империи во второй четверти XIX в.

Имя князя Петра Андреевича Вяземского (1792–1878), воспитанника Н. М. Карамзина, друга В. А. Жуковского и А. С. Пушкина, прочно связано с Золотым веком русской культуры. В литературе он предстает как яркий представитель «пушкинской плеяды», видный участник культурной и интеллектуальной жизни России на протяжении почти трех четвертей XIX в.

Менее известна государственная служба князя, которой он посвятил несколько десятилетий, хотя и считал ее противоположной своим «внутренним стихиям». По его мнению, если литература давала возможность служить Отечеству посредством влияния на общественное мнение, то государственная служба — путем воздействия на власть и побуждения ее к необходимым преобразованиям.

Четверть века Вяземский прослужил в Министерстве финансов. В 1830 г. он был принят чиновником по особым поручениям при министре Е. Ф. Канкрине и вел в этом качестве дело-производство Мануфактурного совета. Вскоре он был назначен членом общего присутствия Департамента внешней торговли; с конца 1832 г. на протяжении 14 лет был вице-директором Департамента; в 1846–1853 гг. — управляющим Заемным банком, в 1853–1855 гг. — членом Совета при министре финансов.

По инициативе Мануфактурного совета и при участии Вяземского была подготовлена и открыта в 1831 г. в Москве торгово-промышленная выставка. Итоги выставки князь подвел в специальных обзорах «Взгляд на Московскую выставку» и «О московских праздниках по поводу Мануфактурной выставки, бывшей в Москве». Важную тему гласности и достоверности информации в торговле Вяземский затронул в заметке о Нижегородской ярмарке (1830).

Денежный курс и движение торговли Вяземский считал «верными барометрами здоровья и долгоденствия правительств и государств» (статья «О России после польского мятежа в 1831 году»). Торговля обладает важным свойством: ей недостаточно местной безопасности и уверенности в настоящем; она требует их вокруг себя и в будущем. Однако несмотря на то, что 1831 г. был тяжелым для России (холера, польская война, смуты в западных губерниях и пр.), таможенный доход составил 70 млн руб., превысив значения прежних лет; вывоз был больше ввоза на 60 млн руб.; монет и слитков привезено на 36 млн руб. более, чем вывезено. Особо Вяземский отмечал действия пограничной стражи, недавно учрежденной для «охранения внутренней мануфактурной промышленности и польз законной торговли от беззаконных покушений смелой и всегда деятельной корысти».

Вопросам развития промышленности в России и сохранения протекционистского таможенного тарифа 1822 г. Вяземский посвятил специальную записку (1831). Раздвигая рамки строго экономического анализа, он замечал, что бурное развитие промышленности и обусловленный им рост общественного и частного благосостояния составляют «отличительное направление» современного исторического процесса. Следуя социально-философской традиции европейского Просвещения, князь понимал под промышленностью «практическое просвещение» и высоко оценивал успехи человечества на этом поприще. Он подчеркивал, что последовавшие за долгой и разорительной войной мирные годы отмечены быстротой научно-технического прогресса и «исполинскими успехами промышленности». Она повышает благосостояние всех слоев общества, распространяет практические знания, относящиеся к различным сферам деятельности («ко всем родам жизни»), «водворяет некоторое просвещение в самой глуши людских населений».

По мнению Вяземского, «Россия во многих отношениях еще новый мир, который должен быть разработан промышленностью». За промышленностью следует образованность (то есть «благосостояние народное»), — «практическое просвещение», которое прививается быстрее просвещения умозрительного (нравственного и политического) и более зависит от воли правительства. Образованность есть «зрелый плод хорошего, благо-

временно изданного коммерческого учреждения, некоторых прав, законных поощрений, дарованных промышленности и торговле согласно с истинными потребностями и выгодами народа и государства». Таким образом, развитие промышленности и рост народного благосостояния являются результатом продуманной и последовательной покровительственной политики государства. Главным средством ее осуществления должно быть своевременно созданное «коммерческое учреждение», то есть протекционистский таможенный тариф (в другом случае Вяземский использовал выражение «коммерческое постановление»).

Благотворное влияние таможенного протекционизма распространится на экономику (обогатятся города, обустроятся села, вырастет довольствие всех слоев населения), улучшит общественные нравы (невежество и праздность заменятся бодрым трудолюбием и благонамеренным просвещением), что станет «ручательством порядка и политического долгоденствия правительств и народов». Развитие державы нуждается в выгодах мануфактурной промышленности и торговли как плодах высшей образованности.

Эти же ключевые вопросы экономической политики государства — развитие промышленности и таможенный протекционизм — Вяземский рассмотрел в статье «Тариф 1822 года или поощрение развития промышленности в отношении к благосостоянию государств и особенно России» (1834) и дал на них утвердительные ответы.

Таким образом, Вяземский в экономических работах 1830-х годов в период нарастающего кризиса феодально-крепостнической системы обосновал необходимость политики промышленного протекционизма. Более того, развивая идеи своих предшественников — сторонников развития промышленности в России (В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, Н. С. Мордвинова, О. П. Козодавлева), он предвосхитил основные положения теории индустриальной модернизации России, оформление которой произошло в последней четверти XIX в. в ходе широкой общественной дискуссии о путях развития страны. Разработанная концептуально Д. И. Менделеевым в период подготовки проекта тарифа 1891 г. эта теория легла в основу «системы Витте».

Т. В. Сазонова

К вопросу о монастырских ярмарках в Белозерском крае в XVII в.

В Белозерском крае в XVII в. помимо крупного Кирилло-Белозерского монастыря насчитывалось более 20 небольших монастырей и пустыней, являвшихся духовными и экономическими центрами. Это проявлялось, в частности, в появлении ярмарок в дни памяти святых основателей или престольных праздников, привлекавших значительное число паломников.

Монастырские приходо-расходные денежные книги, в которых имеются сведения о ярмарках, сохранились не от всех обителей. На примере Кирилло-Новоезерского и Горицкого монастырей можно увидеть, кто участвовал в ярмарках, какие товары приобретались, какие возникали проблемы и как они решались.

У стен Кирилло-Новоезерского монастыря ярмарки устраивались два раза в год — в день памяти Кирилла Новоезерского (4 февраля) и в день памяти Алексея человека Божия (17 марта). Первое косвенное упоминание о ярмарке относится к 1635/36 г. На ярмарке собирався полавочный сбор — сначала белозерскими таможенниками, а в 1652 г. новоезерские монахи добились права собирать пошлину с ярмарки в свою пользу. В 1680-е годы монастырь также получал доход от ярмарочной харчевни, «поваренной избы» и «избы на острове», где кормили торговых людей. На ярмарке 17 марта 1682 г. собрали полавочного и с шалашей 5 руб. 15 алтын 2 деньги, из таможенного ящика «выняли» 10 руб. 22 алтына 4 деньги, у ходоков из ящика — 13 руб. 5 алтын.

Монастырские ярмарки имели в первую очередь местное значение. Основными покупателями на них выступали крестьяне окрестных деревень. Для них ярмарка была удобной возможностью приобрести необходимые товары. Имеющиеся документы показывают, что на мартовской ярмарке Новоезерский монастырь реализовывал крестьянам большую часть соли, которую имел право беспошлинно приобретать в Каргополе. Так, в

марте 1681 г. на ярмарке было продано более 6 рогож монастырской соли весом 136,75 пуда на сумму 12 руб. 10 алтын 4 деньги (= 2464 деньги), причем до и после ярмарки монастырь продал 93,25 пуда соли на сумму 8 руб. 20 алтын 4 деньги (= 1724 деньги).

Кирилло-Новоезерский монастырь совершал крупные покупки на ярмарках в других местах, в частности, на ярмарках, которые трижды в год устраивались у стен Кирилло-Белозерского монастыря. В 1659 г. на покупки на этой ярмарке было отпущено 10 руб. Начиная с 1646 г. упоминаются поездки новоезерских старцев дважды в год на ярмарку на Николин день «за Робозеро». Возможно, эта ярмарка проводилась рядом с Азатским Николаевским монастырем, но не исключено, что при приписной Никольской пустыни в Становищах: обе обители находились за водоемами под названием Робозеро.

Имеющиеся сведения о конской торговле на Новоезерской ярмарке указывают на более широкий круг покупателей и продавцов, охватывавший жителей не только Белозерского уезда, но также Новгородского, Олонецкого, Вологодского и Тотемского уездов и Чарондской округи, указывая, что монастырская ярмарка вышла за рамки узколокального явления. Это свидетельствует о процессе складывании всероссийского рынка.

С. А. Саломатина

**Орловский коммерческий банк, железные дороги
и вывоз аграрной продукции из Центрального Черноземья
во второй половине XIX в.**

Этот проект начался с воссоздания истории Орловского коммерческого банка, а затем вышел на более широкий вопрос об участии банков в вывозе аграрной продукции по железным дорогам Центрального Черноземья во второй половине XIX в. (Проект РФФИ № 18-09-00732, 2018–2019). В результате удалось показать, что по Рижско-Орловской магистрали торговая и банковская инфраструктура, обслуживавшая сельскохозяйственный экспорт, сформировалась уже в 1870-е годы, то есть намного раньше, чем было принято считать. Эта инфраструктура смогла пережить кризис падения аграрных цен в 1880-е годы и значительно расширилась в период экономического подъема 1890-х годов. В этом тексте кратко обобщаются результаты этого проекта.

Орловский коммерческий банк был основан в 1872 г. при участии семьи предпринимателей, банкиров и железнодорожных подрядчиков Поляковых и стал самым успешным их проектом в Центральном Черноземье. Банк обслуживал кредитами и расчетами существенную часть вывоза аграрной продукции из региона. Это стало следствием нескольких обстоятельств. Орел являлся центром накопления и перераспределения сельскохозяйственной продукции для многих соседних губерний задолго до эпохи железных дорог. Затем через Орел прошла Рижско-Орловская магистраль — основной путь из Центральной России к балтийским портам. В 1870-е годы это привело к расширению экспортного сельскохозяйственного производства, но в 1880-е годы регион пострадал от кризиса падения аграрных цен и локального неурожая 1884–1885 гг. Тем не менее, одной из причин, почему Орловский коммерческий банк смог удержаться

на плаву, были его связи с московским денежным рынком через председателя правления Лазаря Полякова.

К сожалению, архив банка не сохранился, но в нашем распоряжении есть полный комплект его годовых отчетов, в которых много очень подробных и уникальных для российской банковской статистики данных. Из этих материалов следует, что важной особенностью операций банка было кредитование под залог документов на сельскохозяйственную продукцию, перевозимую по железным дорогам, причем есть данные, какой именно товар (пшеница, рожь, овес и проч.) куда был отправлен. Для сравнения, в Государственном банке Российской империи (Госбанк) кредитование под залог товаров начало развиваться в 1890-е годы, то есть на 20 лет позже. В Госбанке есть другой комплекс данных о межрегиональных расчетах, который можно использовать для сопоставления с данными Орловского коммерческого банка — коммерческие переводы между отделениями и векселя с платежом в другом месте (для Орловского и Елецкого отделений Госбанка). Примечательно, что все данные о денежных потоках из Орловской губернии показывают, что доминировали западные направления вывоза товаров, сначала по Рижско-Орловской магистрали, а затем, с конца 1880-х годов, усиливается более южное Либаво-Роменское направление.

Более того, кредитные операции Орловского коммерческого банка тесно коррелировали с перевозками зерновых по данным железнодорожной статистики, то есть существенная часть этих грузов кредитовалась банком. В свою очередь банковская и железнодорожная статистика текущего года по региону была тесно связана со статистикой урожаев прошлого года, а значит здесь была достаточная инфраструктура для накопления и хранения сельскохозяйственной продукции.

В 1890-е годы рост перевозок по Рижско-Орловскому направлению был ограничен из-за конкуренции новых железных дорог, поэтому Орловский коммерческий банк расширил сеть своих отделений в основном в центре, на юге и западе Европейской России (23 отделения к 1908 г.).

Банк управлялся коалицией региональных купцов, помещиков-землевладельцев, губернских чиновников и земских деятелей. Семейные связи среди руководства заметны, но не менее

важны их деловые связи с широко понимаемой региональной элитой. В то же время Орловский коммерческий банк входил в группу предприятий Лазаря Полякова, что обеспечивало банку активные межрегиональные контакты. Однако проявилась и довольно типичная негативная сторона этого явления. В 1901 г. банкирский дом Полякова в Москве, головное предприятие группы, потерпел крах. На остальных банках, включая Орловский коммерческий банк, оказались крупные долги. Тем не менее, одной из причин, по которой Министерство финансов и Госбанк решили спасти поляковские банки, были их налаженные сети отделений в регионах аграрного вывоза. В 1908 г. Орловский коммерческий банк вошел в состав Соединенного банка с правлением в Москве, одного из крупнейших в России в 1910-е годы.

Н. В. Серeda

Верющие письма как инструмент организации торговой деятельности

Верющие письма — это документы, которые на современном языке можно назвать доверенностями. Срок их действия ограничивался текущим годом, но доверенности, выданные в декабре, были действительны на протяжении всего последующего года. Подлинник письма, подписанный доверителем (комитентом), оставался у его доверенного лица (комиссионера). Последнему могли доверяться самые различные операции. По закону верующее письмо следовало явить в магистрате. Факт явки сводился к копированию доверенности писцом в специальной книге. Иногда служащие магистрата позволяли себе передавать ее основное содержание, ограничиваясь указанием фамилии, имени, отчества, сословной принадлежности доверителя и доверенного лица, а также сути доверяемой операции. Фактически это была процедура удостоверения акта.

В фонде Новоторжского магистрата сохранились все книги с копиями верующих писем, засвидетельствованных в 1786–1799 гг. В них зафиксировано содержание более 600 документов. Чаще всего новоторжские купцы поручали покупать и продавать товары от имени доверителя и на его деньги. Нами выявлено 575 таких писем.

Эта наиболее часто встречающаяся группа верующих писем обычно содержит указание на характер доверяемых действий, а также фамилии, имена и отчества доверителя и доверенного лица. Анализ этих писем дает представление о том, кто из купцов города и в какие годы выдавал верующие письма такого содержания. К этой практике систематически прибегали лишь семь новоторжских купцов: А. В. Вешняков, А. Я. Морозов, И. Я. Морозов (большой), К. М. Перевоицков, а также Ф. И. Луковников (в конце 1780-х годов), Е. Цвылев (в конце 1780 — начале 1790-х

годов) и Г. И. Хрыпов (начиная с 1793 г.). 189 писем выдал за эти годы И. Морозов, 108 — А. Морозов, 79 — Вешняков, 77 — Хрыпов, 38 — Перевощиков.

Список доверенных лиц включает представителей 96 новоторжских купеческих фамилий, в том числе членов семей, которые сами активно выдавали верющие письма. Я. И. Вавулин в 1793 г. получил верющее письмо от И. Я. Морозова, а в 1797 г. сам выдал три доверенности.

Анализ круга лиц, выдававших и получавших верющие письма в конце XVIII в., свидетельствует о высокой устойчивости деловых связей между купеческими семьями и их отдельными представителями. Вавулины сотрудничали с Морозовыми, большинство из них с Андрианом Морозовым, но С. А. Вавулин — только с И. Я. Морозовым.

Нетрудно заметить, что поколение приказчиков 1786–1788 гг. ушло со сцены вместе с некоторыми купцами конца 1780-х годов. В 1790-х годах среди купцов, выдающих верющие письма, нет Ф. К. Буркова, Я. П. Грузинцева, А. Л. Елизарова, Е. Цвыдева, И. Чернышева и др. В 1790-х годах среди купцов, выдающих верющие письма, нет Ф. К. Буркова, Я. П. Грузинцева, А. Л. Елизарова, Е. Цвыдева, И. Чернышева и др. Вместе с Ф. К. Бурковым уходят со сцены, во всяком случае в роли комиссионеров, почти все члены рода Голузиных и И. Т. Лысков. Вместе с С. С. Кисельниковым и А. Л. Елизаровым — Гармановы, с Н. Т. Лочеровым — Гребенщиконы, с Ф. И. Луковниковым — все представители этого рода. Лишь некоторое время спустя молодое поколение Луковниковых начинает сотрудничать с Г. Хрыповым.

Наибольшей популярностью в качестве комиссионеров пользовались купцы Вавулины, Гладильщиконы, Дедовы, Кисельниковы, Луковниковы, Мокрые, Новоселовы, Реткины, Хрыповы, Чернышевы. На каждого из членов этих семей в среднем приходится по три верющих письма.

Завершая анализ верющих писем новоторжского купечества следует отметить, что имущественная дифференциация купечества была высока. Оно делилось на две неравные группы: члены одной, малочисленной, выдавали верющие письма, члены другой, весьма многочисленной, брали их. Обе они не были абсо-

лютно стабильны по составу, но круг купцов, выдававших верющие письма, был значительно устойчивей. На рубеже 1780–1790-х годов существенные изменения произошли в каждой из групп. Численность купцов, выдающих доверенности, сократилась, а костяк лиц, пользующихся их доверием, стабилизировался. Для последних комиссионерская деятельность с этого времени становится основным занятием. По сути они становятся наемными рабочими (приказчиками) более состоятельных купцов.

Факт причастности основной массы фамилий новоторжских купцов к комиссионерской деятельности заставляет по-новому посмотреть на процессы накопления, функционирования и преемственности купеческих капиталов. Верющие письма свидетельствуют о том, что значительная часть новоторжских купцов вела торговые операции по поручению других купцов, а это значит, что степень преемственности капиталов фактически была ниже цифр, приводимых в литературе.

А. С. Соколов

**Михаил Никифорович Бардыгин — предприниматель
и общественный деятель**

В условиях проведения хозяйственных реформ интерес представляет не только накопленный опыт перехода к рыночным отношениям до 1917 г., но и судьба конкретных людей, осознавших необходимость этих реформ, приложивших усилия для их осуществления. К числу таких личностей относится Михаил Никифорович Бардыгин (1864–1933). Он являлся крупным предпринимателем, фабрикантом, общественным деятелем и меценатом дореволюционной России. К сожалению, его предпринимательский опыт после 1917 г. оказался невостребованным новой властью.

Бардыгин родился в октябре 1864 г., окончил с золотой медалью Лицей цесаревича Николая в Москве. Михаил Никифорович был известен в своих кругах как успешный предприниматель, меценат и благотворитель, основатель миссии Братства св. Георгия в Егорьевске. Возглавляя семейное ткацкое производство, в 1908 г. реорганизовал его в товарищество на паях, назвав в честь отца «Н. М. Бардыгина наследник» с основным капиталом 7 млн руб. Товарищество имело отделения во многих городах, в том числе в Москве и Петербурге. Бардыгин одним из первых в России начал оснащать фабрики автоматическими ткацкими станками. В 1914 г. на предприятиях товарищества работало 3,5 тыс. рабочих, а сумма годового производства составляла более 10 млн руб.

Осенью 1907 г. Бардыгин был избран депутатом III Государственной думы от Рязанской губернии, где присоединился к фракции «прогрессистов». Работая в думе, он состоял в комиссиях финансовой, бюджетной и по рабочему вопросу. Во время первой сессии подписал законодательное предположение о сосредоточении продажи крепких напитков в городах и голосовал против проекта об Амурской железной дороге.

Бардыгин много сделал для развития технического образования в России. Он был известен как основатель механико-электротехнического училища в Егорьевске и как организатор Всероссийского съезда по вопросам технического образования.

После октября 1917 г. Бардыгин поступил на службу в Наркомат легкой промышленности, где курировал текстильную отрасль. По косвенным свидетельствам известно, что один из сыновей Бардыгина, Николай, служил экспертом Мосгубмузея. Но, разочаровавшись в революции, в 1923 г. Михаил Никифорович с женой и семьей эмигрировал во Францию.

И. Р. Соколовский

**Перспективы изучения истории русской торговли
в Сибири XVII через призму цифровой истории:
тематический аспект**

Современное развитие информационных технологий неизбежно сказывается на некоторых привычных практиках в повседневной работе историка. Уже никого не удивляет, что улучшилось библиографическое обслуживание исторических исследований. Мы имеем возможность быстрее узнавать о работах коллег, которые выходят не в центральных изданиях, и не в тех сборниках конференций, в которых мы сами принимали участие. Улучшилась ситуация с доступом к дореволюционной историографии. Стали доступны зарубежные издания XVII в., которые раньше были в России в одном или двух экземплярах и только в некоторых центральных библиотеках.

Совершенно очевидно, что эта ситуация не будет оставаться на одном и том же месте. Сейчас все издания готовятся в электронном виде. Это означает, что мы получим некоторое количество публикаций источников, для которых будут существовать электронные копии в той или иной кодировке. Собственно сейчас подобные публикации исторических источников XVII в. (правда, всего нескольких типов) существуют на страницах форумов по генеалогии. Возможно, в будущем ситуация будет меняться и количество электронных копий, выполненных в кодированных символах, увеличится. Другой стороной вопроса является широкое распространение растровых копий исторических источников, где цифровая копия является изображением, закодированным без участия таблицы символов. Сейчас такие копии (например, копии «оккупационного архива» из Новгорода, или некоторые материалы РГАДА) имеют ограниченное применение. Но, с третьей стороны, развитие искусственного интеллекта и методов сортировки изображений с помощью нейросе-

тей позволяют нам надеяться, что методом оптического распознавания букв они могут быть переведены в электронные копии, закодированные с помощью кодовых таблиц, а не растра. Это, на наш взгляд, может изменить некоторые исследовательские практики, которые традиционно сложились в изучении источников, связанных с торговлей.

Раньше исследователь подходу к источникам заранее формулировал вопросы и ограничивал себя тематическими рамками, занимаясь поиском в источниках того, что отвечало на заранее поставленные вопросы. Сам по себе этот подход не плох, но неизбежно складывалась традиция, какие проблемы ставить, а какие оставлять «за бортом». Приведем несколько примеров применительно к изучению торговли Сибири XVII в. О. Н. Вилков изучал состав торговцев хлебом (1968); А. А. Люцидарская (1974, 1978), Д. И. Копылов (1974), Т. Е. Квецинская (1977), Д. Я. Резун (1982) — состав промышленности (то есть ремесла); З. В. Башкатова (1982) — металлургическую промышленность; В. Н. Курилов (1974) и Г. А. Леонтьева (1978) — служилых людей как агентов торговли; О. Н. Вилков (1987) — бухарцев; он же — устройство таможенной службы (1974) и таможенные книги (1978); Г. А. Леонтьева — фискальные аспекты торговли. Пушной рынок изучали А. А. Люцидарская (1977) и З. В. Башкатова (1987); хлебный рынок — Т. Е. Квецинская (1987); транзитную торговлю — Т. Е. Квецинская (1978). Общие вопросы истории торговли изучал только В. Н. Курилов (1978, 1981, 1982), теоретические вопросы — только О. Н. Вилков (1987). Ярмарочной торговлей интересовался О. Н. Вилков (1981). В. Н. Курилов и О. Н. Вилков (1982), З. В. Башкатова (1978) писали о наемном труде. Торговлю Березова по всем направлениям исследовал В. М. Леонтьев (1987); и т. д.

На этих примерах мы видим, что предметом отдельного исследования становятся историография торговли, источниковедение торговли, рынки отдельных городов, торговля определенными товарами, отдельные категории торговцев, отдельно торговля или ремесло. Таким образом, происходит членение единого источника (прежде всего, таможенных книг) под определенным углом зрения.

В принципе, в этом нет ничего плохого, но говоря языком рассудка, это позволяет привнести субъективную составляющую в процесс исследования. С другой стороны, нам кажется, что чуть более объективистский подход к источникам по истории русской торговли в Сибири может быть также продуктивным наряду с тематическими подходами. Такой объективистский подход может быть обеспечен созданием словаря не лемматизированных словоформ, программу для которого легко написать на любом языке программирования (наша программа выполнена на языке Python, но мы не возьмем на себя смелость рекомендовать коллегам именно этот язык).

Составленный таким образом не лемматизированный словарь словоформ, особенно включающий количество словоупотреблений, может стать своеобразной заменой для тематического подхода к источнику. Во-первых, такой словарь не дает пропустить буквально ни одного слова из тех, что представлены в источниках. Во-вторых, частотность позволяет сразу отсортировать явления случайные от регулярных, то есть сразу настроить фокус внимания. В-третьих, даже если какой-то тематический отбор и будет сделан, то это действие уже будет полностью сознательным, а не стихийным. С пониманием того, что остается «лакуной» исследования.

Н. В. Стрекалова

**Купечество провинциального города в XIX — начале XX в.:
численность, состав, занятия (на материалах Тамбова)**

История предпринимательства является одним из актуальных направлений исторических исследований. Особый интерес вызывает комплексное изучение эволюции провинциального купечества аграрного региона в период трансформации и социальной модернизации российского общества в XIX — начале XX в.

В указанный период купечество сосредотачивалось главным образом в городах. Однако удельный вес его представителей в составе населения даже губернских центров Центрального Черноземья оставался невысоким. Так, доля купцов Тамбова в XIX — начале XX в. в разные годы составляла от 1,9 % до 7,6 % населения города. По данным на 1906 г. в Тамбове проживало 1113 представителей купеческого сословия, что составляло около 2 % населения губернского центра. Реорганизация системы налогообложения промышленности и торговли в конце XIX в., процессы нивелировки сословий негативно сказались на престиже купеческого звания и численности его представителей в начале XX в.

Одним из показателей уровня развития торгово-промышленной деятельности и экономики города в целом в исследуемый период является наличие крупных предпринимателей, в число которых входили купцы 1-й гильдии. Таковых в Тамбове были единицы. Так, по данным на 1840 г. из 808 жителей губернского центра, выбиравших купеческое свидетельство, только 6 чел. (с членами семей) относились к купцам 1-й гильдии, в 1847 г. их было 16 из 654 чел., в 1866 г. из 1090 представителей купечества 5 семейств числились купцами 1-й гильдии. К началу XX в. только трое купцов Тамбова имели такие свидетельства.

Для большинства купечества Тамбова в XIX — начале XX в. основным профессиональным занятием была торгово-

промышленная деятельность. Купеческий бизнес, как правило, был семейным. Члены семьи (обычно супруга и старшие сыновья) активно участвовали в ведении торговли. Семейная преемственность профессиональных занятий была характерна для ряда тамбовских купеческих фамилии. История известных тамбовских купеческих родов позволяет проследить на протяжении более столетия занятие тем или иным видом предпринимательства и торговли представителями одной семьи.

Высокой была доля купечества среди владельцев городской недвижимости. Купцы активно приобретали земельную собственность, которую сдавали в аренду и субаренду, перепродавали или вели на ней собственное хозяйство. Доминировали средние и мелкие купеческие земельные владения. Купцы Тамбова являлись собственниками небольших земельных участков в разных уездах губернии. В то же время представители некоторых известных тамбовских купеческих фамилий имели земельную собственность в несколько десятков тысяч десятин не только в разных уездах Тамбовской, но и в других губерниях империи.

Предпринимательская деятельность была ведущей, но не единственной сферой, где были заняты представители купечества губернского центра. Наблюдались определенные отличия в структуре занятий купечества в зависимости от социальной страты. Для купечества из числа элиты Тамбова доля занятых торгово-промышленной деятельностью была значительно выше, нежели для купцов из числа городских средних слоев. Анализ избирательных цензов представителей тамбовского купечества, участвовавших в выборах в Государственную думу, показал, что в период между выборами заметно сократился удельный вес купцов, проходивших по торгово-промышленному цензу, и резко выросла доля их представителей, включенных в списки избирателей по цензу «служба». Это отражало происходившие изменения в составе купечества, прежде всего, из числа средних слоев губернского центра.

Купечество, входившее в состав элитарных слоев губернского центра, сохраняло традиционные черты своего сословия. Для него была характерна относительная замкнутость, включая вопросы брачного выбора, невысокая сословная и профессиональная мобильность. Данные анализа межпоколенной профес-

сиональной мобильности тамбовского купечества из числа городской элиты свидетельствуют о том, что факты профессиональных занятий, не связанных с предпринимательством, детей из этих купеческих семей Тамбова были единичными. Устремления большинства из них были направлены на владение большим процветающим делом.

Купечество играло заметную роль в системе управления и самоуправления города. В Тамбове в разное время должности бургомистров и ратманов в городском магистрате в первой половине XIX в. занимали купцы. По данным на 1896 г. купцы составляли 45 % состава Тамбовской городской думы, занимали иные общественные должности, были почетными членами разного рода обществ. Из числа представителей купечества Тамбова часто назначали опекунов. Общественная и государственная служба, получение чинов и наград позволяли им установить необходимые связи, повысить социальный статус, открывали возможности для получения дворянства, факты перехода в которое были зафиксированы для некоторых представителей тамбовского купечества.

Е. Д. Твердюкова

Посылочная торговля в СССР

Посылочная торговля — форма внемагазинной розничной продажи товаров путем их рассылки почтовыми отправлениями по индивидуальным заказам. Глава Европейской академии ритейла Б. Халлир считает ее организацию одним из значимых этапов в циклах развития торговли, поскольку оптовые закупки товаров, механизация технологических процессов, сокращение расходов на содержание штата, помещений и оборудования дают возможность существенно снижать цены по сравнению со стационарной розницей.

В дореволюционной России пересылку товаров, выбранных по каталогам, выполняли крупные универсальные магазины Москвы, Санкт-Петербурга, Одессы. В СССР посылочную торговлю вели коммерческое агентство «Связь», действовавшее в 1924–1927 гг. при Наркомате почт и телеграфов СССР, а также (в 1931–1940 гг.) специализированная контора в составе Наркомата внутренней торговли РСФСР. В годы Великой Отечественной войны ввиду недостатка ресурсов посылочная торговля не осуществлялась. В 1949 г. в Минторге СССР (в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 20 ноября 1948 г. «О мероприятиях по улучшению торговли») была организована Всесоюзная посылочная контора Союзпосылторг (с отделениями в Москве, Новосибирске, Свердловске, Ростове-на-Дону и Ташкенте). В ее задачи входило удовлетворение потребностей в товарах повседневного спроса жителей отдаленных (преимущественно сельских) районов с неразвитой торговой сетью. В 1956 г. контора была передана в систему Минторга РСФСР и начала работу с крупногабаритными товарами. С 1965 г. на Роспосылторг возлагались дистанционная продажа товаров населению всех республик, обслуживание работников всесоюзных ударных строек и выполнение заказов инвалидов на запчасти к автомобилям «Москвич» и мотоколяскам. К концу 1980-х годов в состав

Роспосылторга входило 13 баз общей площадью 75 тыс. кв. метров, из них 5 — универсальных и 8 — специализированных. На их долю приходилось более 70 % общего объема реализации товаров через посылочную торговлю. Каждая база ежедневно отправляла по 3,5 тыс. посылок и бандеролей, но в расчете на каждую тысячу жителей СССР приходилось чуть более 40 посылок в год.

В составе Центросоюза действовал Главкооппосылторг, который доставлял товары не только по индивидуальным заказам граждан, но и обеспечивал мелкорозничную торговлю сельпо. Посылочные операции осуществляли также Всесоюзное объединение «Союзсортсемеовощ» и централизованная система «Книга — почтой». Согласно циркулярному письму министра торговли РСФСР от 18 февраля 1961 г., в автономных республиках, управлениях торговли областных и краевых исполкомов следовало организовать также секции (отделы) посылочной торговли при крупных универмагах.

Информирование потенциальных покупателей осуществлялось посредством рекламных объявлений в газетах и в отделениях связи. С 1970 г. два раза в год стал выходить иллюстрированный каталог «Товары — почтой», а специализированные базы издавали собственные прейскуранты.

Спецификой обладала посылочная торговля, ориентированная на обслуживание союзных строек (прежде всего, БАМа), нефтяных и газовых промыслов. С 1960-х годов специализированные бригады товароведов выезжали на места с каталогами и образцами товаров, давали консультации и непосредственно принимали заказы.

За десятилетку (1976–1980) население страны приобрело через посылочную торговлю товаров более чем на 1 млрд руб., ассортимент ее насчитывал 14 тыс. наименований, однако сотрудники Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова после проведения соответствующего исследования признали деятельность системы неэффективной. К началу 1982 г. на ее долю приходилось 0,3 % розничного товарооборота страны (в то время как в ФРГ, США, Швеции — 5–7 %), а в расчете на душу населения — около 1 руб. в год.

Через Роспосылторг реализовались в основном товары культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода, в том числе запчасти и комплектующие к транспортным средствам. В силу дефицитности внутреннего рынка объемы продажи одежды, обуви, галантерейных и парфюмерно-косметических товаров (в отличие от Западной Европы и США) были невелики. В Роспосылторге в середине 1980-х годов на долю тканей приходилось 1,7 %, одежды и белья — 2,6 %, обуви — 1,5 % от общей реализации, в то время как в рознице доля этих товаров составляла соответственно 5,3 %, 19,3 % и 10,2 %. Через Роспосылторг нельзя было заказать меха, головные уборы, продукты (за исключением детского питания).

В 1987 г. в ходе социологического опроса 40 тыс. чел. большинство сообщили, что причинами их обращения к услугам посылочной торговли являлись дефицит и отсутствие времени на стояние в очередях. Потенциально клиентура Роспосылторга могла быть существенно увеличена за счет жителей крупных городов. Но посылочная торговля в СССР всегда имела подчиненное значение. Ее ассортимент не соответствовал производственной программе промышленности, заказам баз и спросу потребителей.

Д. В. Тимофеев

**Торговля под нейтральным флагом
в условиях континентальной блокады 1807–1812 гг.:
между политической целесообразностью
и «частным прибытком»**

Присоединение России 26.10/07.11.1807 к континентальной блокаде Англии поставили перед российским правительством сложную задачу: не допустить резкого снижения торговых оборотов, обеспечивавших дополнительные поступления в казну, снижения курса ассигнаций и роста товарных цен, и одновременно — исполнить условия вынужденного соглашения с Францией. Уже 28.10.1807 в именном указе министру коммерции император объявил о наложении эмбарго на все английские суда и грузы, а также «... на имущество англичан в таможенных пакетах лежащие». При этом данная мера вводилась с важной оговоркой о сохранении недвижимого и «... не в товарах существующего» имущества во владении англичан, но с ограничением их права залога и купли-продажи. В начале ноября 1807 г. были учреждены особые ликвидационные комиссии в Санкт-Петербурге, Риге и Архангельске, в марте и августе 1808 г. изданы указы «О запрещении привоза английских мануфактурных товаров в Россию» и «О конфискации всех привозимых к российским портам из Англии товаров». Однако, как показал анализ журналов заседаний Комитета министров и Государственного совета, главной целью правительства был не столько контроль за ограничением привоза английских товаров, сколько выработка особого адаптационного механизма в сфере внешней торговли, с помощью которого можно было бы получать необходимые товары, не допустить разорения российских купеческих фамилий, имевших право торговли с зарубежными странами, и одновременно сохранить доверие иностранных торговцев к России. Воспринимая сложившееся положение как вынужденное и временное, правительственные чиновники предлагали меры по

предотвращению необоснованных конфискации товаров и кораблей под нейтральным флагом.

Яркой иллюстрацией понимания необходимости смягчить негативные последствия от введенных ограничений является содержание и характер дискуссии в Департаменте гражданских и духовных дел Государственного совета от том, следует ли наградить частных лиц за донесения о «подлоге» товаров и документов на корабли под нейтральным флагом; в каких случаях и каким образом следует продавать конфискованный товар и корабли; принимать ли от обвиняемых в подлоге апелляции на решения комиссий по нейтральной торговле. С особым мнением по всем этим вопросам высказался государственный канцлер Н. П. Румянцев, который одновременно со ссылками на действующее российское законодательство и Наказ Екатерины II депутатам уложенной комиссии апеллировал к произведениям «классических авторов» (Ч. Беккариа). Подчеркивая, что ограничения носят временный характер и должны рассматриваться как «вынужденная по нынешним политическим обстоятельствам мера», он предлагал по каждому конкретному случаю проводить «строгий разбор» всех обстоятельств и учитывать только «гласные, на документах основанные и не вызывающие сомнения» свидетельства о подлоге товаров или документов. Более того, одновременно с вознаграждением за достоверные сведения предлагалось ввести соразмерный ему денежный штраф за ложный донос.

По мнению членов Государственного совета, обязательным условием проведения торгов, которые с целью недопущения утраты скоропортящегося товара проводилась в кратчайшие сроки, должна была стать «гласность» процедуры продажи. Для этого в создаваемые комиссии включались только «надежные от правительства чиновники» и лица по выбору от купечества, которые выступали бы в качестве «присяжных свидетелей», а несогласные с решением комиссий могли подавать апелляции. Все эти меры были направлены на предотвращение различных «притеснений», «злоупотреблений, лихоимства или похищения частной собственности».

Еще одной мерой, призванной успокоить как российское купечество, так и многочисленных потребителей иностранных

товаров, было публичное объяснение возможных позитивных последствий от введения ограничений во внешней торговле. Особенно отчетливо такого рода аргументы представлены в «Положении о нейтральной торговле на 1811 г.». В преамбуле при обосновании цели вводимых ограничений «свободы» во внешней торговле утверждалось о необходимости «сократить привоз товаров иностранных» для «поощрения... внутреннего труда и промышленности». Подобного рода аргументация в сочетании с заявлениями о приверженности принципу неприкосновенности частной собственности активно использовалась и после отказа России соблюдать условия континентальной блокады.

М. В. Тихонова

**Проезжие (отпускные) памяти середины XVII в.
Якутской воеводской избы
(по материалам Архива СПбИИ РАН)**

Документы Якутской воеводской избы, появившиеся в результате деятельности русской администрации, сохранились до наших дней в составе фонда № 1177 РГАДА (более 5 тыс. единиц хранения за 1636–1718 гг.). В Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН находятся 1128 единиц хранения в фонде № 160 (Якутская воеводская изба), большинство из них относятся к XVII в. Таможенная документация как источник по изучению торговли позволяет определить место Якутского уезда в частности и Сибири в целом в торговых связях России середины XVII в. В таможенной документации, представленной в 160-м фонде Архива СПбИИ РАН, одними из самых многочисленных являются проезжие (отпускные) памяти (грамоты) — документы, составленные на вывозимый из данного пункта товар. В них указывались дата, фамилия и имя предьявителя проезжей, перечень, количество и таможенная оценка вывозимых товаров, отметки об уплате пошлин. Проезжие комплектовались по годам и были небольшими по объему (в 1–2 сстава, очень редко больше). На многих документах полностью или частично сохранились таможенные печати.

Основным источником для этого доклада послужили проезжие памяти, составленные в Олекминском остроге в 1640–1641 гг. — в период, когда место таможенного головы занимал Дружина Трубников. Каждая из памятей «отпускала» (отсюда термин «отпускные памяти») торговых или промышленных людей на соболиный промысел вниз по Лене реке. Далее шло перечисление вывозимого с собой имущества (хлебного запаса и промышленных товаров) и его таможенная оценка.

Развитие русской торговли за Уралом началось со скупки мехов у местного населения. Торговля с коренными жителями

края носила преимущественно меновой, а не денежный характер. Местные «иноземцы» выменивали пушнину («мягкую рухлядь») на муку, котлы, топоры, ножи, железо «в прутьях», оловянную посуду, одежду, украшения и т. п. В документах о сибирской торговле перечисляется, по сути дела, весь набор нужных для повседневной жизни вещей — одежда, обувь, посуда, охотничий и сельскохозяйственный инвентарь, оружие, украшения, иконы, книги и т. д. Видное место среди провозимых на восток товаров занимали продукты питания. Особенно выгодна для торговых людей была продажа муки/хлеба. Цены, складывавшиеся в различных сибирских городах на одни и те же виды продукции, ясно показывают причины, побуждавшие торговых людей закупать товары для их перепродажи. Пуд муки по мере удаления от европейской части России увеличивался в цене практически в геометрической прогрессии.

Обратимся к проезжим из Олекминского острога: в одной из них промышленный человек Семенка Александров с товарищами отправляется на соболиный промысел и везет с собой 117 пудов ржаной муки по таможенной оценке на 175 руб. 16 алтын 4 деньги. Присутствие в сумме мелких денежных мер дает основание говорить о том, что таможенная оценка осуществлялась не в приблизительных цифрах и претендовала на рыночную объективность. Математические расчеты выводят стоимость пуда ржаной муки в 1,5 руб. Казалось бы, вполне конкретная цифра. Однако уже в одной из следующих проезжих мы читаем: «а с ним хлебного запаса и промышленного заводу 35 пуд муки и 15 сажень сетей неводных и того по таможенной оценке на 48 рублей и на 25 алтын», что ставит под большой вопрос стоимость пуда муки, полученную в ходе проведенных ранее расчетов. Этот вопрос пока остается открытым и требует дополнительных вводных данных.

После цифр таможенной оценки хлебного запаса и промышленных товаров в заключительной части отъезжих грамот шли отметки об уплаченных (или отложенных) пошлинах. Обложение сибирских промыслов «десятой» (10 %) пошлиной было повсеместным, причем ее взимали натурой. Помимо этих основных статей обложения в Сибири сохранялось большое количество мелких сборов, которые торговые и промышленные

люди должны были уплачивать в каждом таможенном пункте (городе), причем тяжесть и неудобство их уплаты усугублялись местными особенностями. В исследуемых нами проезжих памятниках можно наблюдать следующие отметки, касающиеся взимания пошлин. Государева десятая пошлина с промышленных товаров и продовольствия не взималась с формулировкой «десятые пошлины не взято, потому как он будет с промыслу, и с него возмется г(осу)д(а)р(е)ва десятая пошлина мяжкой рухлядью». При этом если одновременно указывалось наличие с собой пушнины, то после описания ее количества следовала фраза: «с той мяжкой рухляди Государевы десятой пошлины взято сполна». Также в каждой памяти упоминается «отъезжая пошлина», в большинстве случаев размером в алтын с человека. Однако единообразия во взимании этой пошлины не наблюдается. В каждой третьей грамоте после фразы «десятые и отъезжие пошлины не взято» мы встречаем упоминание об алтыне, взятом в качестве «отъезжей пошлины».

В. В. Ткачев

Роль иркутского купечества в развитии музеев и галерей как научных и художественных центров

Музеи представлялись общественности центрами научной, культурной, художественной жизни. Как живой организм, учреждения постоянно развивались, изменялись подходы музейной работы, создавались новые коллекции и экспозиции. Достаточно вспомнить то, как совершенствовал свою деятельность музей Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСО ИРГО) в процессе формирования фондов, построения экспозиции. Другим примером может послужить работа Иркутской картинной галереи, на основе которой был создан художественный центр для жителей города.

Благодаря общественной работе иркутского купечества поддерживались просветительские проекты музея, его исследования. Стремление купцов к развитию стимулировало движение общественных инициатив в музейной сфере, повышался интерес и у известных сибирских ученых, преподавателей, деятелей искусства. Достаточно вспомнить деятельность Г. Н. Потанина, В. А. Комаровского, А. П. Богословского и многих других, которые не только предлагали свои идеи, но и эффективно реализовывали их в целях культурного развития сибирского общества. Также на развитие музея ВСО ИРГО и Иркутской картинной галереи повлияло непосредственное участие в их значимых проектах и мероприятиях иркутского городского головы, мецената В. П. Сукачева.

Сибирские исследователи обращаются к изучению деятельности иркутских купцов в музейной сфере. Знакомство с предшествующими трудами дает возможность определить, что настоящая работа направлена на то, чтобы проследить изменения в организации музейной деятельности и изучить историю участия иркутского купечества в работе музея ВСО ИРГО и Иркутской

картинной галереи как первых научных и художественных центров.

В создании музеев участвовала общественность, которую представляли известные коллекционеры — представители купеческого сословия. Собиратели редких и ценных предметов участвовали в составлении проектов будущих учреждений, формировании фондов и оформлении экспозиций, выставок. Многие обращали свое внимание на то, чтобы музеи и галереи становились центрами научной и культурной жизни, поэтому их работа была направлена на разработку новых форм взаимодействия с посетителями через лекции, экскурсии, тематические встречи. В результате организации диалога с учеными отмечалось значение музеев в просвещении и приобщении жителей к отечественному и мировому культурному наследию. Так, Владимир Платонович Сукачев писал Всеволоду Ивановичу Вагину в письме от 30 июля 1900 г.: «Большое спасибо за доброе слово по поводу моего предложения устроить в Иркутске картинную галерею. Многие и очень многие, даже из интеллигентов, смотрят на это как на пустую затею. Школу, говорят, нам дайте, образованных техников, а образование вкусов, любовь к искусству — без этого еще долго можно обойтись; русские живописцы в галерее будут представлены в оригинальных произведениях, гравюрах и фотографиях с наилучших их произведений... В настоящее время изготовленные по моему заказу копии разбросаны по частным квартирам или в тех случаях, когда размеры их слишком велики, — остаются в галереях. Настало время собрать их воедино. С этой целью осенью этого года я намерен объявить при Обществе петербургских художников конкурс на постройку специального здания. Место я наметил на Тихвинской улице на углу Трапезниковского переулка, там, где была аптека Щульца, а потом дом Котельникова».

Приведем другой пример, когда по инициативе общественности, иркутского купечества и власти создавался музей как научный центр. 17 ноября 1851 г. в Иркутске объединяются общественные силы в одной организации (Сибирский отдел Императорского Русского географического общества), которая начала проводить комплексную собирательскую и исследовательскую работу. В первые годы существования музея происхо-

дил процесс пополнения фондов ценными и редкими коллекциями. Благодаря активной работе членов отдела к 1889 г. музей уже имел 9048 экземпляров. Также осуществлялись разнообразные просветительские проекты. Устраивались воскресные лекции, на которых пояснялось содержание коллекций. Лекторами выступали известные ученые: В. И. Подгорбунский, Д. П. Першин, Н. И. Попов, А. И. Кириллов, Н. П. Левин, Д. А. Клеменц и многие другие. В результате совместной работы купечества и ученых было создано собрание, которое подробно представило историю региона от древности до настоящего времени. Также коллекция послужила основой для проведения сибирскими учеными более глубоких исследований в разных научных областях. Результаты данной работы публиковались в местных изданиях.

Таким образом, музей ВСО ИРГО и Иркутская картинная галерея постоянно развивались, разрушая барьеры и преодолевая все препятствия, которые появлялись. Благодаря деятельности иркутских купцов, учреждения создавались как научные и художественные центры по изучению культурного и природного наследия региона.

С. Ж. Токтамысов

**Государственно-предпринимательское партнерство
по развитию ирригационного дела в Средней Азии
в начале XX в.**

После присоединения среднеазиатских территорий к Российской империи регион получил активное сельскохозяйственное развитие, постепенно превращаясь в значимого поставщика хлопка для отечественной текстильной промышленности. В конце XIX — начале XX в. в Туркестане наблюдался взрывной рост площадей, на которых культивировался хлопчатник. Так, в 1884 г. они составляли 457 десятин, а в 1907 г. превысили 300 тыс. десятин. Общее количество орошаемых земель в Туркестане составило в 1907 г. 1664 млн десятин. Таким образом, под хлопок в указанном регионе в этот период было занято почти 20 % орошаемых земель. Однако несмотря на достигнутые успехи, в связи с ростом производственных мощностей российской текстильной промышленности, достигнутые объемы производившегося хлопчатника продолжали оставаться недостаточными. Очевидным становилась необходимость развития в Туркестане ирригационного земледелия. Объем неорошаемых земель пригодных для выращивания хлопка в данном регионе составлял 1,7 млн десятин, что было сопоставимо с общим объемом орошаемых земель. Потенциально они могли быть использованы для расширения посевов хлопка.

Этот факт привлек внимание правительства, но введение пустующих территорий в эксплуатацию требовало значительных капиталовложений, которые решено было обеспечить за счет привлечения частного капитала. Это, в свою очередь, требовало разработки проектов, которые были бы привлекательны для владельцев финансовых средств. В результате летом 1907 г. появился правительственный «Проект правил отдачи частным предпринимателям свободных государственных земель в Туркестанском крае под орошение и культуру хлопка», в кото-

ром отмечалась необходимость организации водопроводных компаний для продажи воды потребителям в рамках осуществления ирригационных мероприятий. При этом правительство в случае отсутствия спроса на воду обязалось покупать определенный объем указанных ресурсов, гарантируя тем самым прибыльность данного предприятия для предпринимателей.

В дальнейшем к разработке проекта подключился Хлопковый комитет при Департаменте земледелия. В июне 1909 г. состоялось «Совещание по вопросу об орошении земель в Туркестане и в Закавказье» под руководством А. В. Кривошеина. На нем обсуждалось предоставление предпринимателям дополнительных льгот по аналогии с железнодорожным строительством: дарование правительственной гарантии по облигациям, выдача беспроцентных ссуд, бесплатный отвод земель в собственность в проблемных для орошения местах. Новаторским стало предложение Кривошеина о возможности допуска к ирригационным проектам иностранного капитала. Совещание высказалось за необходимость возмещения казной предпринимателям расходов, понесенных при выполнении ирригационных работ, за упрощение бюрократических барьеров по оформлению разрешений для орошения.

Идея расширения посевных площадей хлопчатника за счет развития ирригационной системы в Средней Азии была с энтузиазмом подхвачена московскими текстильными производителями, а также была подкреплена аргументами патриотического характера: необходимостью «освобождения» российской хлопчатобумажной промышленности от «подчинения» иностранным поставщикам хлопка, сокращения российских платежей за границу и направления финансовых ресурсов на поддержку отечественной экономики.

Предприниматели поддерживали правительственную идею по привлечению в ирригационную сферу частных капиталов вследствие необходимости больших затрат при «стесненном» положении государственного бюджета.

На совещании хлопкового комитета при Московском биржевом обществе в ноябре 1909 г. был утвержден предварительный план мер по формированию «Московской оросительной компании», включавший разработку финансово-экономического

плана и организацию экспедиции стоимостью в 6 тыс. рублей. Также был намечен район действий создаваемой компании — он охватывал Учъ-Курганский и Кызыл-Ярский степные регионы Ферганской долины.

Состав участников формируемой «Московской оросительной компании» включал большое количество фирм, заинтересованных в развитии российского хлопководства: Товарищество П. М. Рябушинского, Торговый дом «Л. Кноп», Товарищество Н. Н. Коншина, «Вогау и К^о» и многие др.

Таким образом, начало XX в. стало временем разработки крупных отечественных проектов по развитию ирригационного дела в Средней Азии. Государство и предприниматели стремились выступить в качестве партнеров в экономическом освоении Туркестана. У каждой стороны были собственные интересы в этом вопросе. У правительства они имели значительный геоэкономический уклон, предприниматели преследовали чисто экономические выгоды, связанные с обеспечением своих текстильных предприятий дешевым отечественным сырьем для снижения себестоимости продукции, повышения конкурентоспособности своего товара. Имея различные цели, обе стороны были заинтересованы в тесном сотрудничестве в освоении туркестанских территорий.

И. В. Тутаев

**Китайский плутовской устав:
первое приближение к вопросу о подлинности документа**

«Секретная инструкция Лифаньюаня дзаргучею из Маймайчэна», известная в историографии под названием «Китайского плутовского устава» (далее — Устав), является одним из наиболее примечательных документов, регулировавших торговые отношения между Российской империей и империей Цин. Указанный документ был издан китайским законодателем ориентировочно в XVIII в. и был направлен на регулирование вопросов организации торговли между русскими и китайскими купцами в Кяхте.

Устав, будучи цинским нормативно-правовым актом, тем не менее, существует только в русском переводе и известен прежде всего отечественным исследователям. Вследствие указанного обстоятельства вполне резонно могут появиться сомнения относительно подлинности рассматриваемого документа. Настоящее исследование представляет собой первое приближение к попытке разрешить вопрос о подложности Устава.

Для того, чтобы ответить на вышеназванный вопрос, Устав необходимо рассмотреть с точки зрения двух аспектов: происхождение документа и его содержание.

Впервые Устав был опубликован в 1834 г. в журнале «Библиотека для чтения» (далее — журнал). Таким образом, документ нормативно-правового содержания впервые нашел свое отражение не в официальной документации, а в частном периодическом издании. В кратком пояснении к Уставу указано, что документ этот «отнюдь ни выдумка, ни шутка» и что получен он из «верного источника». При этом необходимо также учитывать, что первоисточник на китайском языке попросту отсутствует или, что также вполне вероятно, утрачен. Хотя все вышесказанное явно не свидетельствует о том, что представленный в журнале текст Устава является подложным, без наличия первоис-

точника невозможно однозначно утверждать, что Устав действительно существовал.

При изучении содержания Устава представляется необходимым также обратиться к «Высочайше утвержденным правилам, по которым Кяхтинская таможня и купечество, при производстве торговли с китайцами торга, поступать должны» от 15 марта 1800 г. как к акту, которым регулировались схожие с Уставом отношения в момент опубликования соответствующего текста в журнале. При сравнении обоих документов хотя и можно заметить, что они не являются полностью схожими, однако отдельные положения (например, ответственность за обмен товаров по цене, отличной от той, что была установлена купеческой организацией) присутствуют в каждом из них. В то же время юридическая техника, стиль изложения и строгость мер ответственности вполне соответствуют духу традиционного китайского права. Оба представленных наблюдения в то же время не позволяют полностью ответить на вопрос о подлинности документа. Существование идентичных положений, с одной стороны, не свидетельствует о подложности в силу потенциального существования общих тенденций в законодательстве разных стран. С другой стороны, цинское законодательство уже было известно в России первой половины XIX в. (например, «Уложение китайской палаты внешних сношений») и общий стиль содержания вполне мог быть воспроизведен при подлоге.

Подводя итог всему вышесказанному, можно заметить, что на вопрос о подлинности «Китайского плутовского устава» невозможно ответить однозначно. Это мог быть как действительно существовавший нормативно-правовой акт Цинского Китая, так и подделка, созданная в подражание китайскому законодательству. Соответственно, указанный вопрос нуждается в дальнейшем исследовании. Так или иначе, к существующему тексту Устава на русском языке следует относиться предельно осторожно и критически.

Д. З. Фельдман

**К вопросу о деятельности евреев — поставщиков
русской армии в конце XVIII в.
(по архивным материалам)**

Боеспособность любого воинского подразделения во время военных действий невозможна без тылового обеспечения его различными продуктами и припасами, в том числе оружием. Эта аксиома верна для любой исторической эпохи, в частности, для конца XVIII в., периода военных конфликтов России с Османской империей и разделов Речи Посполитой. Поскольку театр войны развернулся вблизи и на территории со значительной долей еврейского населения, поддерживавшего в своей массе русского императора и занимавшегося преимущественно торговлей и различными промыслами, то на него также легла тяжелая задача по снабжению русских войск продовольствием, фуражом и другими припасами.

В широком смысле снабжение было одной из важнейших составляющих факторства — деятельности евреев в мирное время по комплексному обслуживанию помещичьего хозяйства. Помимо поставки различных товаров в дворянские имения и продажи произведенной там продукции, предприниматели-факторы (в еврейской традиции — мишурисы) передавали своим клиентам-землевладельцам полезную информацию хозяйственно-экономического характера и вообще исполняли любые поручения своего покровителя. При этом следует отметить, что в целом тема тылового обеспечения русской армии даже сегодня не является предметом активного изучения и особенно это касается периода русско-турецких войн и польских разделов конца XVIII в. Прояснить данный вопрос может введение в научный оборот документальных источников, хранящихся в РГАДА и РГИА.

Участие евреев — купцов и мещан — в качестве поставщиков различной продукции в русскую армию стало возможным

благодаря содействию главнокомандующего армией в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического, весьма толерантно относившегося к евреям. Одним из них оказался малороссийский житель Хаим Гошиович, мастер «золотошвейной и позументной работы» (в еврейской традиции — шмуклер). Начиная с 1777 г. Гошиович имел контракты на поставку в войска, действовавшие против турок на Балканах, своей продукции. Это подтверждает копия аттестата, выданного ему в 1795 г. генерал-поручиком графом И. Е. Ферзеном. До 1786 г. еврей находился в Новомиргороде под покровительством главнокомандующего русской армией, охранявшей от турок границы на восточном берегу Черного моря, генерал-аншефа П. А. Текелли. Именно он познакомил Потемкина с Гошиовичем. Ознакомившись с работой мастера, генерал-фельдмаршал приказал ему остаться при нем «безотлучно», после чего в 1787 г. Гошиович перевел из Новомиргорода в Кременчуг свою фабрику и семью и до конца 1791 г. всегда находился при князе в его частых поездках по армии. По указаниям военачальника Гошиович изготавливал для офицеров «как позументы разные, так вышивку по платьям золотом и серебром и прочее». После смерти Потемкина Гошиович находился на службе у кабинет-секретаря графа А. А. Безбородко.

Среди армейских поставщиков Г. А. Потемкина встречались и еврей-иностранны, в частности, бродские евреи, принимавшие в то время активное участие в экономической жизни Южной России. Из архивных материалов становится известным имя австрийского подданного, купца и подрядчика Гашиеля-Эзекиеля Трахтемберга, который во время войны с турками поставлял через своего приказчика в русскую армию хлеб и различные товары. Документы свидетельствуют и о том, что в конце XVIII в. «торг кожаным товаром... и расход его на отпуски в продажу для армии» имел белицкий купец Гецель Лейзарович. Согласно аттестату, выданному в 1795 г. правителем Минской губернии генерал-майором И. Н. Неплюевым минскому купцу и заседателю Минского городского магистрата Файбишу Ицковичу, еврей во время «возмущения» в Польше и Литве в 1794 г. (восстание под руководством Тадеуша Костюшко) исполнял с риском для жизни курьерские поручения, поставлял для войск и магазинов

провиант и фураж, а также разные припасы в «генеральной гобспиталь», причем зачастую за свой счет, не дожидаясь получения казенных денег.

Среди подрядчиков по поставкам провианта в армию во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. следует особо выделить могилевских купцов Йешуа Цейтлина и Ноту Хаимовича Ноткина, которые в свое время были пожалованы последним польским королем Станиславом II Августом чином «польского королевского надворного советника» и тесно контактировали с Г. А. Потемкиным, будучи его факторами, о чем свидетельствуют как еврейские, так и российские источники. Правда, внезапная смерть князя привела к тому, что многие еврей-предприниматели потерпели значительные убытки, поскольку не смогли добиться от казны причитавшихся им сумм. Вообще же, согласно аттестатам от военачальников, Нота Ноткин и его брат Гамшей, белицкий купец, поставляли продовольствие и фураж в казенные магазины, госпитали, полки и на флот с 1776 по 1798 г.

В заключение необходимо отметить, что во многих случаях деятельность евреев по тыловому обеспечению русских воинских частей скрыта в архивных документах под обобщенными формулировками типа «исполнение разных поручений» или «разные услуги на пользу Отечества» и поэтому нуждается в дальнейшем изучении.

С. В. Филатова

**Художественные интересы и интеллектуальные занятия
в повседневной жизни провинциального купечества
второй половины XIX — начала XX в.
(по материалам Пензенской губернии)**

В общественном сознании современников, в литературе, в живописи, в других сферах искусства за купцом прочно закрепился образ хваткого, беспринципного дельца, духовный мир которого ограничен и примитивен. Такое отношение художественной интеллигенции в значительной степени предопределило негативное восприятие купеческой повседневной культуры в последующем. В настоящее время существует множество работ, доказывающих, что интересы торгового сословия не сводились исключительно к жажде наживы и накопительству, что в поисках адекватных решений в условиях вызовов нового, буржуазного общества отечественное предпринимательство нередко обращалось к опыту науки и искусства. Однако и сегодня понятие «купец» в отношении вопросов образования и культуры имеет скорее негативную коннотацию. Рассмотрим на конкретных примерах, как обстояло дело в реальности.

Традиционным развлечением художественно-эстетической направленности в купеческой среде было музыкальное искусство, в частности, песенное. Приведем цитату из воспоминаний В. А. Инсарского, в которой он анализирует «значение пения на Руси» и «влияние на это дело купечества»: «Самыми энергичными любителями пения в городах наших, прежде всего, являются купцы и вообще торговое сословие. Они любят сами петь и других слушать. Где много купцов, там наверно пение в отличном положении». Вот почему Пензу «можно было принять за обширную, натуральную консерваторию, где все: непрерывно пели..., а те, которые не могли или не умели петь, принимали в пении самое горячее участие».

Вдали от губернского центра дело обстояло приблизительно так же. Так, мокшанский купец В. П. Быстренин в своих рассказах о развлечениях в глубинке сообщал, что «находились среди мужчин музыканты и певцы, которые под аккомпанемент гитары приводили в восхищение слушателей пением “жестоких” тогдашних романсов, вроде “Черный цвет” и “Гляжу я безмолвно”. Фортепьяно во времена моего детства во всем городе не было...».

Тем не менее, данный музыкальный инструмент, безусловно, присутствовал в повседневных практиках купеческого сословия, особенно в конце исследуемого периода. В своем дневнике за 1915–1916 гг. Н. А. Финогеева, дочь пензенского купца А. Ф. Финогеева, регулярно пишет об игре на рояле — иногда вместе с матерью «в четыре руки», иногда самостоятельно. Рояль упоминается и в описании домашнего интерьера Кузнецовых.

Во второй половине XIX — начале XX в. в повседневную жизнь купечества прочно входит театр. В Пензенской губернии традиции Мельпомены были очень сильны — ее даже называли «Мордовским Афинами», потому что в начале XIX в. по количеству театров она уступала только Санкт-Петербургу и Москве. В пореформенное время свой вклад в развитие театрального искусства внесло и купечество. Так, П. М. Медведев, артист и антрепренер из Саратова, после пожара в местном театре в 1862 г. отправился в Пензу. Там он арендовал заведение, принадлежащее И. Н. Горсткому. На предварительные расходы труппе требовались средства. Горсткин рекомендовал актерам обратиться за помощью к купцу И. А. Кононову, откупщику: «Он порядочная личность. Попросите у него, может быть, даст». Собственно, так и произошло. Кононов тут же выдал значительную сумму в счет абонированной на будущее ложи.

Посещение театра в среде купечества являлось не только и не столько средством художественно-эстетического развития. Например, Н. А. Кузнецова, супруга пензенского купца П. Ф. Кузнецова, «любила и театры, и концерты»; компанию на этих мероприятиях составляла Мария, младшая сестра Петра Федоровича. В результате подобного времяпрепровождения барышня, учившаяся посредственно и не окончившая полного

курса гимназии, не имевшая никакого занятия, вскоре вышла замуж за М. В. Вярвильского, сына местного купца-мануфактуриста.

Театр и книга неразрывно связаны. Из мемуарной литературы следует, что чтение постепенно занимает значительное место в досуге купечества. Рассказывая о времяпрепровождении членов своей семьи, в частности, бабушки и матери, представитель уже упомянутой пензенской купеческой династии А. П. Кузнецов сообщал, что они очень любили читать. Дед купца В. П. Быстренина, передав торговые дела старшему сыну, также «целые дни просиживал за книгами». Представителей старшего поколения интересовала в большей степени литература религиозного плана. Круг чтения молодых членов купеческих семейств, получивших гимназическое образование, был значительно шире.

Подводя итоги, мы отмечаем, что купеческая повседневность в исследуемый период включала в себя деятельность художественно-эстетического и интеллектуального характера. Какие-то занятия (например, пение) относились к крестьянским традициям, другие были предопределены нормами и ценностями дворянской культуры. Кроме того, специфика ведения бизнеса в новых рыночных условиях требовала определенного образовательного уровня, способностей к установлению качественных межкультурных коммуникаций.

Д. Ю. Хоменко

**«Ни одному российскому Кит-Китычу и во сне не снилось»:
торговля на Енисейском Севере на рубеже XIX–XX вв.**

Изучение истории народов Енисейского Севера всегда было объектом внимания исследователей. Большой научный материал был накоплен в дореволюционной и советской этнографической литературе. На факты неэквивалентной торговли, обмана коренных жителей купцами впервые обратили внимание представители сибирского областничества. В докладе делается попытка рассмотреть основные формы проведения торговых операций с представителями коренных народов Енисейского Севера. Для территории Туруханского края в качестве источников использованы материалы Енисейского епархиального комитета Православного миссионерского общества, отложившиеся в Государственном архиве Красноярского края. Для территории Приангарья использованы материалы крестьянских начальников, которые уже вводились в научный оборот.

В материалах священников-миссионеров нашли отражение многочисленные описания торговых операций, при которых купцы стремились напоить коренных жителей или обмануть их. Отмечались различия в поведении купцов по отношению к беднякам (которые были в большинстве случаев должниками торговцев) и состоятельным «инородцам». В первом случае торговцы позволяли себе откровенную грубость: «начинает сам развязывать санки и осматривать, не найдет ли чего-нибудь спрятанного от него инородцем». Шло в ход и запугивание: «если не будет приготовлено (долг. — *Д. Х.*), тогда будут отобраны олени».

В чуме состоятельного коренного жителя торговцы вели себя по-другому. Для начала они предлагали «инородцам» бесплатное угощение в виде алкогольных напитков. В процессе обмена мануфактурных товаров на пушнину «торгаш зорко следит

за хозяином чума, чтобы он не протрезвился». После того, как сделка заключена и товары проданы, «и когда хозяин чума довольно опьянеет, тогда ему прекращается всякое угощение», а торговец начинает уже продавать алкогольные напитки. Кроме спаивания, излюбленным приемом являлся прямой обман: торговец мог потребовать с опьяневшего коренного жителя несуществующий долг, а взяв в его счет пушнину, «забывал» записать этот приход в долговую книгу. В других случаях торговцы сообщали «инородцам» о несуществующих долгах, которые якобы остались от их умерших родственников, и требовали их выплаты.

Священники описывали такую торговлю как невероятно прибыльную для купцов. Священник Дудинского прихода А. Перепёлкин написал в отчете за 1898 г.: «И торговля же! И барыши же! Ни одному российскому Кит-Китычу и во сне не снилось это, да никогда и не приснится». В отчете Верхне-Инбацкой церкви за 1902 г. прибыльность торговли русских с коренным населением оценена так: «торговля русских с инородцами — это то же, что золотопромышленность. Русский торговец, обставившая инородца, в большинстве рискует своим состоянием, или получит порядочные проценты при избыточном промысле, или в противном случае потеряет всё».

Под «обстановкой» понималась система, при которой купец поставлял коренным жителям орудия промысла и товары в счет будущей добычи, что делало «инородца» многолетним должником своего кредитора. Аналогичная система (с таким же названием) сложилась в рыбопромышленности в низовьях Енисея.

В Приангарье в начале XX в. наблюдалась аналогичная ситуация. Закон разрешал торговлю с «инородцами» только в специально отведенных местах — сугланах. Многие богатые крестьяне и купцы (так называемые «тунгусники») строили в тайге на берегах рек Подкаменная и Нижняя Тунгуска заимки и в нарушение закона скупали за бесценок у эвенков (тунгусов) продукты их промысла (пушнину), взамен втридорога продавая фабричные товары и продукты (чай, хлеб). Вот как описывается типичная торговая операция эвенка и «тунгусника»: «Вся добытая пушнина приносится в избу, с бутылкой водки садится на нее верхом тунгус и около него кладутся счеты». После заключения сделки (обмена добытой пушнины на хлеб), купец пред-

лагал эвенку обменять личные вещи (нож, обувь, одежду) на водку, и «ценные на Енисейской и Ирбитской ярмарках вещи тунгусского изделия идут за бесценок ... Если дети не успевают прогнать оленей (нагруженных купленным хлебом. — Д. Х.) в тайгу подальше от зимовья, то пропивается только что купленный хлеб».

Податной инспектор 2-го участка Енисейского уезда И. И. Покровский в 1912 г. указывал, что купцы эксплуатировали невежество и доверчивость эвенков, а касательно спаивания «инородцев» отмечал, что торговцы угощали коренных жителей «оригинальной смесью из воды, перца, табаку и горчицы и т. д.». «Тунгусники» отзывались об эвенках следующим образом: «Вот живучая тварь — ведь как ощиплешь, а опять живет».

Таким образом, на всем Енисейском Севере коренные жители подвергались дискриминации со стороны торговцев, которые использовали одинаковые стратегии: спаивание и обман. Такая ситуация была возможна благодаря отсутствию конкуренции: коренные жители были вынуждены покупать товар у одних и тех же купцов, не имея доступа к крупным торговым центрам.

Л. Б. Цыденова

**Кяхтинское купечество и его роль в деятельности
Троицкосавско-Кяхтинского отделения
Приамурского отдела Русского географического общества**

С 1772 г. Кяхта стала единственным пунктом, через который осуществлялась легальная русско-китайская торговля. Неуклонный рост русско-китайской торговли через Кяхту во второй четверти XIX в. благоприятно сказывался и на развитии Кяхты-Троицкосавска. Кяхтинское купечество выступало как прогрессивная сила и влияло положительным образом на развитие местной культуры. Пробуждению интереса к изучению природы края и Монголии способствовали проходившие в Центральную Азию через Троицкосавск-Кяхту научные экспедиции Императорского Русского географического общества (ИРГО). Здесь они нанимали проводников и снаряжали конвой для охраны экспедиции, сюда они возвращались и считали своим долгом выступить перед своими соотечественниками с первыми впечатлениями о поездках и открытиях.

Учителя, врачи, служащие фирм, политические ссыльные, представители передового купечества и чиновничества направили свои силы на изучение природы и истории Забайкалья и соседней Монголии. 13 июля 1894 г. состоялось торжественное открытие Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского Отдела ИРГО (ТКО ИРГО) в доме Кяхтинского купеческого собрания. Оно по сути стало первым научно-исследовательским учреждением на территории современной Бурятии. Возглавил ТКО ИРГО Ю. Д. Талько-Грынцевич. Одновременно с отделением был официально признан уже существовавший музей — как структурное подразделение ТКО ИРГО.

Несмотря на трудности, коллектив энтузиастов поставил работу по изучению Южного Забайкалья и прилегающих районов Монголии на столь высокий уровень, что собранными в тот

период коллекциями и созданными трудами до сих пор пользуются многие исследователи.

Число научных работников при отделении всегда было не менее 15–20 чел., число же членов превышало 100. Членами ТКО ИРГО состояли в разные годы кяхтинские купцы: Бардашев М. А., Басов И. А., Волосатов И. М., Киселев М. Г., Коковин М. А., Коковин А. М., Лушников А. М., Лушников (Кандинская) К. Х., Лушников А. А., Лушников Г. А., Лушников (Стерхова) Е. Д., Лушников И. А., Лушников М. А., Лушников (Красина) С. Б., Лушников А. А., Коковин М. М., Корзухин М. И., Коркин И. И., Лычагов В. Ф., Молчанов В. Н., Молчанов А., Немчинов А. Я., Немчинов С. М., Немчинова (Будвид) Е. М. (жена А. Я. Немчинова), Осокин Г. М., Пятовский Я. М., Родионова (Лушникова) А. А., Родионов С. Н., Сеницын И. Д. Сердюков И. Н., Смолев С. С., Смолев Я. С., Собенников В. А., Титов В. И., Швецов В. А., Швецов С. А., Швецова Е. А., Шевелева А. Д., Шергин Ф. С., Шишмаков М. В., Шишмаков В. М. Представленный список неполный, работа по его уточнению будет продолжена.

Изыскания кяхтинских краеведов, их труды по изучению природы и истории Забайкалья получили высокую оценку в научном мире. Всего в «Протоколах» и «Трудах» ТКО ИРГО с 1894 по 1914 г. напечатано 174 работы 65 авторов, и это не считая устных докладов. Из помещенных в «Трудах» работ заслуживают внимания публикации кяхтинских купцов об изысканиях вдоль железнодорожной линии «Мысовая — Кяхта» А. И. Верблюнер (а также инженера А. А. Лушников о линии Верхнеудинск — Кяхта), о бурятских легендах и сказках Я. С. Смолева, «Очерки из жизни буддийских монастырей» А. Д. Корнаковой. Серебряными и золотыми медалями ИРГО за результаты своих исследований были награждены 10 членов ТКО ИРГО, в том числе представители кяхтинского купечества: Яков Степанович Смолев (серебряная медаль за работы по этнографии, 1904 г.), Михаил Алексеевич Бардашев (малая серебряная медаль за многолетние труды на пользу Отделения, 1905 г.), Августа Дмитриевна Корнакова, серебряная медаль за труды по исследованию Монголии, 1911 г.).

Сын купца А. А. Молчанова И. А. Молчанов стал активным членом ТКО ИРГО, организовал ряд экспедиций. Он внес большой вклад в уточнение топографических карт Монголии. В 1908 г. Молчанов посетил голец Улан-Хода, изучил его геологическое строение и растительность, уточнил топографическую карту системы р. Хаигил. В 1911 г. он прошел съемкой путь от Кяхты до Урги туда и обратно, уточнив карты бассейнов рек Кирана, Иро, Шарин-гола, Хара-гола, низовьев р. Орхона. В 1913–1914 гг. вместе с профессором М. А. Усовым Молчанов изучал древнее оледенение на хребте Хентей, в результате чего была создана орографическая и геологическая карта и описан этот обширный горный массив.

Кяхтинское купечество оказывало материальную помощь ТКО ИРГО. Среди жертвователей: М. А. Бардашев, В. А. Собенников, И. И. Коркин, Г. М. Осокин, С. А. Печатнов, Я. М. Пятковской, И. Д. Сеницына, С. Я. Сеницына, А. А. Лушников и др. В 1894 г. А. Д. Старцев пожертвовал музею каменный дом, а купеческое общество принимало на себя обеспечение его отоплением. В пользу отделения устраивали спектакли и вечера.

Купцы принимали участие в пополнении коллекций музея. В отделе этнографии заслуживают внимания манекены 12 южных китайцев различного общественного положения и 8 моделей китайских судов — все китайской работы из г. Фучжоу (пожертвованы купцом М. Г. Киселевым), довольно полная коллекция моделей китайских земледельческих орудий (пожертвованы А. М. Коковиным). Привлекают внимание образцы чая, поступившие в музей от купцов А. М. Лушникова и Я. А. Немчинова. Среди этнографических коллекций имеется коллекция по тибетской медицине (68 предметов для нее приобретены на средства музея, а 21, вместе со справочной книгой по тибетской медицине, пожертвованы Г. М. Осокиным). Отдел буддийского культа пополнен членом ТКО ИРГО А. Д. Корнаковой ценной коллекцией атрибутов ламского погребения. Все эти предметы сегодня широко используются в экспозиционной деятельности Кяхтинского краеведческого музея имени академика В. А. Обручева и неизменно привлекают внимание посетителей.

Н. А. Четырина

Практика наследования бизнеса по духовным завещаниям из фонда ратуши Сергиевского посада (1782–1866 гг.)

В современной историографии все чаще для изучения института наследования обращаются не только к законодательным актам, но и к семейно-правовым документам. Именно они позволяют увидеть многообразную практику наследования имущества вообще и бизнеса в частности. Изучение фонда ратуши подмосковного Сергиевского посада позволило выявить 299 духовных завещаний, сделанных за период существования этого органа (1782–1866 гг.). Они были составлены представителями разных сословий и сословных групп, как мужчинами, так и женщинами, единолично или вместе с членами семьи.

Большая часть распоряжений касается судьбы недвижимости, а именно дворовладений с жилыми и хозяйственными постройками. Это характерно и для завещаний, написанных представителями купечества. Всего ими было сделано 91 распоряжение. Из них 22 документа написаны женщинами-купчихами, 3 — купеческими семейными парами, остальные 66 — мужчинами-купцами и купеческими сыновьями. При этом определить коммерческое назначение домов и дворовых построек не всегда возможно. Так, большой дом мог быть местом жительства многопоколенной семьи, включавшей нескольких женатых сыновей с детьми. А мог использоваться для содержания постоянного двора или другого заведения. Внимательное чтение текстов самих документов позволило выделить связанные с коммерческой деятельностью объекты недвижимости (лавки, промысловые заведения и складские постройки), а также наличие среди движимости товаров, наличного капитала и долговых документов. Благодаря такому подходу из всего объема 299 духовных завещаний удалось выделить 66 распоряжений, связанных с передачей бизнеса наследникам. Из них 48 написаны купцами, 17 — мещанами и 1 — баварцем.

Оценка передаваемого в наследство имущества не всегда дает адекватный материал для сравнения. Помимо обычной инфляции, надо иметь в виду, что за указанный период деньги последовательно считались просто на рубли, рубли ассигнациями и рубли серебром. Для сравнения: 1 руб. серебром приравнялся к 3,5 руб. ассигнациями. Это осложняет подсчеты, тем не менее, крайние границы назвать можно определенно. В шести случаях оценки не было вовсе. Минимальную сумму в 200 руб. объявила в 1801 г. купчиха вдова А. М. Коптелина. Максимальные суммы в 10 000 руб. сер. объявили купцы А. Е. Ерофеев и И. И. Шапошников. Кроме этого, в одном случае имущество оценили в 7000 руб. сер., в трех — в 6000 руб. сер., по одному разу в 5500, 5000, 4200 и 4000 руб. сер., пять раз имущество оценили в 3000 руб. сер., по одному разу в 2500, 2000, 1950, 1500, 1050, 1000 руб. сер. Итого 21 раз имущество оценили в диапазоне от 1000 руб. сер. до 10 000 руб. сер. Все эти случаи приходились на 1840–1866 гг.

В 43 духовных завещаниях в числе передаваемого недвижимого имущества торгового назначения названы собственные лавки при домах, лавки на двух рынках в посаде, в том числе каменные в один, два и три этажа, временные «подвижные балаганы», наемные лавки, в том числе под лаврской гостиницей в Сергиевском посаде, в Москве, в Санкт-Петербурге в гостином дворе, а также 3 «ренсковых погреба», отдельно стоящие амбары, сараи, складочные амбары и складочные погреба. В числе движимого имущества 32 раза называется товар, в том числе разный товар в лавках, колониальный, щепной, игрушечный, мелочный, панский, «теплый», мучной, овощной, съестные припасы. Несколько особняком стоит один случай передачи леса на срубку на наемной земле. Вместе с имуществом могли передаваться наследникам денежные капитал, расчеты в торговле, долги и долговые документы.

В 29 духовных в составе передаваемого по наследству бизнеса отмечены промысловые заведения на территории собственных дворовладений и на наемной земле: бумажные — 4 раза, гончарные — 3, кирпичные — 2, кожевенное — 1, кузницы — 2, купоросные — 7, медно-проволочные — 2, мукомольное — 1, сальные — 3, сапожное — 1, солодовенное — 4, суричное — 1,

фаянсовое — 2, химическое — 1, шелковое — 1. Один раз назван постоянный двор. Кроме этого, еще в двух духовных завещаниях в составе движимого имущества один раз названы формы и инструменты для производства сусального золота, и один раз повозки, возки, телеги, сбруя, лошади для организации грузо-пассажирских перевозок.

Наследниками бизнеса завещатели практически всегда называли ближайших членов семьи: жен, детей и внуков. Лишь в одном случае наследницей была названа женщина без указания степени родства (возможно, племянница), в двух случаях — племянник и племянница, и еще в одном — родственник с неизвестной степенью родства. Один раз дочерям было дано право только пользоваться, а после них недвижимость поступала церкви. Сыновья не всегда становились наследниками. Дважды наследницами становились снохи, и еще один раз вдовая сноха с детьми. Жены вместе с детьми и внуками или без них были названы в числе наследниц 30 раз, в том числе в 15 случаях они были названы единственными наследницами. Правда, и в этих ситуациях четыре раза жены должны были по смерти передать права детям.

В. Г. Шаронова

**Роль российских дипломатических представительств
во взаимодействии с китайскими морскими таможенными
в конце XIX — начале XX в. ***

Девятнадцатый век вошел в мировую историю как век активного «освоения» Китая иностранными державами, которое сами китайцы называют «западной экспансией». Это произошло в результате поражения Китая в опиумных войнах.

С 1842 по 1860 г. годы между Цинским государством и рядом европейских держав, в том числе Россией, был подписан ряд договоров, касавшихся ряда китайских портов, получивших статус открытых (Шанхай, Кантон, Фучжоу, Амой, Нинбо, Инкоу, Ханькоу, Яньтай, Тяньцзинь и др.).

Прибывшие в Китай иностранцы встретили здесь совершенно иную систему торговых и таможенных отношений. Решение проблем было возможно только путем реорганизации уже имеющихся торговых представительств. Российская империя, как и другие государства, была крайне заинтересована в расширении сферы своего влияния в регионе, а также налаживании торгово-экономических связей и сбыта своих товаров. Однако она встретила жесткую конкуренцию со стороны европейских стран, особенно Великобритании.

Основанная в 1854 г. Китайская морская таможенная служба была государственным агентством по сбору налогов, контролировавшимся центральным правительством. Однако среди ее руководителей и служащих были, в основном, иностранцы (до 1949 г.).

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00858 («Российские дипломаты в Китае (2-я половина XIX — начало XX вв.): внешнеполитическое и социокультурное измерения»), <https://rscf.ru/project/22-28-00858/>.

В 1863 г. главой агентства был назначен сэр Роберт Харт, подданный Великобритании. Захватив власть в Китайских морских таможнях, англичане тщательно контролировали весь процесс их деятельности, усиливая свое политическое и экономическое влияние. Благодаря главному инспектору Харту на должности инспекторов и комиссаров назначались, как правило, его соотечественники.

В свою очередь, в обязанности российских загранучреждений входило решение вопросов по взаимодействию с руководством таможен и отстаиванию русских интересов в торговых делах. В своих донесениях в Министерство иностранных дел российский посланник миссии в Пекине и представители консульств регулярно сообщали различные сведения, касающиеся таможен. Наши дипломаты были заинтересованы в увеличении числа русских служащих в штате Морских таможен и проводили соответствующие переговоры по этому вопросу.

В конце XIX в. назначение подданных Российской империи в Китайские морские таможни стало проходить на постоянной основе. В отборе кандидатов участвовали Министерство финансов и Министерство иностранных дел России. Между ними шла интенсивная переписка по данному вопросу.

Согласно требованиям, предъявляемым британцами, русские кандидаты должны были быть в возрасте не старше 23-х лет и хорошо владеть английским языком. После прохождения соответствующего отбора они направлялись в Лондон на стажировку. После сдачи экзамена кандидаты выезжали в Китай к месту своей службы.

Среди приоритетных направлений деятельности в таможенном деле русская дипломатия считала Маньчжурию, где Россия приобрела в аренду два порта — Дальний и Порт-Артур.

Одним из старейших портов в этом регионе являлся порт Нючжуан (Инкоу), называвшийся в свое время «Ворота Маньчжурии». Существовавшая там «джоночная» торговля была хорошо развита и приносила доходы русской казне. В 1899 г. здесь было открыто Императорское консульство России, которое возглавил опытный дипломат А. Н. Тимченко-Островерхов.

После Боксерского восстания в 1902 г. Россия установила в Инкоу русское градоначальство, которое продолжалось до нача-

ла русско-японской войны. На должности градоначальника были назначены консулы Андрей Николаевич Тимченко-Островерхов, а затем Виктор Федорович Гроссе.

Сразу же после учреждения русского временного управления над зданием таможни был вывешен российский военный флаг. Это вызвало недовольство англичан и других иностранцев. Тем не менее, российское консульство совместно с отделением Русско-Азиатского банка в Инкоу взяло под свой контроль все финансовые операции, проводимые в местных Морских таможнях.

Русско-японская война 1904–1905 гг. внесла свои изменения в налаженную систему таможенной политики Российской империи в Китае. Однако, несмотря на поражение в войне, Россия сумела отстоять свои интересы в новой политической ситуации.

В дальнейшем, благодаря слаженным действиям российских дипломатов, число русских служащих в Китайских морских таможнях увеличилось.

В. П. Шахеров

**К вопросу о состоянии ярмарочной торговли
Иркутской губернии в конце XIX в.**

Как известно, со второй половины XVIII в. ярмарки становятся преобладающей формой торговли, выполняя накопительные, распределительные и транзитные функции в движении товаров, а также формируя местные потребности и спрос. Первые ярмарки в Сибири, действующие по определенным правилам и в установленные сроки, были учреждены указом Сената в 1768 г. Эти ключевые ярмарки региона играли важнейшую роль в развитии товарооборота Сибири, включая в свою схему всю пушную торговлю северо-востока и пограничную торговлю с Монголией и Китаем. В середине XIX столетия они активно участвовали в торговом освоении новых территорий Приамурья и Приморья. Но по мере развития тихоокеанской торговли и привоза товаров из Северного Китая не только Амурский бассейн, но даже Забайкалье стало в большей степени снабжаться промышленными товарами с Востока. Наряду с ярмарками, имевшими значение центров внутренней торговли региона, в Иркутской губернии существовало много ярмарок и торжков сельского типа, обслуживающих местный рынок.

С развитием путей сообщения, транспорта и форм стационарной торговли во второй половине XIX в. обороты ярмарочного торга заметно упали, а их существование во многом было связано с особенностями региона и влиянием традиций. Современники считали, что с прокладкой железной дороги они вообще придут в упадок, уступив место более прогрессивным методам торгового маркетинга. Так собственно и произошло, но если Иркутская ярмарка почти прекратила свое действие, то значение Верхнеудинской хотя и сильно упало, но для самого региона она продолжала играть заметную роль. В 1901 г. обороты ярмарки упали в 4 раза, едва достигнув 580 тыс. руб. Появление железной дороги упростило приобретение товаров из первых

рук и позволило закупать их в Нижнем Новгороде и Москве в любое время года. Ярмарочная торговля сократилась, во многом раздробилась на более мелкие локальные торги и ярмарки, но не уничтожилась полностью. Более того, для обеспечения местных рынков, снабжения золотых приисков и торговли с Монголией в Верхнеудинске в 1903 г. вновь была учреждена летняя ярмарка, на которой закупались товарами на осень и зиму.

Некоторую роль в сохранении ярмарочной торговли в Забайкалье сыграло Иркутское отделение Государственного банка, открытое в 1865 г., но до 1890-х годов мало связанное с финансированием торгово-промышленной жизни региона. Конкуренция с частными банками приводила к тому, что значительная часть ссудно-кредитных операций проходила мимо государственного банка. Кроме того, несмотря на развитие банковской сферы во многих городах Сибири, в том числе Иркутске, довольно распространенным оставался ростовщический кредит. В этой ситуации в связи с экономическим подъемом конца XIX — начала XX в. руководство Госбанка приняло решение активнее включиться в кредитные операции частных лиц, расширяя как их сферу деятельности, так и выходы на новые территории, в частности, в Забайкалье. Новым уставом 1894 г. деятельность Госбанка в области торгово-промышленного кредита была расширена. Было предусмотрено его удешевление, введение технических улучшений для таких массовых операций как ссуды под залог ценных бумаг, прием вкладов на хранение, перевод сумм. Это сделало кредит более дешевым и доступным для различных социальных слоев населения, что стимулировало их участие в торговых операциях, в том числе ярмарочной торговле региона.

Прекрасно зная положение дел в Забайкалье, располагая необходимой информацией от своих клиентов, руководство Иркутского филиала в 1894 г. выступило с предложением об открытии временного отделения при Верхнеудинской ярмарке. В качестве необходимых для ведения дел оборотных средств была ассигнована значительная сумма в размере 500 тыс. руб. в кредитных билетах. В целом обороты ярмарки достигли по официальным сведениям 1,9 млн руб., но в действительности были значительно больше, так как многие участники либо вообще не представляли данные, либо заметно их снижали. По мнению город-

ской управы реальный оборот ярмарки 1894 г. мог состоять в привозе товаров на 4 млн руб., а в их реализации — до 3 млн руб. Из крупных торговцев участвовали по билетам 1-й гильдии 6 чел. (3 — из Иркутска), по 2-й гильдии — 37 чел. (в том числе 16 иркутян). По сообщениям торгующих их средняя прибыль составила от 2 до 10 %. Успешная реализация проекта по расширению кредитной деятельности в Забайкалье была продолжена и в последующие годы.

Таким образом, открытие временного отделения Госбанка при Верхнеудинской ярмарке способствовало сохранению этой формы торговли в регионе, содействуя росту кредитных операций, переводу денег и учету векселей, что привлекало крестьян и других мелких торговцев. Если крупные участники торгового иркутского или кяхтинского купечества брали размахом и большими объемами, то менее заметные предприниматели, как, например, «еврейский элемент», выделялись мобильностью и частотой оборота. Да и сам банк получил более 2 тыс. чистой прибыли на проведении банковских операций.

М. В. Шиловский

Политические позиции предпринимателей Сибири в конце 1917 — декабре 1919 г.

Буржуазно-кадетские круги в 1917 — первой половине 1918 г. поддержали идею автономии региона во главе с Сибирской областной думой. При этом четко оговаривалась необходимость учитывать интересы предпринимательских кругов. Однако на первом сибирском областном съезде 8–16 октября 1917 г. в Томске не было зарегистрировано ни одного представителя от предпринимательских организаций региона. В какой-то степени их интересы выражали делегаты малочисленной фракции кадетов (5 чел., или 2 % от общего числа участников).

Позиция цензовиков радикально изменилась после свержения советской власти и образования Временного Сибирского правительства (ВСП). В частности, на собрании торговопромышленников в Омске 16 июня 1918 г. по вопросу о формировании власти выдвигается предложение учредить единоличную диктатуру. В свою очередь, переехавший в середине июня из Новониколаевска в Омск Западно-Сибирский комиссариат обращается за поддержкой к местным предпринимателям.

Первой «пробой сил» предпринимателей после прихода к власти ВСП стал съезд представителей торговли, промышленности и городского домовладения Сибири и Урала в Омске 13–20 июля 1918 г., в работе которого приняло участие 250 представителей городов и торговых поселений. В постановлении относительно политической обстановки форум высказался за установление надпартийной диктатуры до открытия нового Учредительного собрания. Он признал легитимность ВСП, поскольку в своей деятельности оно опиралось на законы, принятые до октябрьского переворота 1917 г. Делегаты выступили за восстановление частной собственности, денационализацию, борьбу со спекуляцией, регулирование отношений между предпринимателями и рабочими, введение всеобщего обязательного

обучение грамоте и создание сети технических и коммерческих училищ.

В 1919 г. продолжился поиск механизмов включения цензовых элементов и группировок в политическую систему «белой Сибири». Последний раз позиция торгово-промышленных кругов региона была сформулирована в тезисах по текущему моменту 3-й конференции ПНС, завершившей свою работу в Омске 22 мая 1919 г. В них фиксировалось восстановление в полном объеме свободной торговли, «поскольку она чужда спекуляции».

Своеобразной иллюстрацией, демонстрирующей отношение предпринимателей Сибири к политическому режиму «белых» является подборка их приветственных посланий (телеграммы, письма, адреса) верховному правителю, адмиралу А. В. Колчаку. Из 653 приветствий из разных населенных пунктов Сибири, Урала, Северного Казахстана 27 (4,1 %) отправлены от имени торгово-промышленных организаций Сибири (биржевые комитеты, съезды и союзы домовладельцев, съезды золотопромышленников, торгово-промышленные палаты, собрания торгово-промышленников и т. д.).

В 1919 г. поток поздравлений прекращается и в редких по времени обращениях к верховному правителю сообщается о пожертвованиях для укрепления боеспособности армии. И здесь в первых рядах оказались новониколаевские биржевики.

Таким образом, проанализированная нами ситуация относительно отношения предпринимателей Сибири к антибольшевистским государственным образованиям на ее территории в период социального катаклизма 1917–1920 гг. свидетельствует о целенаправленной поддержке ими этих властных структур.

Г. Н. Шумкин

Трансформация рынка металлов горнозаводской промышленности Урала на рубеже XIX–XX вв.

В конце XIX — начале XX в. металлургия России пережила глубокие изменения. Во второй половине 1880-х и в 1890-е годы сочетание протекционистской политики правительства, активно-го железнодорожного строительства и притока иностранных капиталов породило на Юге России новый металлургический район, который в середине 1890-х годов превратился в лидера отрасли, оттеснив Урал на вторые позиции. В старопромышленных районах (Урал, Польша, Подмосковье) произошло кардинальное обновление производственной базы — практически все доменные печи были переведены на горячее дутье, производство сварочного железа было вытеснено производством литого металла. Кризис начала XX в. привел к волне банкротств мало-мощных и устарелых заводов и к возникновению в отрасли целого ряда монополий (Продамет, Продаруд, Гвоздь, Проволока, Кровля, Медь). В конце XIX — начале XX в. железными дорогами были соединены все основные районы страны, следствием чего стало сокращение транспортировки грузов по рекам. Все эти изменения должны были повлиять на структуру сбыта продукции горнозаводской промышленности Урала. Трансформация рынка уральских металлов в историографии освещена не достаточно подробно. В данной работе предпринимается попытка закрыть эту лауну.

До 1894 г. Урал не имел железнодорожного сообщения с Центральной Россией. Металл, как и прежде, вывозился речными караванами. Основным центром сбыта была Нижегородская ярмарка, небольшая часть металла выгружалась на пристани в Левшино (северней Перми) и на Лаишевской ярмарке под Казанью, часть шла мимо Нижнего в Петербург, часть — вниз по Волге до Дубовской пристани (для Дона), в Саратов, Царицын и

на Кавказ. Местные рынки и Сибирь большого влияния на сбыт металлов не оказывали.

Торги на Нижегородской ярмарке начинались в июле, когда прибывали барки и коломенки с металлом и когда становилась известной информация об урожае данного года. Маловодье и позднее поступление сведений об урожае задерживали открытие торгов и влияли на динамику цен. Стартом начала торгов служила публикация прейскуранта фирмой Строганова, который считался ориентиром для всех участников рынка. Как правило, на ярмарке «заводчики» сбывали металл «складчикам» (крупным оптовикам), те перепродавали металл мелким оптовикам, которые развозили металл по всей стране. В 1880-е годы на ярмарку привозили металлов на 17–19 млн руб. (9–10 % общей стоимости товаров, привозимых на ярмарку). Основным товаром было железо (сортовое и кровельное), на которое приходилось около 50 % общего веса доставленного металла, 25 % веса приходилось на изделия из железа (проволока, посуда, скрепления и т. д.), остальные 25 % — на чугун, чугунное литье, сталь, медь, медные изделия.

Ситуация стала меняться со строительством Транссиба. В 1894 г. с пуском Самаро-Златоустовской дороги резко сократили поставку металла в Нижний Новгород Катавский и Симский округа; в 1897 г. с пуском Челябино-Екатеринбургской ветки прекратил поставку Сысертский округ. Благодаря железнодорожному сообщению новыми крупными рынками становятся Сибирь и Русский Север (от Перми была проведена дорога на Котлас). При этом уральский металл постепенно вытесняется с Кавказа, Нижней Волги и Центральной России импортным металлом и металлом южных заводов. В обзоре рынка за 1898 г. отмечалось: «Нижний Новгород в лице своих крупных железоторговых фирм с каждым годом продолжает терять то первенствующее значение... И теперь рынок уже представляется совершенно иным, чем был раньше, так что по результатам Нижегородской ярмарки нельзя судить об общем ходе дел».

Однако в 1890-е годы утрата «первенствующего значения» была обусловлена не столько сокращением поставок в Нижний Новгород, сколько ростом отгрузки металла на другие рынки. В 1895 г. в Нижний Новгород речные караваны доставили 7,9

млн пуд металлов, в другие места по Волжской речной системе — 4,5; на уральские рынки, на север и в Сибирь было отгружено 6,4 млн пудов; по железной дороге во «внутреннюю» Россию — 1 млн пудов. В 1901 г. речными караванами в Нижний Новгород было доставлено 7,2 млн пудов, в другие места по Волжской системе — 2,5 млн пудов; по железной дороге во «внутреннюю» Россию — 7,8 млн пудов; на местные рынки, в Сибирь и на север — 9,4 млн пудов.

Кризис, наступивший для Урала в 1902 г., кардинально менял ситуацию — «роль Нижнего в качестве железного торговища совершенно утратилась». В 1904 г. на ярмарку привезли 1 млн пудов сортового и 3 млн пудов кровельного железа, при том что с прошлого года оставалось нераспроданными 1 млн пудов сортового и 3,8 млн пудов кровельного железа. Покупатель не желал брать металл через оптовиков, он стремился к прямым контактам с производителем. Затоваривание складов вынуждало заводчиков идти навстречу покупателю и переходить к мелкооптовой торговле и созданию собственных сбытовых сетей. Вместо преискурантов ценовым ориентиром стали котировки Санкт-Петербургской биржи, а также открытые в 1901 и 1903 гг. биржи в Перми и Екатеринбурге.

Сведения об авторах

- Абакумова Екатерина Александровна**, методист отдела регламентации образовательной деятельности Курского государственного университета, кандидат исторических наук (Курск).
- Абдрахманов Константин Алексеевич**, старший преподаватель кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук (Оренбург).
- Абдрахманова Екатерина Николаевна**, аспирант Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург).
- Абеленцева Ольга Алексеевна**, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).
- Аброськин Сергей Васильевич**, старший лаборант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
- Алмазов Александр Сергеевич**, доцент кафедры источниковедения и специальных исторических дисциплин исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, кандидат исторических наук (Москва).
- Бакалдина Елена Вячеславовна**, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).
- Балковая Валентина Григорьевна**, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры, доктор юридических наук (Владивосток).
- Белов Алексей Викторович**, старший научный сотрудник Центра изучения истории территории и населения России Института российской истории РАН, кандидат исторических наук (Москва).
- Беляева Вероника Николаевна**, доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, руководитель центра туристического образования, исследований и взаимодействия с туристической Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат исторических наук (Нижний Новгород).

- Беляева Наталья Анатольевна**, профессор департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточный федеральный университет, доктор исторических наук (Владивосток).
- Беспалёнок Елена Дмитриевна**, доцент Смоленского государственного университета, кандидат исторических наук (Смоленск).
- Богородицкая Нина Алексеевна**, член-корреспондент общества «Нижегородский краевед»
- Борщик Наталья Дмитриевна**, профессор кафедры документоведения и архивоведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, доктор исторических наук (Симферополь).
- Бродников Александр Ананьевич**, доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского национально-го исследовательского государственного университета (Новосибирск).
- Бурлуцкая Елена Владимовна**, проректор по научной работе Оренбургского государственного педагогического университета, доктор исторических наук (Оренбург).
- Валетов Тимур Якубович**, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук (Москва).
- Ван Вэй**, старший преподаватель Хэйхэского университета (Хэйхэ, Китайская Народная Республика).
- Вдовин Александр Сергеевич**, научный сотрудник Красноярского краевого краеведческого музея, кандидат исторических наук (Красноярск).
- Воробцова Лидия Николаевна**, доцент кафедры истории, культуры и искусств Новосибирского государственного университета, кандидат исторических наук (Новосибирск).
- Гаврилова Наталья Игоревна**, доцент кафедры социологии и психологии Иркутского национального исследовательского технического университета, кандидат исторических наук (Иркутск).
- Годовова Елена Викторовна**, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета, доктор исторических наук (Оренбург).
- Голодяев Константин Артемович**, научный сотрудник Музея Новосибирска (Новосибирск).

- Гряникова Галина Андреевна**, преподаватель кафедры отечественной истории Института истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул).
- Гущина Дина Вадимовна**, аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва).
- Дацьшен Владимир Григорьевич**, главный научный сотрудник Отдела исторической и региональной демографии Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор исторических наук (Красноярск).
- Дворецкая Анна Павловна**, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета, кандидат исторических наук (Красноярск).
- Дмитриева Зоя Васильевна**, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук (Санкт-Петербург).
- Дроботушенко Евгений Викторович**, декан историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета, кандидат исторических наук (Чита).
- Дудин Павел Николаевич**, директор Центра изучения государства и права стран Восточной Азии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, доктор исторических наук (Улан-Удэ).
- Дятлов Виктор Иннокентьевич**, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, профессор кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор исторических наук (Иркутск).
- Емельянова Анастасия Александровна**, студентка Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург).
- Ермакова Ольга Константиновна**, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, кандидат исторических наук (Екатеринбург).
- Ермолаев Алексей Николаевич**, главный научный сотрудник лаборатории истории Южной Сибири Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН, профессор кафедры ис-

тории России Кемеровского государственного университета, доктор исторических наук (Кемерово).

Ефимова Виктория Викторовна, доцент кафедры теории права и гражданско-правовых дисциплин Петрозаводского государственного университета, доктор исторических наук (Петрозаводск).

Жиброва Татьяна Валерьевна, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Воронежского государственного медицинского университета им. Н. Н. Бурденко, кандидат исторических наук (Воронеж).

Запорожченко Галина Михайловна, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, доктор исторических наук (Новосибирск).

Захаров Виктор Николаевич, главный научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН, главный редактор журнала «Российская история», доктор исторических наук (Москва).

Зиновьев Василий Павлович, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета; ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета, доктор исторических наук (Томск).

Злотникова Светлана Геннадьевна, аспирант Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан).

Измайлов Бахтияр Искандерович, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, кандидат исторических наук (Казань).

Ильиных Владимир Андреевич, заведующий сектором аграрной и демографической истории Института истории СО РАН, доктор исторических наук (Новосибирск).

Ильиных Ольга Владимировна, студентка Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск).

Кальмина Лилия Владимировна, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, доктор исторических наук (Улан-Удэ).

Кандаурова Татьяна Николаевна, доцент кафедры истории и теории культуры факультета культурологии Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук (Москва).

- Керейбаева Асель Серикбайкызы**, преподаватель-исследователь средней общеобразовательной школы № 30, магистр истории (Семей, Казахстан).
- Килин Алексей Павлович**, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета им. Первого президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук (Екатеринбург).
- Кириллов Алексей Константинович**, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, кандидат исторических наук (Новосибирск).
- Кискидосова Татьяна Александровна**, заведующая сектором истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, кандидат исторических наук (Абакан).
- Козлов Сергей Александрович**, заведующий кафедрой истории, философии и культурологии Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, доктор исторических наук (Санкт-Петербург).
- Козлова Наталия Вадимовна**, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук (Москва).
- Комлева Евгения Владиславовна**, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, ведущий специалист Российской национальной библиотеки, доктор исторических наук (Новосибирск).
- Кореева Наталья Анатольевна**, старший научный сотрудник Института Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, кандидат исторических наук (Казань).
- Корнилов Артем Юрьевич**, независимый исследователь (Владимир).
- Корноухова Гадила Гизатуллаевна**, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов, кандидат исторических наук (Москва).
- Кравцова Елена Сергеевна**, профессор кафедры философии Курского государственного медицинского университета, доктор исторических наук (Курск).
- Крапоткина Ирина Евгеньевна**, доцент Елабужского института (филиала) Казанского федерального университета, кандидат исторических наук (Елабуга).

- Кузьмин Юрий Васильевич**, профессор кафедры мировой экономики и экономической безопасности, научный руководитель Центра изучения Монголии Байкальского государственного университета, доктор исторических наук (Иркутск).
- Купченко Константин Владимирович**, доцент Смоленской государственной сельскохозяйственной академии, доцент Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат исторических наук (Смоленск).
- Кушнарeva Маргарита Дмитриевна**, доцент кафедры прикладной информатики и документоведения Иркутского государственного университета, доктор исторических наук (Иркутск).
- Левина Жанна Ефимовна**, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, доктор исторических наук (Омск).
- Ледров Сергей Михайлович**, редактор издательского центра учебной и учебно-методической литературы Нижегородского института развития образования, доцент Филиала Московского университета им. С. Ю. Витте в г. Нижнем Новгороде, кандидат исторических наук (Нижний Новгород).
- Леонтьев Евгений Викторович**, старший научный сотрудник Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартынова (Минусинск).
- Лисейцев Дмитрий Владимирович**, главный научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН, доктор исторических наук (Москва).
- Лобачева Ирина Николаевна**, старший преподаватель Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, кандидат исторических наук (Тула).
- Лукин Олег Александрович**, преподаватель учебного центра, кандидат ветеринарных наук (Могилев, Республика Беларусь).
- Майзик Елена Игоревна**, заведующая сектором отдела истории Красноярского краевого краеведческого музея (Красноярск).
- Маслова Инга Владимировна**, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Елабужского института Казанского федерального университета, доктор исторических наук (Елабуга).
- Мельник Анастасия Михайловна**, ведущий библиотекарь Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

- Микитюк Владимир Петрович**, старший научный сотрудник Центра экономической истории Института истории и археологии УрО РАН, кандидат исторических наук (Екатеринбург).
- Минаева Татьяна Станиславовна**, профессор кафедры отечественной истории Высшей школы социально-гуманитарных дисциплин Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук (Архангельск).
- Митлина Юлия Витальевна**, аспирант Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург).
- Морева Ольга Викторовна**, старший научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН, кандидат исторических наук (Новосибирск).
- Морозан Владимир Васильевич**, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук (Санкт-Петербург).
- Мустафин Артур Рашидович**, научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат исторических наук (Москва).
- Островский Леонид Казимирович**, профессор кафедры истории и философии Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета, доктор исторических наук (Новосибирск).
- Павлина Татьяна Викторовна**, доцент кафедры теории и истории права и государства Российского нового университета, кандидат исторических наук (Москва).
- Паршуков Владимир Александрович**, ведущий инженер Муниципального бюджетного учреждения «Управление инженерной защиты» (Ульяновск).
- Перхавко Валерий Борисович**, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН, кандидат исторических наук (Москва).
- Поляков Иван Анатольевич**, научный сотрудник Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, младший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).

- Раздорский Алексей Игоревич**, заведующий сектором исторической библиографии Российской национальной библиотеки, ассоциированный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, председатель Ассоциации исследователей истории торговли, купечества и таможенного дела, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).
- Редин Дмитрий Алексеевич**, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, доктор исторических наук (Екатеринбург).
- Роднов Михаил Игоревич**, ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, доктор исторических наук (Уфа).
- Рынков Вадим Маркович**, директор Института истории СО РАН, доктор исторических наук (Новосибирск).
- Савинов Михаил Авинирович**, доцент Балтийского государственного технического университета «Военмех», кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).
- Савченко Максим Михайлович**, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии, кандидат исторических наук (Москва).
- Сазонова Татьяна Викторовна**, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).
- Саломатина Софья Александровна**, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук (Москва).
- Середа Надежда Владимировна**, профессор кафедры архивоведения, историографии и документоведения Тверского государственного университета, доктор исторических наук (Тверь).
- Соколов Александр Станиславович**, заведующий кафедрой истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета им. В. Ф. Уткина, доктор исторических наук (Рязань).
- Соколовский Иван Ростиславович**, научный сотрудник Института истории СО РАН, кандидат исторических наук (Новосибирск).
- Смирнова Мария Александровна**, старший научный сотрудник Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, младший научный сотрудник Отдела новой истории России Санкт-

Петербургского Института истории РАН, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).

Стрекалова Наталья Валерьевна, доцент кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, кандидат исторических наук (Тамбов).

Твердюкова Елена Дмитриевна, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук (Санкт-Петербург).

Тимофеев Дмитрий Владимирович, заведующий центром социальной истории Института истории и археологии УрО РАН, доктор исторических наук (Екатеринбург).

Тихонова Мария Валерьевна, младший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург).

Ткачев Виталий Викторович, аспирант исторического факультета Иркутского государственного университета, заместитель директора, секретарь Иркутского регионального отделения Российского общества «Знание» (пос. Маркова, Иркутская обл.).

Токтамысов Сакен Жаугаштович, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов, кандидат исторических наук (Москва).

Тутаев Илья Васильевич, преподаватель кафедры теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Вышая школа экономики», аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург).

Фельдман Дмитрий Захарович, главный специалист Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва).

Филатова Светлана Владимировна, доцент кафедры «Изобразительное искусство и культурология» Пензенского государственного университета, кандидат исторических наук (Пенза).

Хоменко Денис Юрьевич, руководитель Центра историко-патриотического воспитания Красноярского медицинского техникума, кандидат исторических наук (Красноярск).

Цыденова Лилия Борисовна, заместитель директора по научной работе Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева (Кяхта).

Четырина Наталья Аркадьевна, научный сотрудник кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского го-

сударственного университета им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук (Москва).

Шаронова Виктория Геннадьевна, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, кандидат исторических наук (Москва).

Шахеров Вадим Петрович, профессор Иркутского государственного университета, доктор исторических наук (Иркутск).

Шиловский Михаил Викторович, заведующий сектором истории второй половины XVI — начала XX в. Института истории СО РАН, доктор исторических наук (Новосибирск).

Шумкин Георгий Николаевич, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, кандидат исторических наук (Екатеринбург).